ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

2 (69)
журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2026

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (69), 2026

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Т.Ш. Биттирова*,
к.и.н. *А.Х. Боров*, д.ф.н. *А.М. Гутов*, д.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Б.А. Мусуков*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Л.Б. Хавжокова,* к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

© ИГИ КБНЦ РАН, 2026
© Коллектив авторов, 2026

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (69)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2026

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (69), 2026

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

Editor-in-chief

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

Editorial board

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*);
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *L.B. Khavzhokova*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© IHR KBSC RAS, 2026
© Authors, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

Березин Я.Б., Гущина А.А., Матаев В.В. О датировке и культурной принадлежности городища Кызбурун III (по материалам работ 2024 гг.) 7

Базиева Г.Д. Культурно-просветительная работа в Кабардино-Балкарии в период культурной революции 1920–1930 гг. 29

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АфIэунэ А.А. Адыгэбзэм и джылахъстэней псэлъэкIэм дэплъагъу бзэхабзэ ухуэкIэхэр 36

Хежева З.Р. Концепт *гу* «сердце» в языковой картине мира Б.К. Утижева 44

Хежева М.Р. Трансляция семантики количественности в языке прозы Х.Т. Шекихачева 51

Шэру Н.Гъу. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и псыжь щIыпIэбзэ: макъ дэкIуашэхэм я системэ 58

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Алхасова С.М. Проблемы памяти и смены поколений в повести А. Налоева «Дальние зарницы» 69

Берберов Б.А. От фаэтона до патефона: предметно-лексический код любви в карачаево-балкарских народных песнях 75

Биттирланы Т.Ш. Къоркъмазланы Османны повестьлери: энчи къадарны юсю бла суратлау кертичиликге 86

Гузиева (*Сарбашева*) *А.М.* Хранитель культурных традиций народа (к 140-летию С.О. Шахмурзаева) 93

Гутов А.М., Гутова Л.А. У истоков адыгского эпосоведения 100

ЮБИЛЕИ

Кешева З.М. Жизнь, посвященная истории (к 90-летию О.Л. Опрышко) 114

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

Berezin Ya.B., Gushchina A.A., Mataev V.V. — On the dating and cultural affiliation of the Kyzburun III municipality (based on the results of works in 2024) 7

Bazieva G.D. — Cultural and educational work in Kabardino-Balkariya during the cultural revolution of the 1920s and 1930s 29

LINGUISTICS

Afaunova A.A. — Grammatical constructions characteristic of the Little Kabardian dialect of the Kabardino-Circassian language 36

Khezeva, Z.R. — Concept of the *gu* "heart" in the B.K. Utizhev's linguistic picture of the world 44

Khezheva M.R. — Translation of the semantics of quantity in the prose language of Kh. T. Shekihachev 51

Sherieva.G.N. — The Kuban dialect of the Kabardino-Circassian language: the consonant system 58

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

Alkhasova S.M. — Problems of Memory and Generational change in A. Naloev's novel "Distant Lightnings 69

Berberov B.A. — From phaeton to gramophone: the subject-lexical code of love in karachay-balkar folk songs 75

Bittirova T.Sh. — Korkmazov Osman's novels: to the artistic reality of life through personal destiny 86

Guzieva (*Sarbasheva*) *A.M.* — Keeper of the people's cultural traditions (on the 140th anniversary of S.O. Shakhmurzaev) 93

Gutov A.M., Gutova L.A. — At the Origins of Adyghe Epic Studies 100

ANNIVERSARIES

Kesheva Z.M. — A life dedicated to history (on the 90th anniversary of O.L. Oprishko) 114

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902/904 (470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-7-28

О ДАТИРОВКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОРОДИЩА КЫЗБУРУН III (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2024 ГГ.)*

***Яков Борисович Березин*[1]✉, *Анастасия Андреевна Гущина*[2], *Василий Владимирович Матаев*[3]**

[1] Научно-исследовательский институт и Музей антропологии имени Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[2, 3] Научно-исследовательская археологическая лаборатория им. В.И. Мамонтова Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», Волгоград, Россия
[1] yakov_berezin@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0417-4668
[2] legenda@vspu.ru, https://orcid.org/0009-0001-9681-2825
[3] legenda@vspu.ru, https://orcid.org/0009-0005-4367-793X

© Я.Б. Березин, А.А. Гущина, В.В. Матаев, 2026

Аннотация. Статья посвящена публикации и анализу материалов (главным образом, фрагментов керамических сосудов), обнаруженных в 2024 гг. отрядом ООО «Археологическая экспедиция» (Ростовская область) при проведении историко-культурной экспертизы на объекте культурного наследия «Городище Кызбурун III**» в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики. Памятник известен в археологической литературе с 1920х годов, однако сколько-нибудь углублённого его исследования не проводилось. Традиционно он связывался с периодом раннего средневековья.

Впервые публикуются керамические находки с территории «Городища Кызбурун III». Находки происходят как из подъёмного материала, так и из стратифицированных шурфов, исследовано одно погребение. Проведенный анализ позволил установить, что объект имеет два разновременных слоя. Нижний слой связан с западнокобанской археологической культурой и может датироваться предскифским временем. Верхний слой оставлен аборигенным северокавказским населением, потомками кобанской культуры, и датируется сарматским временем. Наличный материал позволяет датировать памятник в пределах II – половины половины III вв. н.э. Наиболее вероятная культурная принадлежность – ранний этап аланской культуры, к этому же периоду, очевидно, относятся имеющиеся здесь фортификационные сооружения (рвы, валы, эскарпирование склонов).

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская республика, Баксанский район, городища, керамические материалы, кобанская культура, сарматское время, археологические материалы, эволюция человека

* Работа подготовлена в рамках НИР «Евразийская антропология в координатах времени и пространства».

** Авторы в курсе переименования в 1992 году сел Кызбурун I, II, и III соответственно в Атажукино, Исламей и Дыгулубгей. Однако получившие до этого события свои названия историко-культурные объекты в государственной учетной документации свои имена сохранили. Мы не считаем себя в праве переименовывать памятники, это вопрос компетенции государственных надзорных органов.

***Для цитирования**:* Березин Я.Б., Гущина А.А., Матаев В.В. О датировке и культурной принадлежности городища Кызбурун III (по материалам работ 2024 гг.) // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 7–28. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-7-28

Original article

ON THE DATING AND CULTURAL AFFILIATION OF THE KYZBURUN III MUNICIPALITY (BASED ON THE RESULTS OF WORKS IN 2024)

Yakov B. Berezin[1]✉, Anastasiya A. Gushchina[2], Vasilij V. Mataev[3]

[1] D.N. Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
[2, 3] Research Archaeological Laboratory named after V.I. Mamontova, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation
[1] yakov_berezin@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0417-4668
[2] legenda@vspu.ru, https://orcid.org/0009-0001-9681-2825
[3] legenda@vspu.ru, https://orcid.org/0009-0005-4367-793X

© Ya.B. Berezin, A.A. Gushchina, V.V. Mataev, 2026

Abstract. The article is devoted to the publication and analysis of materials (mainly fragments of ceramic vessels) discovered in 2019 and 2024. detachments of Archaeological Expedition LLC (Rostov Region) during a historical and cultural examination at the Baksan settlements cultural heritage site in the Baksan district of the Kabardino-Balkarian Republic. The monument has been known in archaeological literature since the 1920s, but no in-depth research has been carried out. Traditionally, it was associated with the period of the early Middle Ages.

Finds come from both lifting material and stratified pits. The analysis made it possible to establish that the object has two layers of different times. The lower layer is associated with the West Koban archaeological culture and can date from the pre-Scythian time. The upper layer is left by the indigenous North Caucasian population, descendants of the Koban culture, and dates from the Sarmatian time. Unfortunately, the lack of good chronological benchmarks does not allow us to clarify the dating inside the III century. BC–IV BC, this requires additional research. Certain types of ornaments indicate the functioning of the settlement within the framework of the II century. BC-beg. II BC

For the first time, ceramic finds are published from the territory of the "Baksan fortifications". The monument is firmly dated to the Sarmatian time, to which, obviously, the fortifications available here (ditches, ramparts, escarpment of slopes) belong.

***Keywords**:* Kabardino-Balkar Republic, Baksan district, settlements, ceramic materials, Koban culture, Sarmatian time, archaeological materials, human evolution

***For citation**:* Berezin Ya.B., Gushchina A.A., Mataev V.V. On the dating and cultural affiliation of the Kyzburun III municipality (based on the results of works in 2024). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 7–28. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-7-28

Представляемая авторами статья является продолжением публикации итогов научно-исследовательских археологических работ, осуществленных ООО «Археологическая экспедиция» (Ростовская область) при проведении историко-культурной экспертизы народнохозяйственного проекта на территории Баксанского района Кабардино-Балкарской Республики. Исследования выполнялись при участии авторов статьи*. Первая часть опубликована в «Вестник КБИГИ», № 1, 2026 г.

Объект культурного наследия федерального значения «Городища Кызбурун-II (три городища)» поставлен на государственную охрану Постановлением Совета Министров КБАССР за № 3276 от 16.06.1971 г. Статус объекта культурного наследия утвержден приказом Министерства культуры Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 1906. Регистрационный номер объекта культурного наследия

* Авторы признательны О.С. Поповой за возможность пользоваться неопубликованными материалами ее работ.

в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации 071640682130006.

Городище расположено в пределах Баксанского муниципального района КБР, на высокой террасе левого берега р. Баксан, на северо-восточной окраине с. Атажукино. Фактически, это единый памятник, территория которого расчленена разного размера балками, спускающимися с высокого левого берега р. Баксан. В процессе многолетних исследований и бюрократических процедур при постановке на учет он был разделен на три археологических памятника: «*Кызбурун Первый. Городище», «Кызбурун Второй. Городище 1», «Кызбурун Второй. Городище 2».* Во избежание путаницы с уже опубликованными материалами мы используем существующие названия.

Объект археологического наследия **«*Кызбурун Первый. Городище»*** выявлен в 1933 г. Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством Б.Е. Деген-Ковалевского [Деген-Ковалевский 1935: 12]. Автором был собран подъемный материал (фрагменты керамики, кости животных), а также произведена глазомерная съемка. На территории цитадели зафиксированы остатки вала и шести башен. В 1934 г. А.А. Иессену был передан клад железных изделий, обнаруженный рабочими при прокладке дороги у северо-восточного угла цитадели, в лощине.

В 1984 г. археологической экспедицией КБИИИФЭ под руководством В.М. Батчаева произведена инструментальная съемка плана городища, зафиксированы произошедшие с 1930-х годов утраты [Батчаев 1984]. В 2016 г. ООО «Институт археологии Кавказа» провел работы по определению границ памятника [Байзуллаева 2017]. В ходе работ заложено 6 археологических шурфов, собран подъемный материал, проведена топографическая съемка. Впервые выявлен выносной форпост, защищавший городище с северо-запада.

В процессе проведения наших исследований 2024 года памятник был повторно обследован, уточнены западная и восточная границы. В ходе работ объект осмотрен, составлен план памятника, проведены шурфовочные работы, определены границы территории объекта, произведена фотофиксация. Заложено в общей сложности 10 археологических шурфов 2х1 м, 8 из которых дали находки и 1 зачистка обнажения грунта. Мощность культурного слоя колебалась от 0.2 до 0.9 м.

По результатам последнего обследования городище имеет неправильную форму, вытянуто по линии запад – восток. Занимает участки левобережной террасы р. Баксан и, частично, спускающиеся к реке склоны, расчленена многочисленными балками. Восточная часть задернована, западная – распахана. С юга территорию городища ограничивает резкое понижение рельефа, на востоке глубокая балка. Через центральную часть городища по линии ЗЮЗ – ВСВ проходит ВЛ 150 кВ.

Основная масса керамики лепная, что хорошо читается на оборотной стороне сосудов с плохо заглаженными налепными жгутами. Ввиду сильной фрагментации сосудов их формы восстанавливаются с трудом. Уверенно можно говорить, что два из найденных фрагментов принадлежали мискам (рис. 4, *4, 7*). Оба типа мисок (с загнутым внутрь бортиком и отогнутым наружу, образующим горизонтальную или наклонную площадку) широко распространены на протяжении всего сарматского времени [Абрамова 1993, рис. 14, 15, 55, 64]. Не столь определенно можно говорить о наличии среди фрагментов осколков кухонных горшков, крупных тарных сосудов, столовых сосудов (кувшины? кружки?).

Орнаментация довольно скудна. Наиболее распространенный вариант – продавленные полосы на внешней стороне стенок, как одиночные, так и парные, групповые (рис. 4, *6, 9*). Реже встречаются: налепной треугольный валик на внешней стороне стенки (рис. 3,*6*; 4, *3*), продавленный желобок под венчиком сосуда (рис. 4, *2, 4*). Обнаружен один фрагмент венчика сосуда с крупными наклонными насечками на венчике (рис.4, *10*). К сожалению, тип сосуда из-за небольшой величины фрагментов установить нельзя, однако результаты раскопок на поселении II в.

до н.э. «Георгиевская станица – 2» позволяют утверждать, что наклонные насечки на венчике были свойственны почти исключительно одной группе керамики – кухонным горшкам [Березин, Колесниченко 2009: 53–54; Прокофьева, Прокофьев 2018: 107]. На поселениях Кавминвод они обнаружены в слое вместе с другими типами керамики, свойственными именно для сарматской эпохи [Березин, Кулаков 2022; рис. 6, *2–4*: 7, *3–4*]. Таким образом, на сегодняшний день, находки отогнутых наружу венчиков, снабженных наклонной насечкой по верхнему их краю, позволяют связывать данный конкретный памятник с сарматским временем в целом. Встречены подобные сосуды и на памятниках заведомо несколько более позднего времени, например, на городище ранней аланской культуры Зилги в Северной Осетии [Аржанцева, Деопик 1989: рис. 10, *9, 10*].

Преобладающая часть фрагментов имеет поверхность различных оттенков серого, черного цвета, зачастую в сочетании с коричневым. Как правило, поверхность заглажена с различной степенью тщательности, достаточно много фрагментов с шероховатой или, напротив, лощеной поверхностью. Обжиг хороший сквозной, излом и поверхность, как правило, одного цвета, хотя есть и исключения.

Характерной технологической чертой является преобладание в тесте в качестве отощительной примеси песка различных фракций, от крупного до мельчайшего. Реже встречается дресва, иногда трудно отличить крупный, слабо окатанный песок, от дресвы. Тесто плотное, хорошо промешанное, вероятно, органические добавки в тесто не использовались.

К числу индивидуальных находок можно отнести дисковидный предмет, сделанный из стенки темно-серого лепного керамического сосуда (рис. 4, *11*). Предмет небольшой, диаметр его 3,1–3,4 см, края хорошо заглажены. Возможно, он использовался для нанесения линий на необожженные сосуды, или в иных целях (игральная фишка?).

Вероятно, к иной эпохе относится фрагмент стенки крупного сосуда из сборов (рис. 3, *5*). Это фрагмент стенки кирпичного цвета, обжиг сквозной, однородный по всей толщине. Из примесей заметен очень мелкий песок, поверхность при слабом нажатии стирается, «пачкается». К сожалению, фрагмент сильно замыт и точной датировке не поддается. Он может принадлежать как майкопской культуре эпохе ранней бронзы, так и быть фрагментом крупного тарного сосуда античного времени. В последнем случае он соответствует по времени остальной коллекции.

Все описанные выше признаки позволяют датировать основную часть находок сарматским временем, более точное определение на имеющемся материале невозможно, наиболее вероятно, что памятник однослойный, наличие слоя эпохи ранней бронзы требует подтверждения.

Объект археологического наследия ***«Кызбурун Второй. Городище 1»***, выявлен в 1934 г. Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством А.А. Иессена [Иессен 1941], собран подъемный материал.

В 1983 г. археологическая экспедиция КБИИИФЭ под руководством Батчаева В.М. [Батчаев 1983] обследовала памятник, был снят инструментальный план. Шурфовка городища не проводилась, оно датировано IV–XIII вв. (аланская культура).

При проведении наших работ в 2024 году объект был осмотрен, составлен план памятника, проведены шурфовки, определены границы территории объекта, произведена фотофиксация. Всего заложено 8 шурфов, осуществлено 5 зачисток стенок канавы, культурный слой выявлен в 3х шурфах и 3х зачистках, его мощность колебалась от 0.5 до 1 м.

Городище расположено на территории Баксанского муниципального района КБР, на северо-восточной окраине с. Атажукино. Занимает часть высокой террасы левого берега р. Баксан, состоит из двух частей, разделенных балкой. Городище имеет форму неправильной геометрической фигуры, вытянуто по линии юго-запад – северо-восток. В западной части городища сохранилась цитадель.

Территория памятника задернована, на территории расположены две фермы. На севере построен водоотводной канал Баксанской ГЭС. Через центральную часть городища по линии ЮЗ-СВ проходят две линии ВЛ, через северную часть по линии ЗЮЗ-ВСВ ВЛ 150 кВ. С юга территорию городища ограничивает глубокий обрыв левого берега р. Баксан, на востоке граничит с территорией «Кызбурун Первый. Городище», их разделяет глубокий овраг.

Находки с территории данного городища значительно более представительны. Оно явно имеет два периода существования. К более раннему относятся находки (рис. 7, *7, 11, 16, 17*, рис. 8, *1–5*). Все они, за исключением рис. 7, *7* сделаны в пределах одного шурфа 33, причем в нижних слоях. Вероятно, в этот период обитаемая площадь была ощутимо меньше, чем в более позднее время.

Они отличаются от описываемых далее по ряду параметров. Вся посуда полностью лепная. Поверхность, как правило, черная, темно-серая и серая, реже – коричневая, в тесте преобладает дресва различных фракций, хотя и песок тоже есть. Внешняя сторона обычно заглажена, реже – шероховатая, в нескольких случаях тщательно залощена.

Выделяется целый ряд фрагментов с пышным орнаментом. Чаще всего это геометрический орнамент прочерченными треугольниками или полосами, заштрихованными короткими линиями. Орнамент прорезной, нанесен на подсушенный, но еще не обожженный сосуд. Также встречаются группы прочерченных вертикальных линий, сплошное покрытие поверхности рядами вдавленных параллельных линий, ряд вдавлений круглого штампа. Основания единственной найденной ручки также покрыто беспорядочно нанесенными прочерченными линиями (рис. 8, *2*).

Подобные орнаменты имеют многочисленные аналогии из материалов бытовых памятников с территории КБР и Пятигорья [Козенкова 1989: табл. III–XII]. Судя по типам орнамента, более вероятно отнесение ее к предскифскому периоду, в рамках VIII–VII вв. до н.э., чем к последующему времени.

Основная масса представленных в коллекции фрагментов керамики принадлежит более позднему времени. Большая ее часть, скорее всего, лепная. К числу сосудов, сделанных с применением гончарного круга и обожженных в специализированном горне, можно отнести, например, фрагмент (рис. 9, *3*) с характерными полосками от круга быстрого вращения. Целых или восстанавливаемых форм нет, однако по характерным деталям можно идентифицировать несколько типов сосудов: миски (рис. 8, *6*), кувшины (рис. 7, *13*; 9, *3*), крупные тарные кувшины (рис. 5.*5*; рис. 7, *13*; рис. 9, *2*), тарные сосуды типа пифосов (рис. 6, *1*; рис. 9, *1*), кухонные горшки (рис. 7, *10*). Вероятно, большая часть керамики принадлежит тарным сосудам. Преобладающая часть фрагментов имеет поверхность различных оттенков серого, черного цвета, зачастую в сочетании с коричневым. Как правило, поверхность заглажена с различной степенью тщательности, достаточно много фрагментов с шероховатой или, напротив, лощеной поверхностью. Обжиг хороший, сквозной, излом и поверхность, как правило, одного цвета, хотя есть и исключения.

Характерной технологической чертой является полное преобладание в тесте в качестве отощительной примеси песка различных фракций, от крупного до мельчайшего, реже встречается дресва. Тесто плотное, хорошо промешанное, вероятно, органические добавки в тесто не использовались. Часть посуды изготавливалась с применением каких-то вращающихся подставок или небыстрого гончарного круга. Об этом говорят следы вращения, часто сохраняющиеся на внутренней стороне.

Орнаменты использовались не часто. Наиболее распространенный вариант – треугольный в сечении налеп на стенках сосудов (рис. 5, *2*; рис. 6, *2*). Кроме того, обнаружены: налепная ленточка с выступами на верхней части ручки (рис. 5, *3*), наклонная насечка по верхней части венчика (рис. 7, *10*), пролощенные или

продавленные полосы на корпусе (рис. 7, *2, 9, 15*); в одном случае зигзагообразная пролощенная полоса (рис. 9, *3*). Обращает на себя внимание ручка крупного сосуда с налепной ленточкой у верхнего прилепа (рис. 5, *3*). Подобные ручки принадлежат чаще всего крупным тарным трехручным кувшинам, налепная ленточка зачастую снабжена дополнительными защипами. Целая серия подобных ручек была найдена на поселении Энергетик на окраине г. Пятигорска [Березин 2002: рис. 74, *3*; 92; 277, *6*; Чухаркин, 2004: рис. 69; 215, *3*; 290, *2*; 313, *2*; 315, *5*]. Поселение определенно принадлежит ранней аланской культуре Северного Кавказа и датируется III–IV вв. н.э. по трехчастному костному гребню черняховской культуры [Березин, Швырева: 210–212].

При обследовании строительной траншеи на городище «Кызбурун Второй, Городище 1», было обнаружено погребение. Для его исследования в стенку траншеи сделана врезка 2х1.5 м, также зачищен борт траншеи (зачистка 8). Погребение было впущено в уже существовавший культурный слой, это подтверждают находки невыразительных фрагментов керамики в толще заполнения ямы. К сожалению, верхняя часть скелета была разрушена траншеей, кости черепа собраны на отвале грунта. Погребальное сооружение представляло собой грунтовую яму, с заовалеными короткими сторонами, ориентировано длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Стенки вертикальные, дно горизонтальное.

Погребение одиночное, принадлежало женщине 30–40 лет[*]. Кости ступней разрушены хорошо зафиксированной норой землеройного животного. Первоначальная поза погребенной не очень ясна, возможны два варианта: вытянуто на спине с поднятыми в согнутых коленях ногами, либо на левом боку с согнутыми в коленях ногами. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть у левого крыла таза, правая, возможно, была согнута в локте под прямым углом. Кисть отсутствовала. Тленов, пигментов не обнаружено. Инвентарь:

1. Крупный фрагмент литого зеркала-подвески из бронзового сплава белого цвета, находился на левом плече погребенной.

2. Бронзовый колокольчик, находился в нижней части левой стороны грудной клетки.

3. У коленных сгибов находился булыжный камень длиной до 10 см без следов обработки.

Датировку погребения во многом определяет находка зеркала. А.М. Хазанов еще в 1963 году отнес эти зеркала к типу IX своей классификации и датировал II–III вв. н.э. [Хазанов 1963: 66–67], особо оговорив, что предметы с тамгообразными знаками на обороте наиболее характерны для западной части Северного Кавказа. М.П. Абрамова поддержала эту датировку, отмечая их появление с конца I в. н.э. [Абрамова 1971: 129–131]. В.Б. Виноградов и В.А. Петренко подчеркивая, что тамгообразный орнамент появляется на зеркалах-подвесках только во II в. н.э., склоняются к ограничению их бытования именно этим веком [Виноградов, Петренко 1977: 45, 48]. А.С. Скрипкин ограничил верхнюю границу бытования зеркал-подвесок с боковой ручкой на территориях Поволжья и Приуралья серединой III в. н.э. [Скрипкин 1984: 48]. И.И. Марченко также склонен связывать данные зеркала, скорее, со II в. н.э. [Марченко 1996: 24, рис. 5]. В современном понимании зеркала-подвески с боковой ручкой и орнаментом на обороте бытуют в Центральном Предкавказье во втором – начале третьего века н.э. [Габуев, Малашев 2009: 136].

Интересна подвеска-колокольчик. Она изготовлена из довольно тонкого бронзового листа, шва спайки не видно, возможно, отштампована по матрице. Наверху сквозное отверстие, в которое вставлена петля для подвешивания. Подобные предметы, детали украшения костюма и (или) конской сбруи были широко распространены по всему Северному Кавказу в ареале обитания кобанской

[*] Определение принадлежит к.и.н. Перерве Е.В. (ВолГУ, Волгоград).

культуры. Некоторые из них очень похожи на нашу находку [Козенкова 1998: 41, табл. 12, *3*]. Известны подобные подвески и в более позднее время, в том числе на территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья [Керефов 1988: 52, рис. 26, *46, 47, 54;* Березин 2011: 44, рис. 8]. Зачастую они имеют треугольные прорези в корпусе или несколько иную форму. Вероятно, наш колокольчик следует рассматривать в рамках продолжения этой традиции.

По описанным выше причинам точно определить обряд погребения сложно. Признаков курганной насыпи на месте погребения выявлено не было, вероятнее всего траншея затронула расположенный здесь грунтовый могильник. Установленные детали погребального обряда (грунтовая яма, вытянутое положение погребенного, возможно с поднятыми вверх в согнутых коленях ногами, ориентировка в западном секторе, положение кисти руки на живот) находят полные и многочисленные аналогии в обряде грунтовых могильников близлежащих территорий КБР сарматского времени [Керефов 1988: 68–71]. Справедливости ради отметим, что погребальный обряд местного населения этого периода весьма пестр и далек от единообразия.

Объект археологического наследия **«*Кызбурун Второй. Городище 2*»** был выявлен в 1934 г. Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством А.А. Иессена, собран подъемный материал [Иессен 1941]. В 1983 г. он обследован археологической экспедицией КБИИИФЭ под руководством Батчаева В.М. [Батчаев 1983], был снят инструментальный план памятника. Шурфовочные работы не проводились, памятник датирован IV–XIII вв. и отнесен к средневековой аланской культуре.

При проведении наших работ в 2024 году объект был осмотрен, составлен план, проведены шурфовки, определены границы территории, произведена фотофиксация. Заложено 4 археологических шурфа, осуществлено 2 зачистки имеющихся обнажений. Культурный слой выявлен в одном шурфе, где его мощность достигала 0.75 м.

Городище расположено на территории Баксанского муниципального района КБР, на юго-западной окраине с.п. Исламей, на высокой террасе левого берега р. Баксан, имеет форму неправильной геометрической фигуры, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток. Территории задернована, рельеф понижается в северо-восточном направлении. Цитадель и фортификационные сооружения сильно пострадали от современной хозяйственной деятельности. Территория замусорена, изрыта, встречаются навалы грунта. Северо-западная часть частично уничтожена при строительстве пруда. С юга территорию городища ограничивает глубокий обрыв левого берега р. Баксан, на западе овраг, с востока край пологой балки.

Количество и качество собранных керамических коллекций значительно скромнее, чем на двух рассмотренных ранее городищах. Целых или восстанавливаемых форм нет, однако по характерным деталям можно идентифицировать несколько типов сосудов: миски, крупные тарные кувшины с тремя ручками, тарные сосуды типа пифосов. Вероятно, большая часть керамики принадлежит тарным сосудам. Преобладающая часть фрагментов имеет поверхность различных оттенков серого, черного цвета, зачастую в сочетании с коричневым. Как правило, поверхность заглажена с различной степенью тщательности, достаточно много фрагментов с шероховатой или, напротив, лощеной поверхностью. Обжиг хороший сквозной, излом и поверхность, как правило, одного цвета, хотя есть и исключения.

Характерной технологической чертой является полное преобладание в тесте в качестве отощительной примеси песка различных фракций, от крупного до мельчайшего. Как примесь встречаются дресва и шамот. Тесто плотное, хорошо промешанное, вероятно, органические добавки в тесто не использовались. Вероятно, значительная часть посуды изготавливалась с применением каких-то вращающихся

подставок или небыстрого гончарного круга. Об этом говорят следы вращения, часто сохраняющиеся на внутренней стороне.

Орнаменты использовались не часто. Наиболее распространенный вариант – треугольный в сечении налеп на стенках сосудов. Встречаются так пролощенные полосы на стенках, более редкий вариант – орнамент, процарапанный по лощеной или заглаженной поверхности. На ручках сосудов, на верхнем прилепе с внешней стороны, встречаются налепные ленточки, иногда на этом же месте расположено округлое вдавление и несколько налепных выступов. В целом, керамические материалы с Городища 2 идентичны рассмотренным выше находкам с двух других городищ (рис. 11).

Таким образом, анализ находок, собранных с территории всех трех объектов культурного наследия, позволяет достаточно уверенно заявить, что они являются, по сути, одним большим городищем, протяженность которого вдоль левого берега р. Баксан около 2 км, а ширина колеблется от 100–150 до 350–400 м. Авторы отдают себе отчет, что достаточно скромные материалы разведок не позволяют провести уверенную культурно-хронологическую атрибуцию памятника, но дают возможность предпринять такую попытку.

Выше уже было указано, что работы археологов XX века на Баксанских городищах привели их к твердой уверенности о принадлежности этих памятников средневековым аланам. Выдающийся кавказовед-медеевист В.А. Кузнецов поддерживал эту гипотезу до своих последних дней [Кузнецов 2014: 76–83]. Однако, уже после масштабных работ В.Б. Ковалевской и И.А. Аржанцевой во второй половине 1980х годов на Зилгинском городище в Осетии ситуация изменилась. К сожалению, результаты этих работ опубликованы фрагментарно, однако можно считать вполне установленным фактом, что основные слои Зилгинского городища относятся к I–IV вв. н.э. [Аржанцева. Деопик, 1989: 93]. Постепенно, по мере накопления объективных данных, шел пересмотр датировки городищ и в смежных с Северной Осетией регионах. В настоящее время большинство специалистов считают, что основной культурный слой и фортификационные сооружения «земляных» городищ Северного Кавказа относятся к финалу эпохи раннего железа [Габуев, Малашев 2009: 144–146].

Опорной точкой для датировки в нашем случае служит погребение. К сожалению, его соотношение с культурным слоем городища не совсем ясно. Установлено, что погребение либо одновременное с культурным слоем, либо несколько более позднее. То есть, культурный слой не должен относится ко времени более позднему, чем первая половина III в.н.э. Анализ керамического материала показывает присутствие некоторых элементов раннего аланского керамического комплекса (ленточные налепы на верхнем прилепе ручки). Остальные из встреченных форм и орнаментов (кухонные горшки с насечками по краю венчика, треугольные налепы на стенках, пролощенные полосы, зигзагообразный орнамент) встречаются как в более раннее, так и в более позднее время. Таким образом, на сегодняшний день датировка основного культурного слоя объекта «Городище Кызбурун III (три городища)» выглядит как II – первая половина III вв. н.э., наиболее вероятная культурная принадлежность – ранний этап аланской археологической культуры. С этим же временем, что наиболее вероятно, связана постройка фортификационных сооружений. Дальнейшие исследования могут уточнить или изменить эту датировку.

На территории памятника «Кызбурун Второй. Городище 1» есть участок с культурным слоем более раннего времени, относящийся к кобанской культуре предскифского времени, наиболее вероятно, VIII–VII вв. до н.э. Судя по тому, что слой этого времени был обнаружен только в одном шурфе (№ 33) из 13 зондажей (8 шурфов и 5 зачисток), сделанных на этом городище, площадь раннего памятника была небольшой. Вопрос о существовании здесь слоев более раннего времени остается открытым.

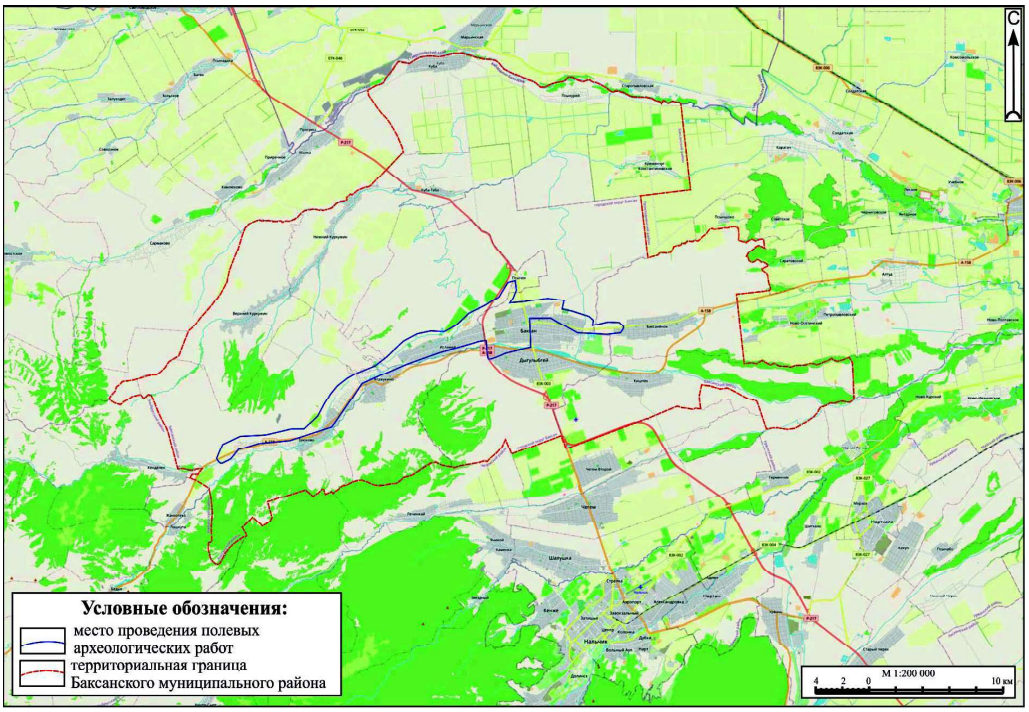

Рис. 1. Зона археологических разведок 2024 года на карте Баксанского муниципального района.

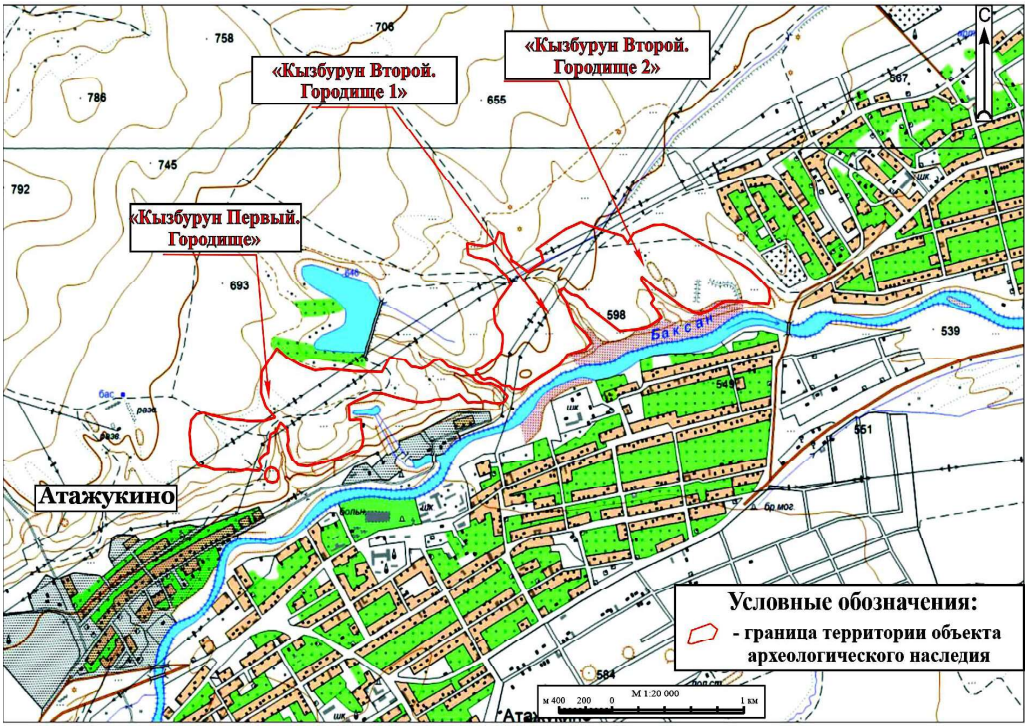

Рис. 2. Ситуационный план расположения Кызбурун Первый городище, Кызбурун Второй городища 1, 2.

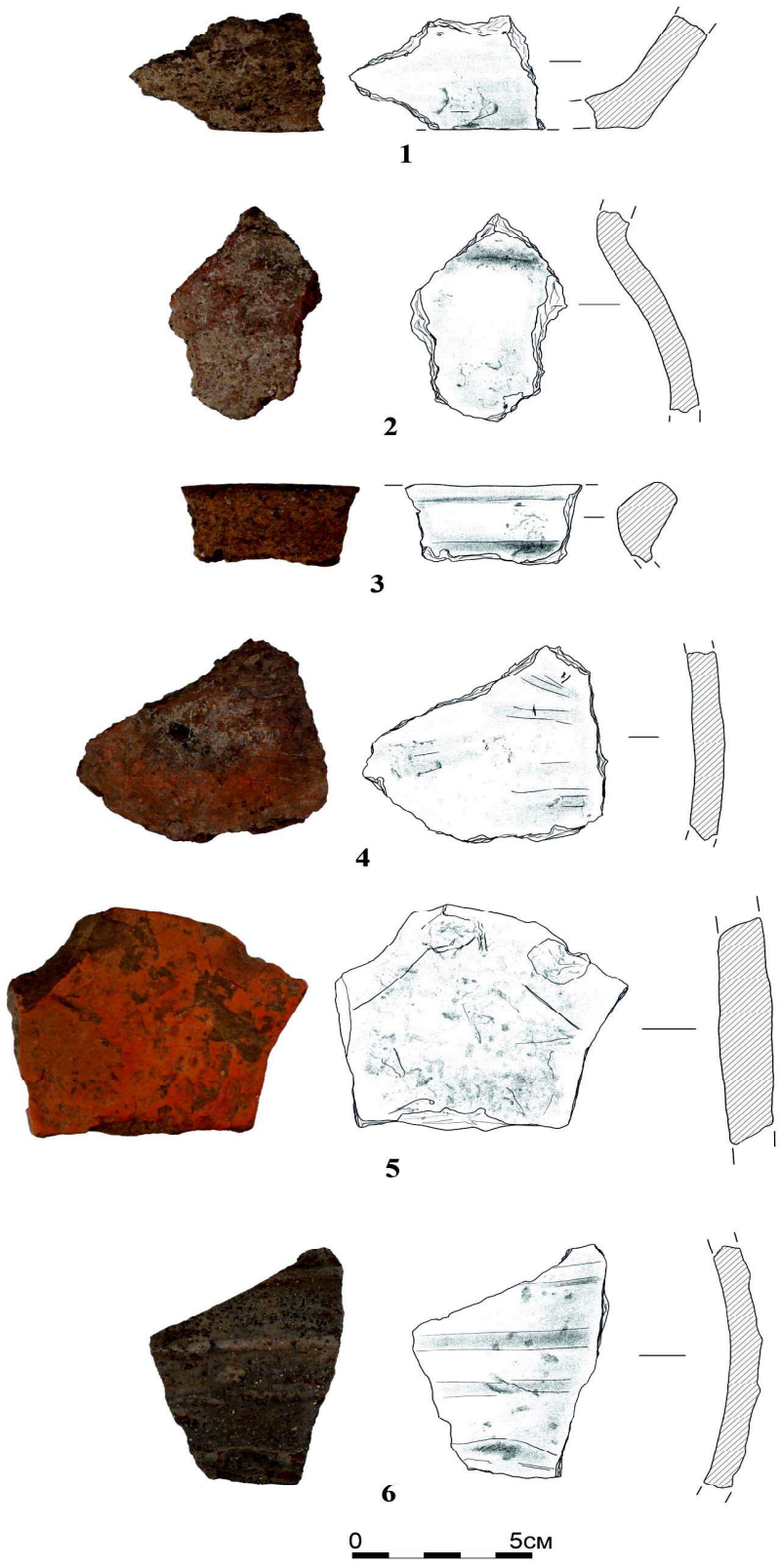

Рис. 3. Кызбурун Первый, городище, сборы.

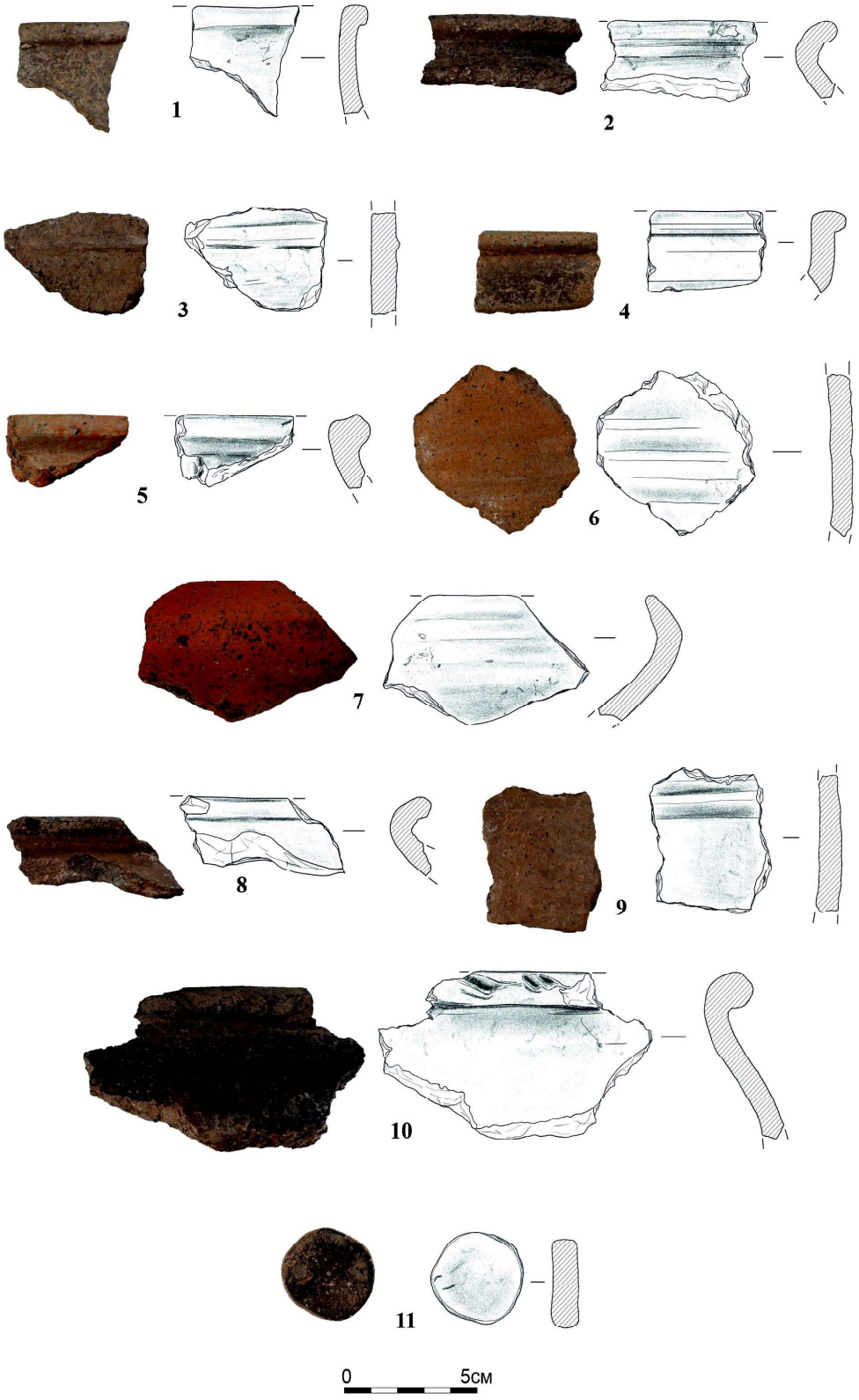

Рис. 4. Кызбурун Первый, городище, находки из шурфов, 1 – шурф 20, хоз. яма; 2–3, шурф 21, пласт 3; 4–6, шурф 22, пласт 4;7 – 9, шурф 27, пласт 1; 10–11, шурф 28, пласт 2.

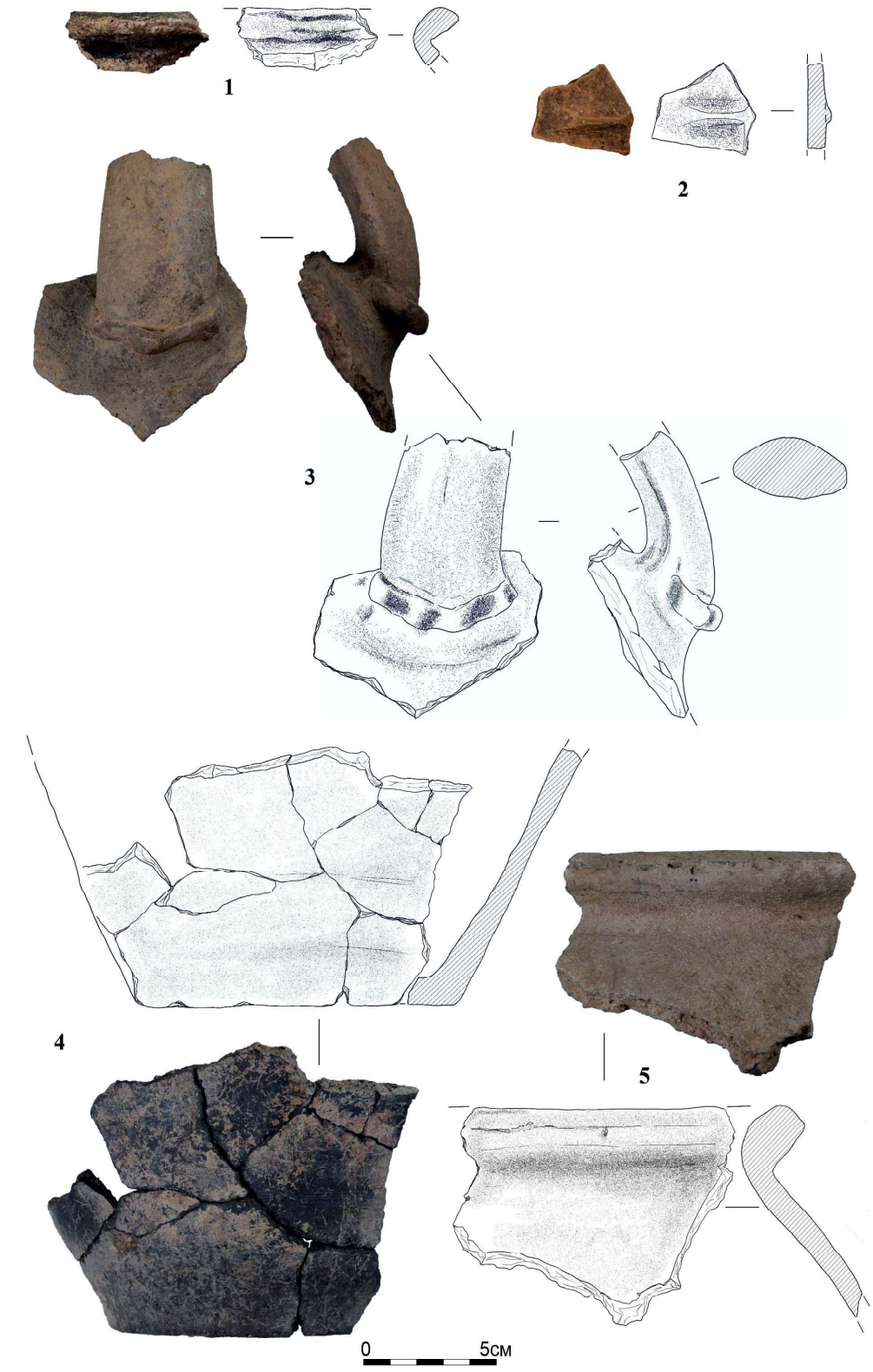

Рис. 5. Кызбурун Второй, городище 1. Сборы.

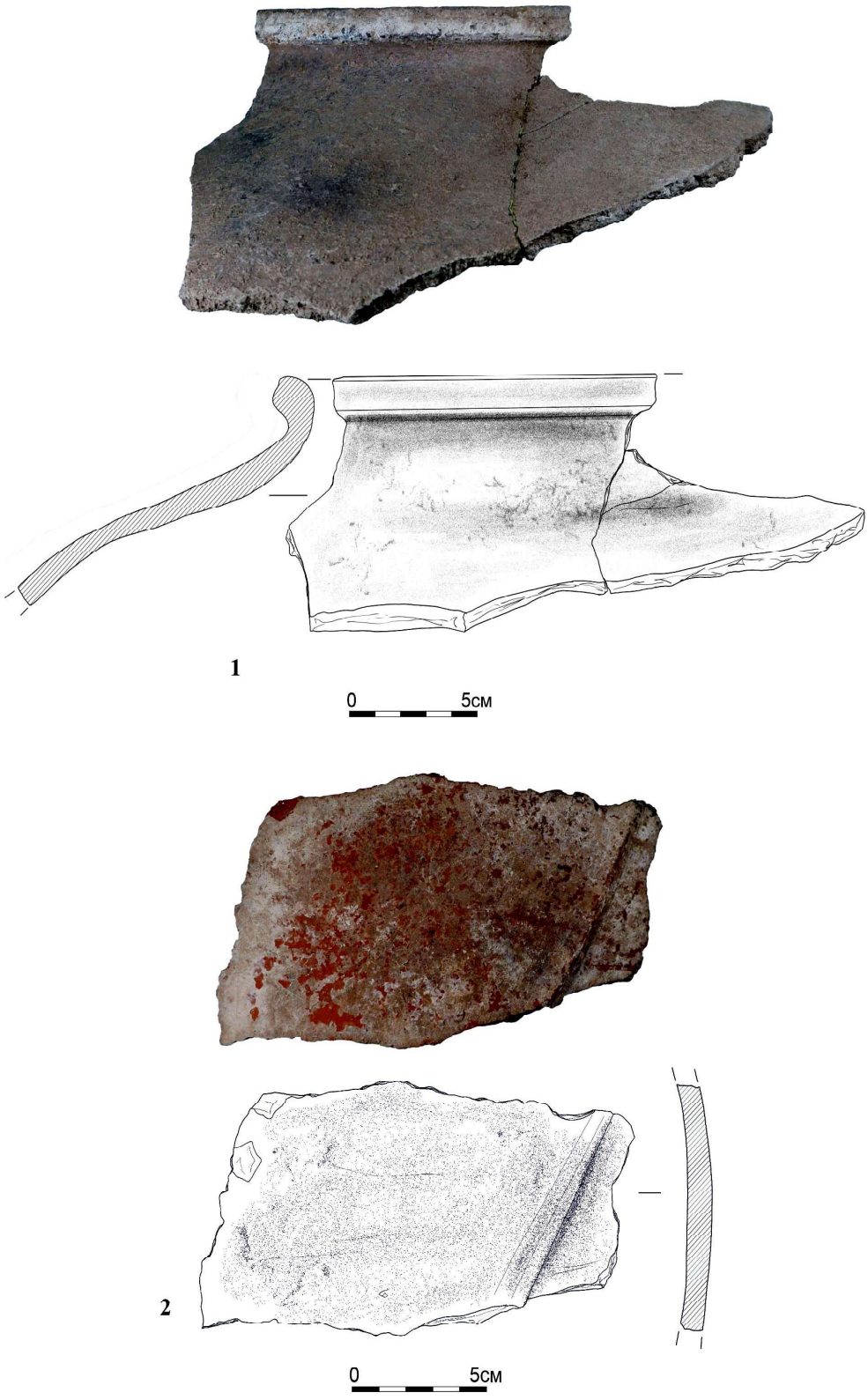

Рис. 6. Кызбурун Второй, городище 1. Сборы.

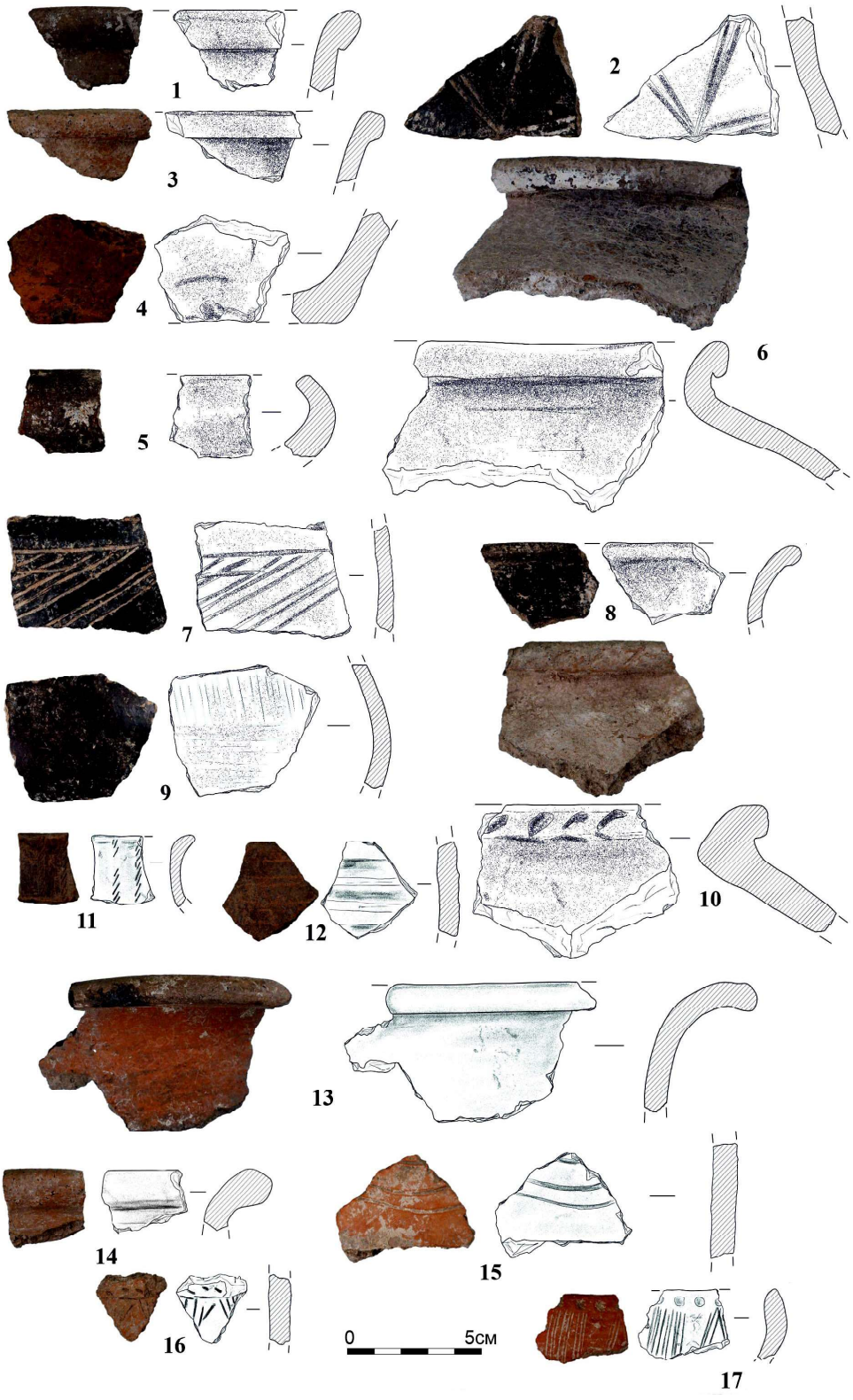

Рис. 7. Кызбурун Второй, городище 1. Находки из шурфов. 1–2, шурф 32, пласт 2; 3–4, шурф 32, пласт 3; 5–10, шурф 32, пласт 4 (хоз. яма); 11–12, шурф 33, пласт 1; 13–16, шурф 33, пласт 2; 17, шурф 33, пласт 3.

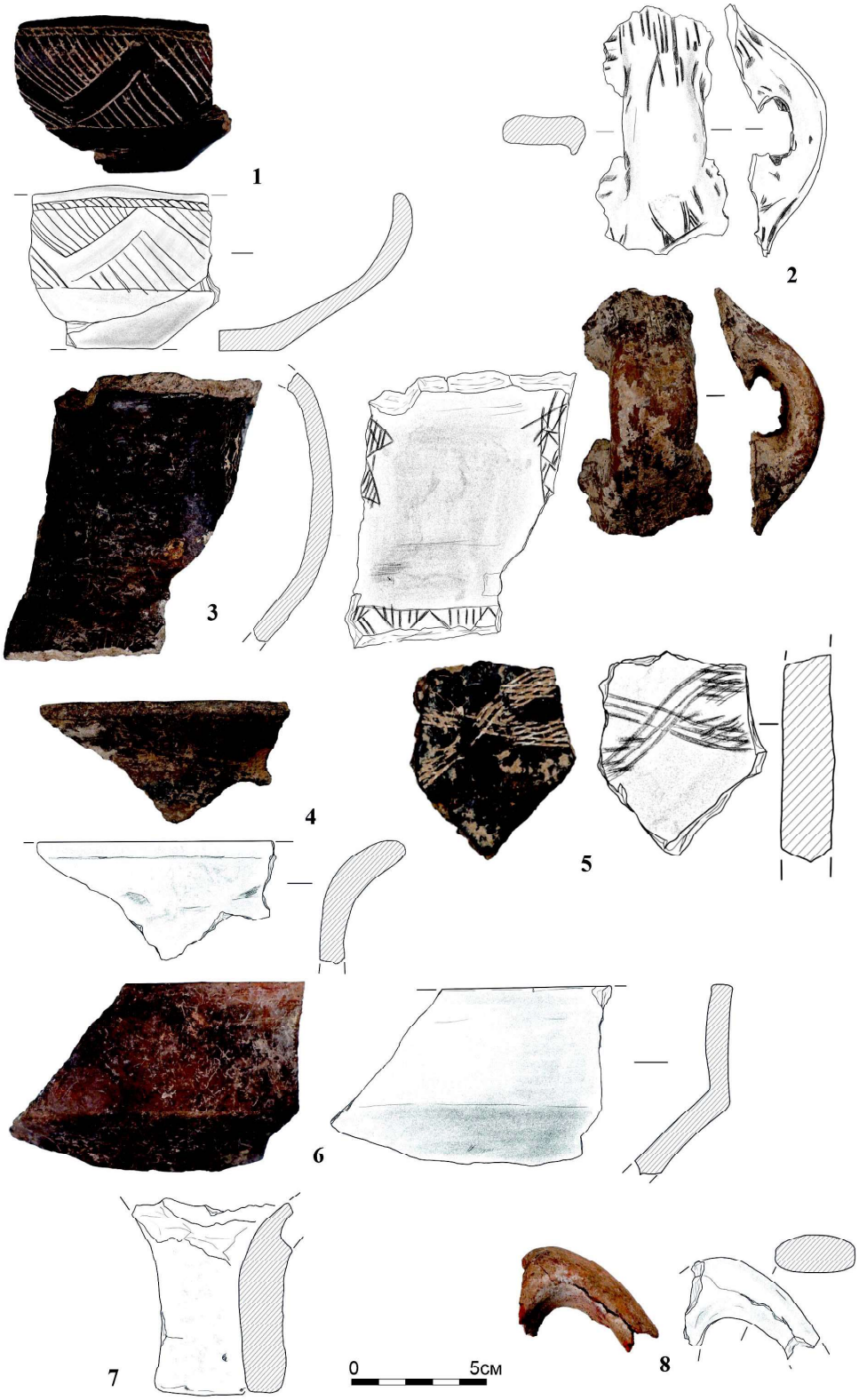

Рис. 8. Кызбурун Второй, городище 1. Находки из шурфов и зачистки. 1–4, шурф 33, пласт 5; 6–8, зачистка 8.

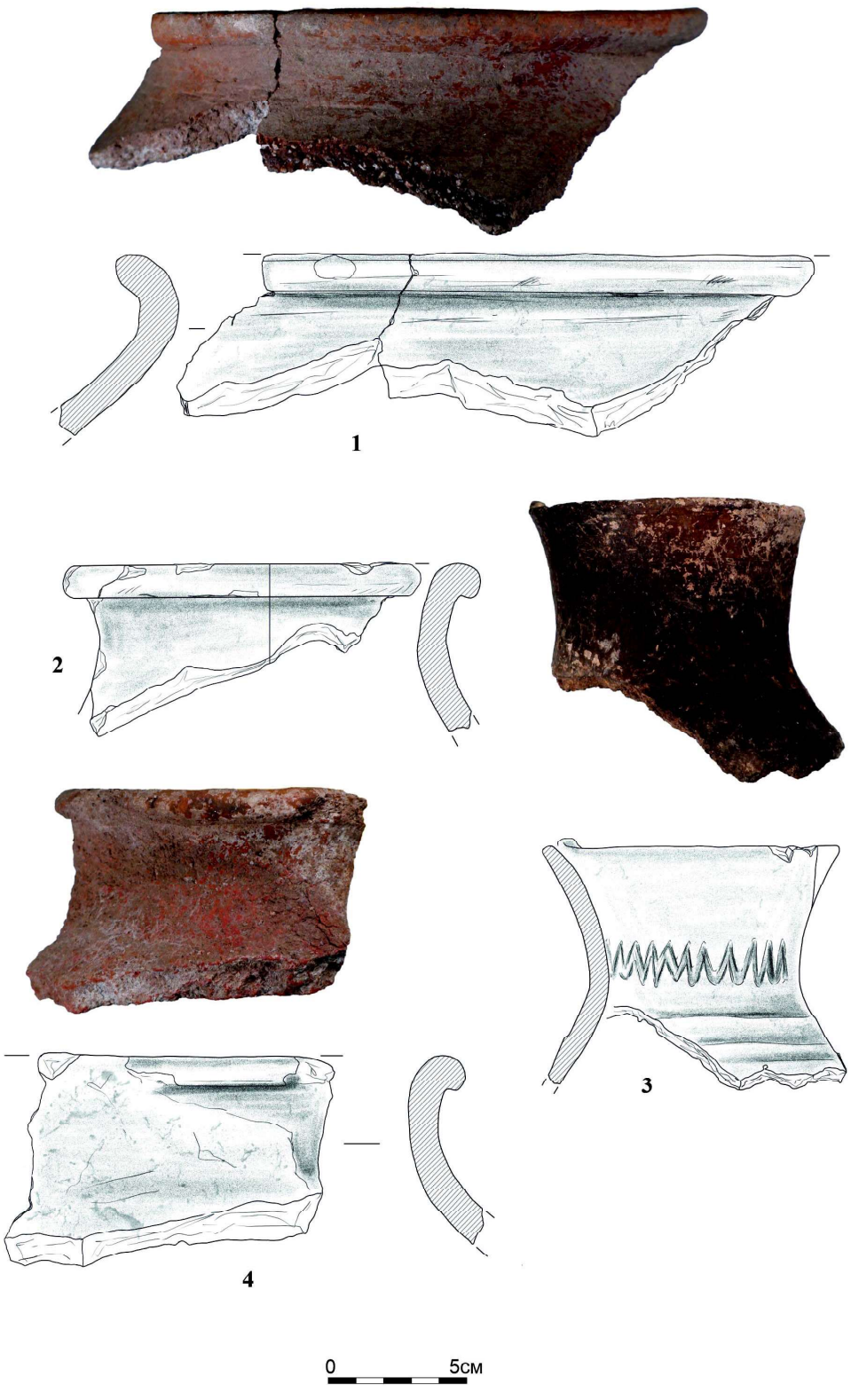

Рис. 9. Кызбурун Второй, городище 1. Находки из зачистки. 1–4, зачистка 8.

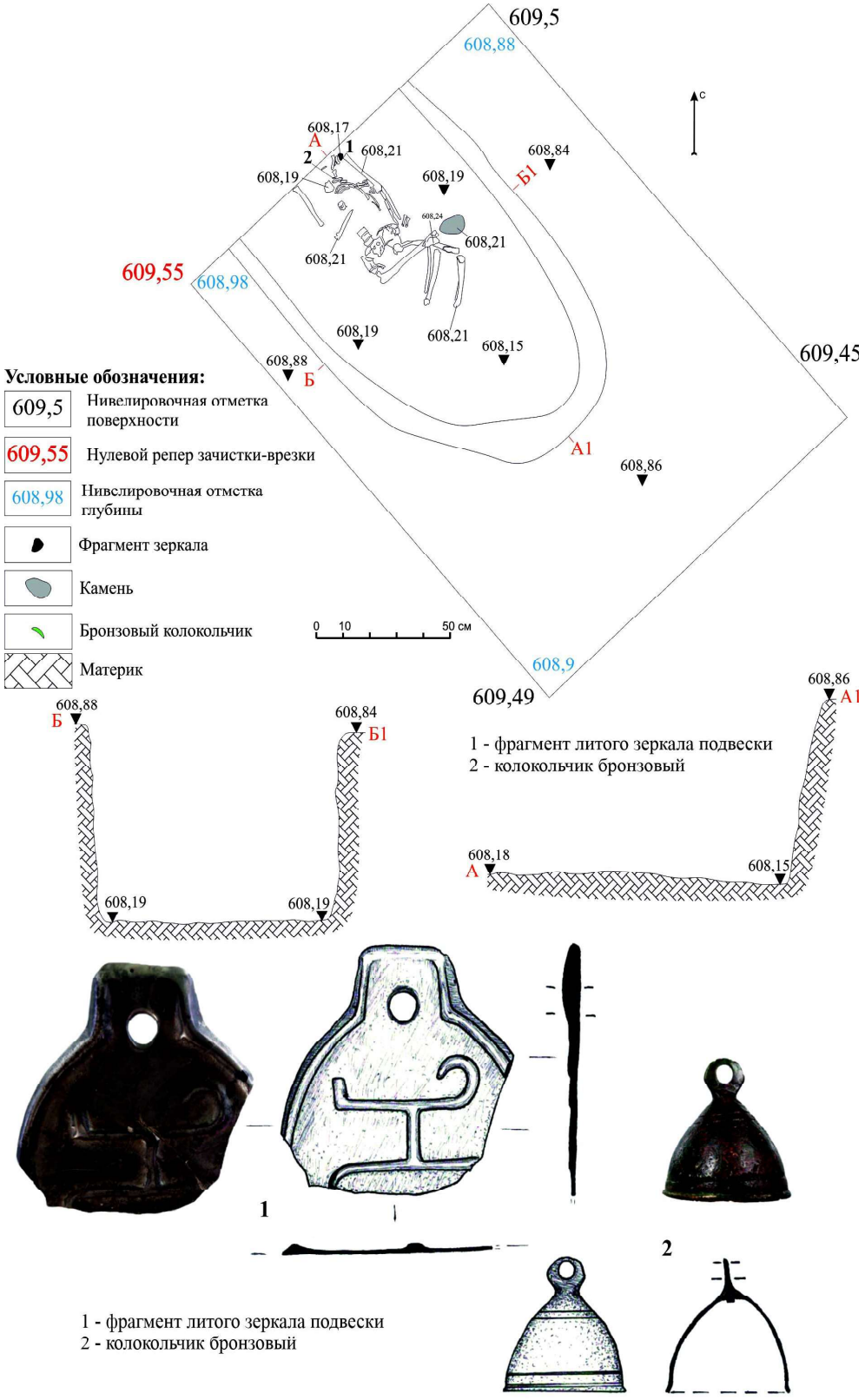

Рис. 10. Кызбурун Второй, городище 1.
Зачистка 8, погребение. План, разрез, находки.

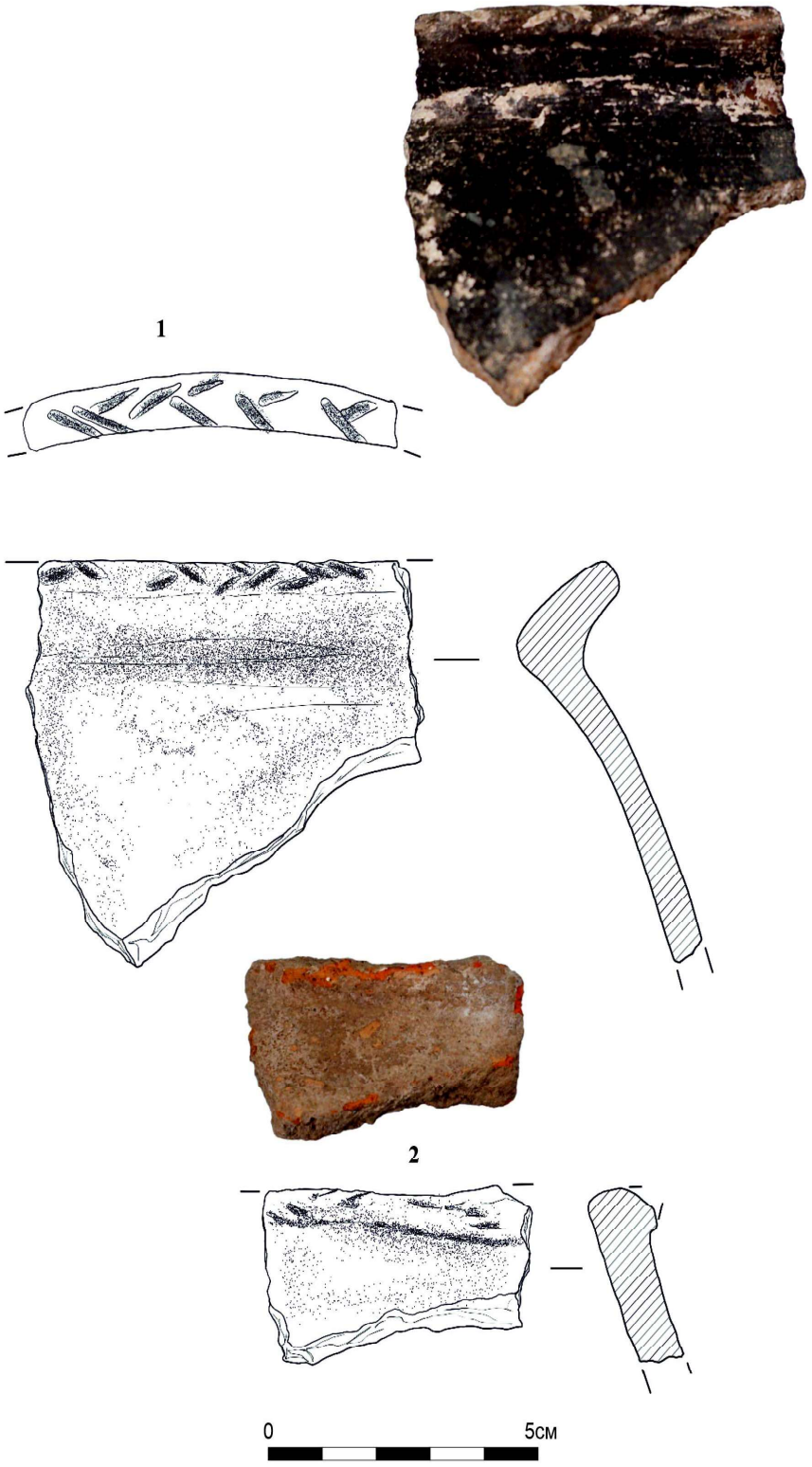

Рис. 11. Кызбурун Второй, городище 2. Находки из шурфа. 1–2. Шурф 43, пласт 3.

Список источников и литературы

Абрамова 1971 – *Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н.э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Изд-во Советская Россия, 1971. С. 121–132.

Абрамова 1993 – *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2. М.: Изд-во ИА РАН, 1993. 240 с.

Аржанцева, Деопик 1989 – *Аржанцева И.А., Деопик Д.В.* Зилги – городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М: Институт востоковедения АН СССР, 1989. С. 75–107.

Байзуллаева – *Байзуллаева Т.М.* Отчет об археологических исследованиях (разведках) 2016 г. в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики на территории объекта культурного наследия «Кузбурун Первый. Городище» // Архив ИА РАН. Р-1. № 55248, 55249.

Батчаев – *Батчаев В.М.* Отчет об итогах разведочной археологической экспедиции Кабардино-Балкарского ИИФЭ в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9665, 9665а.

Березин 2011 – *Березин Я.Б.* Могильник эпохи раннего железа у пос. Кирпичный (гор. Ессентуки) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 12. Армавир: Изд-во ЦАИ АГПУ, 2011. С. 42–51.

Березин 2002 – *Березин Я.Б.* Отчет об археологических раскопках поселения «Энергетик» на территории города Железноводска Ставропольского края в 2001 году. Ставрополь, 2002. Архив ИА РАН, Р-1. № 26051, 26052.

Березин, Колесниченко 2009 – *Березин Я.Б., Колесниченко К.Б.* Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станица-2» // Историко-археологический альманах. Вып. 9, Армавир, Краснодар, Москва, 2009. С. 53–58.

Березин, Кулаков, 2009 – *Березин Я.Б. Кулаков А.А.* Исследования археологических памятников Кавминвод по программе строительства велотерренкура в 2020–2021 гг. // Шестой Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов. Пятигорск: Дизайн-студия Б, 2022. С. 56–71.

Березин, Швырева 2007 – *Березин Я.Б. Швырева А.К.* Фауна поселения Энергетик II–IV вв. на Пятигорье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 208–217.

Виноградов, Петренко 1977 – *Виноградов В.Б. Петренко В.А.* К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 148. М.: Наука, 1977. С. 44–49.

Габуев, Малашев 2009 – *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.

Деген-Ковалевский 1935 – *Деген-Ковалевский Б.Е.* Работы на строительстве Баксанской электростанции // Известия ГАИМК. Вып. 110: Археологические работы академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 2. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 7–23.

Иессен 1941 – *Иессен А.А.* Река Баксан, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / под ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 220–236.

Керефов 1988 – *Керефов В.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 214 с.

Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. САИ. В2–5. М.: Наука, 1989. 196 с.

Козенкова 1998 – *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. В2-5. М., 1998. 200 с.

Кузнецов 2014 – *Кузнецов В.А.* Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения Родины. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

Марченко 1996 – *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996. 336 с.

Попова 2025 – *Попова О.С.* Отчет об археологических разведках в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики в 2024 г. Ростовская область. 2025, Архив ИА РАН. Р-1.

Прокофьева, Прокофьев 2018 – *Прокофьева Т.Е. Прокофьев Р.В.* Новое в керамическом комплексе поселения раннего железного века «Георгиевская станица II» на

Ставрополье (по материалам раскопок 2014 года) // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Ю.Н. Воронова. Сухум: Дом печати, 2018. С. 107–114.

Скрипкин 1984 – *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. 149 с.

Хазанов 1963 – *Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. 1963. № 3. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 58–71.

Чухаркин 2004 – *Чухаркин А.Л.* Отчет об археологических раскопках укрепления «Энергетик» на территории города Железноводска Ставропольского края в 2003 году. Ставрополь, 2004. Личный архив Я.Б. Березина.

Список сокращений

ВЛ – высоковольтная линия.

ИА – Институт археологии.

САИ – Свод археологических источников.

References

ABRAMOVA M.P. *Central'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian period]. In: Arkheologiya ehpokhi velikogo pereseleniya narodov i rannego srednevekov'ya [Archeology of the epoch of the Great Migration of peoples and the early Middle Ages]. Vyp. 2. M.: Izd-vo IA RAN, 1993. 240 s. (In Russian)

ABRAMOVA M.P. *Zerkala gornykh rajonov Severnogo Kavkaza v pervye veka n.eh.* [Mirrors of the mountainous regions of the North Caucasus in the first centuries A.D.]. In: Istoriya i kul'tura Vostochnoj Evropy po arkheologicheskim dannym [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data]. M:. Izd-vo Sovetskaya Rossiya, 1971. S. 121–132. (In Russian)

ARZHANCEVA I.A., DEOPIK D.V. *Zilgi – gorodishche nachala I – tysyacheletiya n.eh. na styke stepi i predgorij v Severnoj Osetii* [Zilgi– a settlement of the beginning of the 1st millennium A.D. at the junction of the steppe and foothills in North Ossetia] In: Uchyonye zapiski Komissii po izucheniyu pamyatnikov civilizacij drevnego i srednevekovogo Vostoka [Scientific notes of the Commission for the Study of Monuments of Civilizations of the Ancient and Medieval East. M.: Institut vostokovedeniya AN SSSR, 1989. Pp. 75–107. (In Russian)

BAJZULLAEVA T.M. *Otchyot ob arkheologicheskikh issledovaniyakh (razvedkakh) 2016 g. v Baksanskom rajone Kabardino-Balkarskoj Respubliki na territorii ob"ekta kul'turnogo naslediya «Kuzburun Pervyj. Gorodishche»* [Report on archaeological research (exploration) in 2016 in the Baksan district of the Kabardino-Balkarian Republic on the territory of the cultural heritage site "Kuzburun the First. Gorodishche"]. In: Arkhiv IA RAN. R-1. № 55248, 55249. (In Russian)

BATCHAEV V.M. *Otchyot ob itogakh razvedochnoj arkheologicheskoj ehkspedicii Kabardino-Balkarskogo IIFE v 1983 g.* [Report on the results of the exploratory archaeological expedition of the Kabardino-Balkarian IIFE in 1983]. In: Arkhiv IA RAN. R-1. № 9665, 9665a. (In Russian)

BEREZIN YA.B. *Mogil'nik ehpokhi rannego zheleza u pos. Kirpichnyj* (*gor. Essentuki*) [Early Iron age burial ground near the village. Kirpichny (Essentuki)]. In: MIASK [Materials and research on the archeology of the North Caucasus]. Vyp. 12. Armavir:Izd-vo CAI AGPU, 2011. S. 42 – 51. (In Russian)

BEREZIN Y.B. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh poseleniya "Ehnergetik" na territorii goroda Zheleznovodska Stavropol'skogo kraya v 2001 g.* [Report on the archaeological excavations of the settlement "Energetik" in the territory of the city of Zheleznovodsk, Stavropol Territory in 2001]. Stavropol', 2002. In: Arkhiv IA RAN, F-1. R-1. № 26051, 26052. (In Russian)

BEREZIN Y.B., KOLESNICHENKO K.B. *Znaki na keramike sarmatskogo vremeni s poseleniya «Georgievskaya stanica-2* [Signs on ceramics of the Sarmatian period from the settlement "Georgievskaya stanitsa-2]. In: Istoriko-arkheologicheskij al'manakh [Historical and archaeological almanac]. Vyp. 9. Armavir, Krasnodar, Moskva, 2009. Pp. 53–58. (In Russian)

BEREZIN Y.B., KULAKOV A.A. *Issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Kavminvod po programme stroitel'stva veloterrenkura v 2020–2021 gg.* [Research of archaeological monuments of Kavminvod according to the program of construction of a cycling tour in 2020–2021]. In: Shestoj Kavminvodskij mezhregional'nyj muzejno-nauchnyj seminar pamyati kraevedov [Sixth Kavminvod interregional museum and scientific seminar in memory of local historians]. Pyatigorsk: Dizajn-studiya B, 2022. Pp. 56–71. (In Russian)

BEREZIN YA.B., SHVYRYOVA A.K. *Fauna poseleniya Ehnergetik II–IV vv. na Pyatigor'e* [Fauna of the Energetik settlement of the II–IV centuries on Pyatigorsk]. In: Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus], Vyp. VII. M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2007. Pp. 208–217. (In Russian)

CHUHARKIN A.L. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh ukrepleniya «Ehnergetik» na territorii goroda Zheleznovodska Stavropol'skogo kraya v 2003 godu* [Report on the archaeological excavations of the fortification "Energetik" in the territory of the city of Zheleznovodsk]. Stavropol', 2004. Arkhiv IA RAN. (In Russian)

DEGEN-KOVALEVSKIJ B.E. *Raboty na stroitel'stve Baksanskoj ehlektrostancii* [Work on the construction of the Baksan power plant]. In: Izvestiya GAIMK. Vyp. 110: Arkheologicheskie raboty akademii na novostrojkakh v 1932–1933 gg. [Izvestiya GAIMK. Issue 110: Archaeological works of the Academy on new buildings in 1932–1933]. T. 2. M.; L.: OGIZ, 1935. Pp. 7–23. (In Russian)

GABUEV T.A., MALASHEV V.YU. *Pamyatniki rannikh alan central'nykh rajonov Severnogo Kavkaza* [Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus]. M.: Taus, 2009. 468 p. (In Russian)

IESSEN A.A. *Otchyot o rabote Baksanskoj ehkspedicii 1934 g.* [Report on the work of the Baksan expedition of 1934]. In: Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. [Archaeological research in the RSFSR 1934–1936]. M.–L.: 1941. Pp. 220–236. (In Russian)

KEREFOV V.M. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Monuments of the Sarmatian period of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Ehl'brus, 1988. 214 p. (In Russian)

KHAZANOV A.M. *Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal* [The genesis of the Sarmatian bronze mirrors]. In: SA [Soviet Archeology]. 3. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. Pp. 58–71. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Zapadnyj variant* [Koban culture. The Western version]. In: SAS [A set of archaeological sources (hereinafter SAS)]. V. 2–5, M.: Nauka, 1989, 195 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyj variant* [The material basis of the life of the Koban tribes. The Western version]. In: SAS. V. 2–5. 1998. 200 p. (In Russian)

KUZNECOV V.A. *Alany i Kavkaz* [Alans and the Caucasus]. Vladikavkaz: Proekt Press, 2014. 160 p. (In Russian)

MARCHENKO I.I. *Siraki Kubani* [Kuban Siraki]. Krasnodar: Izd-vo KuBGU, 1996. 336 p.

POPOVA O.S. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Baksanskom rajone Kabardino-Balkarskoj Respublike v 2024 godu. Rostovskaya oblast', 2025* [Report on archaeological exploration in the Baksan region of the Kabardino-Balkarian Republic in 2024. Rostov region, 2025]. In: Arkhiv IA RAN. 241 p. (In Russian)

PROKOF'EVA T.E. PROKOF'EV R.V. *Novoe v keramicheskim komplekse poseleniya rannego zheleznogo veka «Georgievskaya stanica II» na Stavropol'e (po materialam raskopok 2014 goda)* [What is new in the ceramic complex of the Early Iron Age settlement "Georgievskaya Stanitsa II" in Stavropol (based on the excavation materials of 2014)]. In: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu so dnya rozhdeniya YU.N. Voronova [Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu.N. Voronov]. Sukhum: Dom pechati, 2018. Pp. 107–114. (In Russian)

SKRIPKIN A.S. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka n.eh.* [The Lower Volga region in the first centuries A.D.]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1984. 149 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B. PETRENKO V.A. *K proiskhozhdeniyu sarmatskikh zerkal-podvesok Severnogo Kavkaza* [On the origin of the Sarmatian mirror pendants of the North Caucasus]. In: KSIA [Brief reports of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences]. Vyp. 148. M.: Nauka, 1977. Pp. 44–49. (In Russian)

Информация об авторах

Я.Б. Березин – научный сотрудник отдела фондов и экспозиции НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета;

А.А. Гущина – соискатель ученой степени кандидата исторических наук при отделе скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, старший научный сотрудник лаборатории;

В.В. Матаев – заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

Y.B. Berezin – Researcher at the Fundsand Exposition Department of the Research Institute and the Museum of Anthropology Moscow State University;

A.A. Gushchina – candidate for the Degree of Candidate of Historical Sciences at the Department of Scythian-Sarmatian Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Laboratory;

V.V. Mataev – Head of the Archaeological Research Laboratory, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no confl icts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 21.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 01.06.2026 approved after reviewing 21.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 37 (С164)
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-29-35

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРИОД КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1920−1930-Х ГГ.

Гульфия Джамаловна Базиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gulfiyabazieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1860-9856

© Г.Д. Базиева, 2026

Аннотация. Культурно-просветительная работа рассматривается в тесной связи с политическими и идеологическими задачами культурной революции. В задачи культурной революции входили: ликвидация безграмотности, открытие образовательных и культурно-просветительских учреждений, создание необходимых идеологических и культурных условий для пропаганды социалистического образа жизни, устранение существенных различий между умственным и физическим трудом, ликвидация культурных различий между городом и деревней и др. Важное значение в целях выполнения данных задач имела политическая агитация как специфическая форма связи просветительной работы, направленной на пропаганду идей социализма и коммунизма. Подчеркивается, что культурное строительство было направлено на использование духовных и материальных ценностей в целях активного творческого участия народа в их сохранении и изучении для обеспечения социалистического культурного прогресса. Сделаны выводы, что культурно-просветительная работа обеспечила полную доступность культуры народным массам, повысив культурно-образовательный уровень населения, распространяла гуманистические ценности новой социалистической культуры, а также поощряла и развивала стремление масс к общественной и политической активности, повышению уровня образования, художественному творчеству и др.

Ключевые слова: культурная революция, политическая агитация, социалистический культурный прогресс, культурно-просветительная работа, культурное строительство, Кабардино-Балкария

Для цитирования: Базиева Г.Д. Культурно-просветительная работа в Кабардино-Балкарии в период культурной революции 1920–1930 гг. // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 29–35. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-29-35

Original article

CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN KABARDINO-BALKARIYA DURING THE CULTURAL REVOLUTION OF THE 1920S AND 1930S

Gulfiya Dz. Bazieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gbaz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1860-9856

© G.D. Bazieva, 2026

Abstract. Cultural and educational work is considered in close connection with the political and ideological tasks of the cultural revolution. The tasks of the cultural revolution included: the elimination of illiteracy, the opening of educational, cultural and educational institutions, the creation of the necessary ideological and cultural conditions for the promotion of a socialist way of life, the elimination of significant differences between mental and physical labor, the elimination of cultural differences between city and village, etc. Political agitation was important in order to fulfill these tasks as a specific form of connection between educational work aimed at promoting the ideas of socialism and communism. It is emphasized that cultural construction was aimed at using spiritual and material values in order to actively creative participation of the people in their preservation and study to ensure socialist cultural progress. It was concluded that cultural and educational work ensured the full accessibility of culture to the masses, increasing the socio-economic standard of living of the working masses, disseminated the humanistic values of the old and new socialist culture and also encouraged and developed the desire of the masses for social and political activity, raising the level of education, artistic creativity, etc.

Keywords*:* cultural revolution, political agitation, socialist cultural progress, cultural and educational work, cultural construction, Kabardino-Balkaria

For citation*:* Bazieva G.D. Cultural and educational work in Kabardino-Balkariya during the cultural revolution of the 1920s and 1930s. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 29–35. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-29-35

Введение. Для ленинской теории культурной революции характерно утверждение единства демократических и социалистических преобразований, интернациональных и патриотических чувств трудящихся всех национальностей. Культурная революция как сложное и многогранное политическое явление изучалась в исторических исследованиях, посвященных социалистическому прогрессу, духовному преобразованию советского общества, а также в многочисленных научных исследованиях, посвященных развитию профессиональной литературы и искусства, культурно-просветительной и образовательной работы в различных регионах СССР.

В условиях острой классовой борьбы, идеологического противостояния определение задач культурного строительства имело важное значение. Утверждение новых направлений культурного строительства в СССР проходило в дискуссиях против вульгаризаторских теорий Пролеткульта, а также меньшевистско-троцкистского отрицания самой возможности социалистического культурного прогресса, создания новой культуры. Первая Всероссийская конференция пролетарских культурно-просветительских организаций состоялась 15–20 сентября 1918 года в г. Москве. С докладами выступили Н.К. Крупская, М.И. Покровский, а также руководители Пролеткульта Н.И. Лебедев-Полянский, А.А. Богданов и др. В решениях конференции были отражены ошибочные взгляды Пролеткульта на дальнейшее развитие культуры как культуры только пролетарской. «Пролеткульт должен войти в общую организацию Наркомпроса» [Крупская 1963: 83]. Решение задач культурной революции предлагалось решать по мере развития экономической и социальной сферы, а также с помощью политической агитации. Решающую роль в культурном строительстве сыграла партийная программа, принятая VIII съездом РКП(б)., в которой важнейшими направлениями были обозначены: развитие общеобразовательной и высшей школы, подготовка профессиональных кадров интеллигенции, активное участие масс в деле просвещения, широкий доступ масс к сокровищам культуры таким был круг задач в области культурного строительства [КПСС 1970: 48–49]. Анализируя этапы развития культурной революции, М.П. Ким подчеркивает, что «Национальные особенности культурной революции могут быть обусловлены и объективными, и субъективными факторами и влиять на ход ее или отрицательно, создавая дополнительные трудности, или положительно способствуя достижению успехов» [Ким 1967: 25].

Изучение отдельных отраслей культурно-просветительной работы, их распространения рассматривались в монографиях и статьях Х.И. Хутуева [Хутуев

1972], М.Х. Герандокова [Герандоков 1975], Х.Х. Мидова [Мидов 1995]. и др. В современный период достижения культурного строительства пересматриваются в контексте переосмысления противоречивых процессов насаждения «нового» без учета этнических особенностей региона (М.Х. Герандоков, Х.Б. Мамсиров, Х.Г. Тхагапсоев и др.).

Основная часть. В процессе культурно-просветительной работы осуществлялись основные направления национальной культурной политики СССР: создание нового типа культуры на основе критического использования мирового наследия, приобщение населения к завоеваниям культуры и науки, развитие культуры в исторически сложившихся национальных формах, планомерное сочетание в культурном строительстве интересов всех народов.

В представлении советских общественных наук национальная культура складывается из следующих компонентов: 1. национальные специфические черты; 2. межнациональные черты; 3. интернациональные черты, ставшие достоянием мира. «Соотношение этих компонентов не бывает раз и навсегда неизменным» [Джунусов 1967: 291].

Культурно-просветительная работа в каждой советской республике имела свои особенности, что было обусловлено уровнем дореволюционного культурного развития местного населения. Задачи культурной революции в Кабардино-Балкарии осуществлялись среди многонационального состава населения: русских, украинцев, кабардинцев, балкарцев и др. Это обстоятельство не могло не вызывать определенных трудностей, но вместе с тем формировало чувство интернационализма, способствовало сближению наций. В Кабардино-Балкарии особое значение приобретали задачи создания культурно-просветительных учреждений, распространение научных знаний, раскрепощение женщины, борьба с религиозным фанатизмом. Первые очаги культурно-просветительной работы в 20–30-е гг. XX в. развивались в соответствии с национальным укладом и бытом народов СССР. Культурно-политическое движение в первые советские годы выдвигает новые задачи в истории культурно-просветительских учреждений.

Первая задача – сохранение памятников старины на территории Кабардино-Балкарии. «Отдел народного образования берет под свое покровительство все памятники старины, имеющиеся в Нальчикском округе, как-то: старинные дома, башни, могильники, надгробные столбы, часовни, остатки крепостей и т.д. Такие памятники старины имеют громадное научное значение, так как ученые специалисты могут на основании их узнать многое из прошлого края» [Культурное 1985: 30]. Без разрешения Кабардино-Балкарского общества по изучению местного края невозможно было производить ремонт, реставрацию памятников истории, а также их использование. Центральный Совет Кабардино-Балкарского общества изучения местного края постановил запретить разрушение и снос курганов, городищ, стоянок, развалин крепостей, дворцов, кладбищ, башен, храмов и прочих археологических памятников. Для сохранения культурно-исторического наследия в 1921 году был открыт национальный краеведческий музей. «Это будет первое начинание нашего народа, первый шаг в его развитии, его самостоятельной жизни» [Культурное 1985: 31], – подчеркнул в своем выступлении Председатель Кабардинского ОКРИСПОЛКОМА Б.Э. Калмыков.

Вторая задача – открытие культпросветучреждений (библиотек, изб – читален, клубов, самодеятельных кружков по интересам и т.д.). В 1920-м году были национализированы книжные склады учреждений, клубов, профсоюзов, частных лиц (Дом купца Агаева, дом Крутова, дом Кривчика и др.). На Воронцовской улице были открыты Народная центральная библиотека, районная библиотека-читальня Астраханская, библиотека-читальня при окружной читальне, районная читальня, библиотека при 8 роте 124 полка, а также библиотека в доме заключенных в Старой Крепости (г. Баксан). Число подписчиков в библиотеке ежемесячно

возрастало.. Если на ноябрь 1922 года значилось 90 человек, то в ноябре 1923 их количество возросло до 400, а к ноябрю 1923 достигло 1080 человек [Культурное 1985: 33].

В течение 1923–1925 гг. в КБР были открыты клубы (29), избы-читальни (112), библиотеки (49), первичные библиотеки (95), справочные столы 56),кинопередвижки (8), школы политической грамоты, кружки в избах-читальнях и клубах (315), музеи (2) [Герандоков 1975: 76]. К середине 20-х гг. почти во всех населенных пунктах КБАССР были открыты драмкружки и любительские театры.

В 1920 году при исполкоме Нальчикского окружного народного Совета был создан культурно-просветительный отдел. Первый пролетарско-коммунистический клуб был создан в доме купца А. Агаева. В 10-ю годовщину автономии Кабардино-Балкарии в области насчитывалось 52 избы-читальни, 32 красных уголка, 7 киностационаров, 24 кинопередвижки [Хутуев 1972: 70]. Кинопередвижки демонстрировали общественно-бытовые (58,9 %), агитационно-бытовые – 38,3%, научные – 7,8% фильмы. В 1926 году в республике действовали 4 киноустановки, 6 кинопередвижек и фильмофонд, который состоял, в основном, из фильмов дореволюционного периода («Пожар в Одессе», «Злые вороны» и др.) [Герандоков 1975: 102–104]. С середины 20-х гг. Кабардино-Балкария начинает получать фильмы, отснятые на местном материале (сюжеты об открытии различных объектов: школ, библиотек, мостов, больниц и др.). В 1927 году был снят полнометражный документальный фильм «Кабарда и Балкария к 10-летию Октября». Демонстрации фильмов и кинохроник имели ярко выраженную идеологическую направленность, приобщая местное население к важнейшим событиям политической, экономической и культурной жизни страны.

В 1933 году в Нальчике при Ленинском учебном городке была открыта художественная национальная студия с драматическим, хореографическим, театрально-декоративным отделениями, а также студия национальных и духовых инструментов. Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца (1933) стал первым профессиональным коллективом. В его репертуар входили национальные танцы «Кафа», «Элия», «Тюз-тепсеу», «Голу», «Удж», «Абзех», «Исламей» и др. Ансамбль принял участие в первой совхозно-колхозной спартакиаде в Нальчике, на которой занял «первое место и был включен в состав лучших спортсменов и танцоров, которые должны были представлять нашу область на краевой спартакиаде» [Мидов 1995: 11].

Развитие народного творчества способствовало выработке национальных особенностей культуры, которые определяют его неповторимость и культурно-историческую ценность. Народное творчество, обладая ярко выраженным национальным колоритом, являлось могучим средством как патриотического, так и интернационального воспитания. Но отсутствие профессиональных кадров в сфере культпросветработы, а также профессионального искусства ставило новые задачи подготовки специалистов в этой сфере. В Москве в ГИТИСе им. Луначарского в 1935 г. были открыты кабардинская и балкарская студия (1935), что позволило создать в г. Нальчике в 1937 г. – Кабардинский, а в 1940 г. – Балкарский профессиональный театры.

В целях пропаганды фольклора по радио передавались музыкальные вечера с участием народных музыкантов, певцов. «В самом начале тридцатых годов в Нальчике начала работать радиостанция имени Карашаева, позже – РВ-51, которая передавала различные музыкальные номера на национальные темы. В этом направлении много работал тогда композитор А.Г. Шахгалдян» [Хавпачев 1999: 52]. По инициативе А.Г. Шахгалдяна (1910-1985) в республику были приглашены А.М. Авраамов и Т.К. Шейблер – первые композиторы Кабардино-Балкарии, активно изучающие фольклор местных народов. На материале устного и музыкального народного творчества кабардинцев и балкарцев были написаны произведения

А.М. Авраамова («Фантазии на кабардинские темы», хоровые обработки кабардинских героических песен «Андемиркан», «Мартина», «Узы Мурат»), Т.К. Шейблера (обработки кабардинских и балкарских народных песен для хора: музыка к пьесе Р.К. Геляева «Кровавый калым», песни «Андемиркан», «Гапалау», «Ногайская девушка», а также музыка к пьесе З.П.Кардангушева «Каншоубий и Гошагаг»), вошедшие в сокровищницу музыкального искусства Кабардино-Балкарии.

В 1937 году в республике была создана комиссия по организации профессионального кабардинского хора (руководитель А.М. Покровский – выпускник Московской государственной консерватории). 1 февраля 1939 года состоялось торжественное открытие Кабардинского государственного хора, а 3 августа 1940 года Балкарского хора. В 1940 году оба хора были объединены в единый Кабардино-Балкарский государственный хор. «С первых же дней своего существования хор активно включился в общественно-политическую и культурную жизнь города и республики. Почти ни одного важного мероприятия в республике не проходило в Нальчике, в котором бы он не принял участия» [Мидов 1995: 20].

Развитие специального и профессионально-технического образования, распространение периодической печати, культурно-просветительная работа (библиотеки, художественная самодеятельность, радиовещание) – все эти формы и этапы культурной революции в Кабардино-Балкарии обеспечили коренные изменения в культуре к концу 1940 года. В результате культурной политики в 30-е гг. произошел резкий скачок по всем основным показателям культурного развития в КБАССР: открыты театры, создан национальный ансамбль «Красный Кавказ» (впоследствии «Кабардинка»), активно стала развиваться самодеятельность в сельских клубах. Планомерная организация культурно-просветительной работы способствовала повышению общего уровня культуры. «Общая культура» – это культура в единстве всех составных частей культуры как целостной социальной системы. «Основу общей культуры составляет общее образование, которое представляя собой универсальную систему информации, вооружает людей основами научных знаний и в то же время дает им общую эстетическую подготовку и этическое формирование масс» [Ким 1978: 44].

Партийное руководство культпросветработой претворялось в жизнь на основе руководства культурным строительством. Главполитпросвет, Наркомпрос, отделы культуры исполкомов Советов депутатов трудящихся – данные организации осуществляли практическую работу по руководству, координации развития культуры в стране. В культурном строительстве активно участвовали также профсоюзы и комсомол. В целях повышения профессионального уровня развития культуры были созданы Союз писателей, Союз архитекторов, Союз композиторов, Всесоюзное общество книголюбов, Всесоюзное общество охраны памятников, истории и культуры и др. «Именно через эти государственные органы и общественные организации Коммунистическая партия и осуществляет в первую очередь, направляющую роль в развитии советской культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме» [Шарапов 1978: 64].

Первая писательская организация была создана в 1932 году, в 1934 г. было открыто Кабардино-Балкарское отделение Союза писателей СССР, а в 1939 г. – организационное бюро художников Кабардино-Балкарии. Этап активного усвоения традиций русской культуры и формирования эстетических и художественных принципов культуры советской способствовал развитию социалистической по содержанию и национальной по форме культуры.

Националистические движения, которые выступали против «русификаторства», а также атеизации населения, были развенчаны и искоренены как антипатриотические и антисоветские. В целом, овладение русским языком и достижениями русской и мировой культуры содействовало росту образования и культуры, расширению кругозора, обогащало национальную культуру.

Заключение. Наиболее существенными достижениями культурно-просветительной работы в начальный советский период в Кабардино-Балкарии стали рост общекультурного уровня населения, институционализация коллективных начал в просветительской и творческой практике, совершенствование культурной среды, обогащение фонда духовных и материальных ценностей, расширение межнациональных связей и международного сотрудничества.

Таким образом, в период культурной революции 1920-1930 гг. были осуществлены следующие задачи:

– Обеспечение полной доступности культуры народным массам;

– Распространение гуманистических ценностей новой социалистической культуры с помощью культурно-просветительной работы;

– Развитие и поощрение стремления масс к общественной и политической активности;

– Повышение культурно-образовательного и художественного уровня населения.

Список источников и литературы

Герандоков 1975 – *Герандоков М.Х.* Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1975. 239 с.

Джунусов 1967 – *Джунусов М.С.* Методологические вопросы изучения национальных социалистических культур // Культурная революция в СССР. 1917–1965 гг. М.: Наука, 1967. С. 287–299. 470 с.

Ким 1978 – *Ким М.П.* Проблемы развития социалистической культуры // Культура развитого социализма: некоторые вопросы теории и истории. М.: Наука, 1978. С. 2–54. 459 с.

Ким 1967 – *Ким М.П.* О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР // Культурная революция в СССР. М.: Наука, 1967. С. 5–39. 470 с.

КПСС 1970 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. (1917–1922). С. 48–49. 606 с.

Культурное... 1985 – Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918–1941). В 2-х ч. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985. 390 с.

Крупская 1963 – *Крупская Н.К.* Несколько слов о Пролеткульте // Н.К. Крупская. Об искусстве и литературе. Л.–М.: Искусство, 1963. С. 81–84. 281 с.

Мидов 1995 – *Мидов Х.Х.* Кабардино-Балкарский ансамбль песни и пляски. Нальчик: Эльбрус, 1995. 112 с.

Хавпачев 1999 – *Хавпачев Х.Х.* Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1999. 222 с.

Хутуев 1972 – *Хутуев Х.И.* Из истории культурного строительства. Нальчик: Эльбрус, 1972. 132 с.

Шарапов 1978 – *Шарапов Ю.П.* КПСС во главе культурного строительства // Культура развитого социализма: некоторые вопросы теории и истории. М.: Наука, 1978. С. 56–68. 437 с.

References

DZHUNUSOV M.S. *Metodologicheskie voprosy izucheniya nacional'nyh socialisticheskih kul'tur* [Methodological issues of studying national socialist cultures] // Kul'turnaya revolyuciya v SSSR. 1917–1965 gg. M.: Nauka, 1967. Pp. 287–299. 470 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.H. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii* [Cultural construction in Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1975. 239 p. (In Russian)

HAVPACHEV H.H. *Professional'naya muzyka Kabardino-Balkarii* [Professional music of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik, El'brus, 1999. 222p. (In Russian)

HUTUEV H.I. *Iz istorii kul'turnogo stroitel'stva* [From the history of cultural construction]. Nal'chik, El'brus, 132p. (In Russian)

KIM M.P. *Problemy razvitiya socialisticheskoj kul'tury* [Problems of socialist culture development] // Kul'tura razvitogo socializma. M.: Nauka, 1978, 458 p. (In Russian)

KIM M.P. *O sushchnosti kul'turnoj revolyucii i etapah ee osushchestvleniya v SSSR* [On the essence of the cultural revolution and the stages of its implementation in the USSR] // Kul'turnaya revolyuciya v SSSR. M.: Nauka, 1967. S. 5–39. 470 p. (In Russian)

KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK [Problems of socialist culture development]. 8-e izd. M.: Politizdat, 1970. T. 2. P. 48–49. 606 s. (In Russian)

KRUPSKAYA N.K. *Neskol'ko slov o Proletkul'te* [A few words about the Proletcult] // N.K. Krupskaya. Ob iskusstve i literature. L.–M.: Iskusstvo, 1963. S. 81–84. 281 p. (In Russian)

Kul'turnoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii (1918–1941) [Cultural construction in Kabardino-Balkaria]. V 2-h ch. T. 2. Nal'chik: El'brus, 1985. 390 p. (In Russian)

MIDOV H.H. *Kabardino-Balkarskij ansambl' pesni i plyaski* [Kabardino-Balkarian Song and Dance Ensemble]. Nal'chik: El'brus, 1995. 112 p. (In Russian)

SHARAPOV Yu.P. *KPSS vo glave kul'turnogo stroitel'stva* [CPSU at the head of cultural construction] // Kul'tura razvitogo socializma. M.: Nauka, 1978. 458 p. (In Russian)

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии.

Information about the author

G.D Bazieva – Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher of the Sector of Ethnology.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 30.06.2026

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-36-43

АДЫГЭБЗЭМ И ДЖЫЛАХЪСТЭНЕЙ ПСЭЛЪЭКIЭМ ДЭПЛЪАГЪУ БЗЭХАБЗЭ УХУЭКIЭХЭР

АфIэунэ Анджелэ Анэтолэ ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щIэныгъэ IуэхущIапIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Налшык къалэ, Урысей, martazei@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7560-6985

© АфIэунэ А.А., 2026

Аннотацэ. Статьям и мурад нэхъыщхьэр – адыгэбзэм и джылахъстэней псэлъэкIэм и бзэхабзэ ухуэкIэм адыгэ литературэбзэм ехьэлIауэ иIэ къыщхьэщыкIыныгъэхэр гъэнэхуэнырщ. ПсэлъэкIэм илъэс блэкIахэм зиужьащ, икIи къэхутэныгъэм лъабжьэ хуэхъуа КIуащ Т.Хь. и лэжьыгъэхэм къыщыгъэлъэгъуа щхьэхуэныгъэхэр нобэрей щытыкIэм имызэгъэжыныр хэлъщ. Мыбы 2022–2024 гъэхэм зэхуэхьэса хъуа губгъуэрытх текстхэм къыхэбелджылыкIа материалхэр къыщыхьащ, ипэкIэ къыдэкIа лэжьыгъэхэм егъэпщауэ. Статьям щызэпкърыхащ адыгэ бзэхабзэм ипкъ иткIэ узрихьэлIэ литературэбзэм и мардэм темыхуэ щытыкIэхэр.

Текстыр филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ Къэбэрдей-Балъкъэр институтым и адыгэ къудамэм и унафэщI БищIо Борис адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэщIэхэм япкъ иткIэ зэхэгъэуващ. Статьяр гъэхьэзырыным сэбэп хъуащ бзэщIэныгъэ къэхутэныгъэ методхэу кIэлъыплъыныгъэ, тетхыхьыныгъэ, зэхэхуныгъэ, зэзыгъапщэ-зэпэзыгъэув зэпкърыхыныгъэхэр.

Къэхутэныгъэр щыхьэт тохъуэ джылахъстэней псэлъэкIэм адыгэ литературэбзэм и псалъэщI Iэмал псори къызэригъэсэбэпыр (лъабжьэпэкIэ, лъабжьэужькIэ, лъабжьэпэ-лъабжьэужькIэ, лъабжьэхэр зэхыхьэкIэ). Ауэ абы къыщхьэщыкI псалъэ ухуэкIэхэр къызэрыщыкIуэри къыхощыр. Псалъэм папщIэ, щхьэхуэу къэпсэлъыпхъэ жыIэгъуэхэр зэпыгъэувауэ, лъабжьэпэхэр хъуэжауэ, лъабжьэгъусэхэр пыгъэщхьауэ е пыхъууэ, н.къ. ухуэкIэхэр хэтщ. Апхуэдэхэр къыщохъу псалъэ лъэпкъыгъуэ зэхуэмыдэхэм: лэжьыгъэцIэм, щыIэцIэм, цIэпапщIэм, н.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: адыгэбзэ, щIыпIэбзэдж, джылахъстэней псэлъэкIэ, псалъэщI Iэмалхэр, лъабжьэпэ, лъабжьэужь

Цитатэ къызэрыхэпхынур: АфIэунэ А.А. Адыгэбзэм и джылахъстэней псэлъэкIэм дэплъагъу бзэхабзэ ухуэкIэхэр // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 36–43. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-36-43

Original article

GRAMMATICAL STRUCTURES CHARACTERISTIC OF THE SMALL BARDI DIALECT OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Angela A. Afaunova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, martazei@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7560-6985

© A.A. Afaunova, 2026

Abstract. The main goal of this article is to identify the unique grammatical features of the Malokabardin dialect of the Kabardino-Circassian language in relation to the literary language. During the research, it was noted that the dialect has undergone changes over time, and some of the emphases outlined in T.Kh. Kuasheva's works, which formed the basis of this article, may no longer be relevant. This paper presents data from new fieldwork collected in 2022–2024, compared to previous years' work. It analyzes grammatical features of word-formation processes that do not conform to literary language norms.

This text utilized a new linguistic terminology for the Kabardino-Circassian language, proposed by B.Ch. Bizhoev, Doctor of Philology and Head of the Kabardino-Circassian Language Sector at the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research. The article utilized linguistic research methods such as observation, description, analysis, and comparative methods.

The study's results demonstrate that the Malo-Kabardian dialect actively utilizes all word-formation methods of the language (prefixes, suffixes, prefix-suffixes, and stem composition). However, word structures characteristic of this dialect are also identified. For example, the combination of words that are usually pronounced separately, the substitution of prefixes, the augmentation or truncation of affixes, and so on. Similar phenomena are observed in various parts of speech: verbs, nouns, pronouns, and others.

Keywords*:* Kabardino-Circassian language, dialectology, Malo-Kabardin dialect, methods of word formation, prefixes, suffixes

For citation*:* Afaunova A.A. Grammatical constructions characteristic of the Little Kabardian dialect of the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 36–43. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-36-43

Научная статья

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, ХАРАКТЕРНЫЕ МАЛОКАБАРДИНСКОМУ ГОВОРУ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Анджела Анатольевна Афаунова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, martazei@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7560-6985

© А.А. Афаунова, 2026

Аннотация. Основная цель статьи – выявление уникальных особенностей грамматических форм малокабардинского говора кабардино-черкесского языка по отношению к литературному языку. В процессе исследования было отмечено, что говор в течение прошедшего времени претерпел изменения, и некоторые акценты, обозначенные в работах Т.Х. Куашевой, легшие в основу данной статьи, могут утратить актуальность. В работе приводятся данные из собранных в 2022–2024 гг. новых полевых материалов в сравнении с трудами прошлых лет. Здесь анализируются грамматические особенности словообразовательных процессов, не соответствующие нормам литературного языка.

При написании текста применялась новая лингвистическая терминология кабардино-черкесского языка, предложенная доктором филологических наук, заведующим сектором кабардино-черкесского языка Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Б.Ч. Бижоевым. В процессе написания статьи использовались такие методы лингвистического исследования как наблюдение, описание, анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования доказывают, что в малокабардинском говоре активно используются все словообразовательные методы (приставочные, суффиксальные, приставочно-суффиксальные, сложение основ). Однако выявляются и характерные для данного говора структуры слов. Например, соединение слов, которые обычно произносятся отдельно, замена одних приставок на другие, наращение или усечение аффиксов, и т.п. Подобные явления наблюдаются в разных частях речи: глаголах, существительных, местоимениях и др.

Ключевые слова*:* кабардино-черкесский язык, диалектология, малокабардинский говор, способы словообразования, приставки, суффиксы

***Для цитирования**:* Афаунова А.А. Грамматические конструкции, характерные малокабардинскому говору кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 36–43. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-36-43

Джылахъстэней псэлъэкIэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и зы бзэ лIэужьыгъуэщ. Абы ирипсалъэхэр щопсэу Тэрч районым хыхьэ къуажэхэм. Нэхъыбэ дыдэу зи гугъу тщIы псэлъэкIэр джыным зи къару хэзылъхьар КIуащ Тамарэщ, абы теухуауи лэжьыгъэ купщIафIэ зыбжанэ дунейм къытехьащ [Куашева 1954; Куашева 1957; Куашева 1959; Куашева 1969]. ЩIэныгъэлIым «тэрч псэлъэкIэхэр» фIэщыгъэцIэр ириту мэздэгу щIыпIэбзэмрэ джылахъстэней псэлъэкIэмрэ зы гупу къыхегъэщыр. Щхьэхуэныгъэ зыбжанэкIэ бзэ лIэужьыгъуитIыр щызэтехуэ къэпсэлъыкIэ урихьэлIэ пэтми, зы пщIыну къезэгъыркъым. Джылахъстэнейхэм я бзэр литературэбзэм къызэрыщхьэщыкI щытыкIэ егъэлея хэплъагъуэркъым, мэздэгу щIыпIэбзэм ирипсалъэм елъытауэ.

Темырым нэмыщI Джылахъстэнейм щыпсэухэм я бзэм тетхыхьащ Лопатинский Л. [Лопатинский 1891: 35], Турчанинов Г.Ф. [Турчанинов 1948: 118], Рогавэ Г.В. [Рогава 1956: 101], Тау Хь.Т. (Тав 1981; Таов, 2005; Таов 2006).

Фи пащхьэ итлъхьэ лэжьыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ 2022–2024 гъэхэм зэхуэтхьэса губгъуэрытх материалхэм къыхэдгъэбелджылыкIа щхьэхуэныгъэхэр. Литературэбзэм ебгъапщэмэ, джылахъстэней псэлъэкIэм къыхощ фонетикэм, лексикэм, бзэхабзэм ехьэлIа зэтемыхуэныгъэхэр. Мы статьям нэхъ гулъытэ щыхуэщIащ бзэм литературэ мардэм къыщхьэщыкI псалъэщI Iэмалхэр къызэрагъэсэбэпым. Лэжьыгъэм адыгэ тхыпкъылъэм хэмыт дамыгъэхэр къыщокIуэр, гъэIукIэ тэмэмыр наIуэ къэтщIын папщIэ.

Джылахъстэней псэлъэкIэм литературэбзэм и псалъэщI Iэмалхэм (лъабжьэпэкIэ, лъабжьэужькIэ, лъабжьэпэ-лъабжьэужькIэ, псалъэпкъитI-щы зэхыхьэу къызэрыунэхухэм) щыщу псори къыщокIуэр. Ауэ языныкъуэхэм гъэщIэгъуэнагъ гуэрхэр хыболъагъуэр. Псалъэм папщIэ, псалъэ зыбжанэу щытын хуейр зы жыIэгъуэм щызэхыхьа къэхъукIэхэр:

джылахъ.	**лит.**
йамыI'ура	*ямыIэу аращ*
сщIыуа	*сщIыуэ аращ*
сыхуеуащ	*сыхуейуэ аращ*
жсыхуиIыращи	*жсыхуиIэу аращи*
уыпсоуращи	*упсэууэ аращи*
йаIаурати	*яIауэ арати*
сыщылэжьэфауа	*сыщылэжьэфауэ аращ*
жсыпIуущтым	*жсыпIэу щытмэ*
тобэрэхъу	*тобэ ирехъу*
тхьэразы къыхуыхъу	*тхьэр арэзы къыхухъу*
хэмылъущтым	*хэмылъу щытмэ*

Апхуэдэ щапхъэхэм уащыхуэзэфынущ адыгэбзэм и адрей щIыпIэбзэхэми.

Джылахъстэнейхэм я бзэм узыщрихьэлIэ гъэпсыкIэщ щхьэ лъабжьэпэр лэжьыгъэцIэм щыпыувэм литературэбзэм щыдэгъэхуа зэпызыщIэ макъзешэ **ы**-р щыхъумауэ, ари мазешэ **и**-м хуэкIуауэ:

джылахъ.	**лит.**
*инджылыбзэр с**и**фIэфIщ*	*инджылыбзэр сфIэфIщ*
*тхылъ седжэну с**и**фIэфIщ*	*тхылъ седжэну сфIэфIщ*

Мы псэлъэкIэм и нэщэнэщ литературэбзэм хэт щIыпIэ мыхьэнэ зиIэ лъабжьэпэ **щы**-р зэрыхэкIуэдыкIыр. ХэкIуэдыкI къудей мыхъуу хьэл псалъэкIапэ **здэ**-кIэ хъуэжа мэхъу, я мыхьэнэкIэ зэпэгъунэгъу зэрызэхуэхъум къыхэкIкIэ:

джылахъ.	**лит.**
*дакъикъих уы**здэ**банэм*	*дакъикъих у**щы**банэм*

*Дэнэ къы**здэ**пIкIуыхьар?* *Дэнэ къы**щы**пкIухьар?*
*Уы**здэ**лажьэр дэнэ?* *У**щы**лажьэр дэнэ?*

Апхуэдэ гъэпсыкIэм убгъууэ мэздэгу щIыпIэбзэм ущрохьэлIэр.

Абы къыдэкIуэу убгъууэ литературэбзэм къищта гъэпсыкIэри бзэм хэтщ:

джылахъ.	**лит.**
*уынагъуэшхуэм сыкъы**щы**хъуащ*	*унагъуэшхуэм сыкъы**щы**хъуащ*
*Алмазнэм сы**щы**лажьу сыкъэкIуат*	*Алмазнэм сы**щы**лажьэу сыкъэкIуат*

Адыгэбзэм и лэжьыгъэцIэм мыхъуныгъэ гъэпсыкIэр зэрагъэбелджылы **-къым** лъабжьэужьым литературэбзэм темыхуэ къэгъэсэбэпыкIэ иIэщ: **къ**-тэмакъыщхьэ макъ дэкIуашэ пIытIам и пIэ тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ пIытIа **I**-р къоувэр. Мы ухуэкIэм адыгэбзэм и адрей щIыпIэбзэ, псэлъэкIэ зыбжанэм ущыхуозэр:

джылахъ.	**лит.**
*лажьэ**Iым**э*	*лажьэ**къым***
*пхуыжсыIэ**Iым***	*пхужсыIэр**къым***
*сщIэ**Iым**э*	*сщIэр**къым***
*си фIэщ хъуы**Iым***	*си фIэщ хъур**къым***
*диIэ**Iым***	*диIэ**къым***
*хъуыну**Iым***	*хъуну**къым***
*пщIэну**Iым***	*пщIэну**къым***
*дыхэт'**Iэм**и*	*дыхэт**къым**и*
*сыкъыщалъхуа**Iэм**и*	*сыкъыщалъхуа**къым**и*
*куэд дэс**Iэм***	*куэд дэс**къым***
*пцIы хэлъ**Iэм***	*пцIы хэлъ**къым***

Абы и щхьэусыгъуэу щIэныгъэлIхэм къагъэлъагъуэ япэрей тэмакъыщхьэ **къI**-р адыгэбзэхэм тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ **I**-м зэрыщыхуэкIуар. Псалъэм папщIэ: *Iэ ← къIэ, щыIэн ← щыкъIэн* [Куашева 1969: 125]. Апхуэдэ дыдэуи пIытIа **къ**-ри етIуанэрей къэхъукIэу КIуащым ебж, пIытIа ныкъуэ (тэмакъыщхьэ ныкъуэ) макъым къытехъукIауэ. Джылахъстэней псэлъэкIэм а етIуанэрей пIытIа ныкъуэ макъыр языныкъуэхэм деж тэмакъыщIэ **I**-м хуэкIууэ къыщIэкIынущ [Куашева 1969: 125].

Иужьрей щапхъэхэм къазэрыхэщымкIэ, **-къым** лъабжьэужьым хэтын хуей макъзешэ **ы**-р макъзешэ **э**-м щыхуэкIууэ бзэм хыболъагъуэ.

Джылахъстэнейхэм я бзэм дэплъагъу щхьэхуэныгъэщ куэд бжыгъэм и лъабжьэужь **-хэ**-м щызэхэпх бзэгуку макъ дэкIуашэ укъуэдия дэгу **х**-м и пIэкIэ тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **гI**-р къызэрыщагъэсэбэпыр (ипэкIэ бзэм елэжьа щIэныгъэлIхэм мы макъыр **h** дамыгъэкIэ къагъэлъагъуэу щытащ, дэ дызэреплъымкIэ **гI**-р зи гугъу тщIы гъэIукIэм нэхъ пэгъунэгъущ):

джылахъ.	**лит.**
*кърихьэлI**аг**Iэм*	*кърихьэлI**ах**эм*
*шхыныгъуэг**I**эмкIэ*	*шхыныгъуэ**х**эмкIэ*
*дэсг**I**эр*	*дэс**х**эр*
*жьзыIаг**I**эми*	*жьзыIа**х**эми*
*щIэблэг**I**эм*	*щIэблэ**х**эм*
*аг**I**эр*	*а**х**эр*
*бынг**I**эм*	*бын**х**эм*
*йэкIуэчIг**I**эр*	*екIуэкIхэм*
*Iуыщг**I**ууэ*	*Iущ**х**эу*

КъыкIэлъыкIуэу зи гугъу тщIа лъабжьэужьым хэт макъ дэкIуашэ **х**-м псэлъэкIэм къыщыпэхъуфынущ тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ укъуэдия **хь-**р:

джылахъ.	**лит.**
*КIэрэф**хь**э*	*КIэрэф**х**э*
*лIыхъуыжь**хь**эм*	*лIыхъужь**х**эм*
*саби**хь**эр*	*сабий**х**эр*

*щекIуэкI**хь**эми*	*щекIуэкI**х**эми*
*мэпсалъэ**хь**э*	*мэпсалъэ**х**эр*
*хъыбар**хь**эм*	*хъыбар**х**эм*
*IэнатIэм Iуыт**хь**эр*	*IэнатIэм Iут**х**эр*
*зауэ зиIэ**хь**эри*	*зауэ зиIэ**х**эри*

Нэхъ мащIэрэ хэплъагъуэ щытыкIэщ литературэбзэм и бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ **х**-м и пIэкIэ тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ укъуэдия **h** зыхэт щапхъэхэр. Мыбы щIэжьыуэр щыгъэмэщIа жьыпэу макъыр къегъэлъагъуэ:

джылахъ.	**лит.**
*бын**h**эри*	*бын**х**эри*
*сэлдат**h**эр*	*сэлэт**х**эр*
*жылэ**h**эр*	*жылэ**х**эр*
*къаз**h**эр*	*къаз**х**эр*
*лэжьа**h**эщ*	*лэжьа**х**эщ*
*фIыуэ мэлажьэ**h**э*	*фIыуэ мэлажьэ**х**эр*
*уынэ**h**эр*	*унэ**х**эр*
*цIыху**h**эр*	*цIыху**х**эр*

Щапхъэхэм гу зэрылъыуагъатэщи, мыпхуэдэ гъэпсыкIэм зэмыхьэнэгъу сатырхэр къагъэхъур, зы псалъэр жыпхъэ зэхуэмыдэхэм йоувэфыр. Абыхэм я гъэIукIэри зэпэгъунэгъуу щытщ, щIэжьыуэ щIэувэкIэ, макъыр гъэлъэща зэрыхъукIэ зэщхьэщыкI мыхъумэ. Мы псэлъэкIэм къыщинэмыщIа мы IукIэр убгъуауэ къыщагъэсэбэп мэздэгу щIыпIэбзэм, нэхъ мащIэрэ ущыхуозэр беслъэнейхэм я бзэм.

ПсэлъэкIэм нэхъ мащIэрэ узрихьэлIэ гъэпсыкIэщ литературэбзэм и хабзэм къищта **-хэ** лъабжьэужьым хэт **-х** макъ дэкIуашэр къыщапсэлъу:

джылахъ.	**лит.**
*саби**хэр***	*сабий**хэр***
*санаторйа**хэм***	*санатори**ехэм***
***ахэр** зыхыдолъхьэ*	***ахэр** зэхыдолъхьэ*
*родитель**хэм***	*адэ-анэ**хэм***

Джылахъстэнейм и къуажэ зыбжанэм (Урожайнэ, Болэтей, ХьэпцIей, Ислъамей (Курп Ипщэ)) дэсхэм я бзэм КIуащ Тамарэ къыхигъэщащ лъабжьэгъусэ **р**-р лэжьыгъэцIэ хъейхэм къыщамыгъэсэбэпу [Куашева 1959: 228]. Адыгэбзэм и щIыпIэбзэхэми псэлъэкIэхэми **-р**-р факультативщ къызэрыщапсэлъыр. Ауэ абыкIэ литературэбзэр жьабзэм, псэлъэкIэхэм къыщхьэщокI. КъыжыIапхъэщ апхуэдэ гъэпсыкIэр районым хыхьэ къуажэдэсхэм псоми я бзэм къызэрыщыкIуэр:

джылахъ.	**лит.**
йыфI хэмылъу зеи екIуэчIыми	*ифI хэмылъу зей екIуэкIы**р**къыми*
си фIэщ хъуыIым	*си фIэщ хъу**р**къым*
ауэду сщIэжIым	*апхуэдэу сщIэжы**р**къым*
нобэ къыздэсми къэзыбжIым	*нобэкъыздэсми**к**ъэзыбжы**р**къым*
ау хуыщIыхьэIым	*ауэ хущIыхьэ**р**къым*
лэжьыгъэ йэпхачIэ сылажьэIым	*лэжьыгъэ епхакIэ сылажьэ**р**къым*
пйати фIэкI къэсхьIым	*тхуи фIэкI къэсхьы**р**къым*
могIэр къэкIуэжтэIыми	*мохэр къэкIуэжы**р**тэкъыми*

Зы цIыхум и псэлъэкIэм хэдгъуэтащ щыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь **щ**-м и пIэкIэ макъ дэкIуашэ **й**-р къыщыкIууэ:

джылахъ.	**лит.**
*жиIа**й** си тхьэмадэм щхьа*	*жиIа**щ** си тхьэмадэм щхьэкIэ*

Хуэбгъэфащэ хъунущ мыр и кIэм нэсу къэдмыхута щытыкIэу, цIыху псори къызэщIэдубыдэну Iэмал дызэримыIам къыхэкIкIэ.

Джылахъстэнейхэм я псэлъэкIэм и япэрей щытыкIэм щIэныгъэлIхэм убгъуауэ къыхагъуатэу щыта ухуэкIэ гуэрхэри щыIэщ. Абыхэм щыщщ КIуащ Тамарэ

абы къыхигъэбелджылыкIа къыхэзыгъэщ псалъэзешэм и лъабжьэгъусэ **-гуэ**-гъэпсыкIэр **-уэ**-м и пIэкIэ пыуваух: *Сытгуэ фщIэнур ар?* (Сыту фщIынут ар?); *Тажгуэ ди дыщэ пыIэ щхьэщIыбкIэ къыщхьэракъутэ* (Тажу ди дыщэ пыIэ щхьэщIыбкIэ къыщхьэракъутэ); *Къуытынгуэ дэ ди гъуэншэджыр шырыкъумэ и лъапэкIэ къытхузэIатхъ* (Къутыну дэ ди гъуэншэджыр шырыкъум и лъапэкIэ къытхузэIатхъ) [Куашева 1959: 223]. КIуащым къызэрыхигъэщымкIэ, Нэгумэ Шорэ и Грамматикэми (1840) ХьэтIохъущокъуэ Къазий XIX лIэщIыгъуэм икухэм итха текстхэми лъабжьэгъусэ **гуэ//гу**-хэр **уэ//у**-хэм я пIэкIэ къыщыгъэсэбэпащ. ЩIэныгъэ лэжьыгъэхэм **уэ//у**-хэм я къэхъукIэм теухуауэ зэтемыхуэу еплъыкIитI щыщыIэщ. Языныкъуэ бзэIуэхуэщIэхэм **уэ//у**-хэм етIуанэрей къэхъукIэ яIэу, **гуэрэ-**м [Лопатинский 1891: 35], **гуэ-**м [Турчанинов 1948: 118] къытекIауэ къалъытэр. НэгъуэщI еплъыкIэ иIэщ Рогавэ Г.В. Абы **гуэ-** лъабжьэгъусэр етIуанэрейуэ, **у//уэ**-м, бзэгулъэдакъэ **г**-р IупитI **у**-м и гупэкIэ щыпыхъуэныгъэм ипкъ иткIэ, къытехъукIауэ къелъытэр [Рогава 1956: 101]. Апхуэдэ щапхъэхэм иджырей текстхэм дыщрихьэлIакъым икIи ар бзэм хэкIуэдыжыкIауэ къэплъытэ хъунущ.

Джылахъстэней псэлъэкIэм зыгъэлъагъуэ цIэпапщIэхэр, литературэбзэм къыщхьэщыкIыу, зыхъуэж псалъэзешэм и лъабжьэгъусэ тIуащIэр хэту урохьэлIэр:

джылахъ.	**лит.**
сохъуапсэ ***абым***	*сохъуапсэ* ***абы***

Зыгъэлъагъуэ цIэпапщIэхэм я куэд бжыгъэр литературэбзэм псалъэпкъитI зэхыхьэу къыщохъу: *а-бы-хэм*, *мы-бы-хэм, мо-бы-хэм*. Абыхэм къадэкIуэу джылахъстэней псэлъэкIэм нэгъуэщI къэпсэлъыкIи иIэщ: зыхъуэж псалъэзешэм и лъабжьэужьым и гъусэу узыпэплъэ **б**-р щыхэкIуэдыкI урохьэлIэр: *а-хэм*, *мы-хэм*, *мо-хэм*:

джылахъ.	**лит.**
Анэм *жаIэр зэхэпха?*	**Абыхэм** жаIэр зэхэпха?

Мы ухуэкIэр литературэбзэми къыщагъэсэбэпыфынущ. Ауэ КIуащ Тамарэ къыхигъэща щапхъэм хуэдэ, хэтын хуей **б**-м и пIэ **-м** щиувауэ, (***Ам****, слъагъуурэ, Тэрк къызэринэкIащ* (**Абы**, слъагъуурэ, Тэрч къызэринэкIащ) [Куашева 1959: 226] иджырей джылахъстэней псэлъэкIэм хэтлъэгъуакъым. Апхуэдэр зыхэбгъуатэр мэздэгу щIыпIэбзэрщ.

Материал зэхуэтхьэсахэм ущыхэплъэкIэ, нэхъыбэу хэплъагъуэр литературэбзэм щыхабзэ гъэпсыкIэхэрщ:

джылахъ.	**лит.**
мыбыгIэм *абы йащI щыIыти*	***мыбыхэм*** *абы ящI щыIэти,*
пIйати фIэкI къэсхьыым ***абыгIэмчIэ***	*тху фIэкI къэсхьыркъым* ***абыхэмкIэ***
йахэтщ ***абыхьэм***	*яхэтщ* ***абыхэм***

Литературэбзэ ухуэкIэм емыщхьу лъабжьэужь похъуэр **аби** зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэми:

джылахъ.	**лит.**
зыхэзгъэзэрыхьщ ***абыми***	*зыхэзгъэзэрыхьщ* ***аби***
Мышкъышыр къакIуэщ ***абыми***	*Мышкъышыр къакIуэщ* ***аби,***
йы щхьэр пиуыпщI ***абыми***	*йы щхьэр пиупщIщ* ***аби***
арэзы хъуа хъуынт ***абымэчIи***	*арэзы хъуа хъуынт* ***аби***
тепсэлъыхьын щIэддзэщ ***абымикIи***	*тепсэлъыхьын щIэддзэщ* ***аби***

МатериалыщIэм зэрыхэтлъагъуэмкIэ джылахъстэней псэлъэкIэр литературэбзэм къызэрыщхьэщыкIышхуэ щыIэжкъым. Лъэныкъуэ гуэрхэмкIэ ар пыщхьэхукIауэ, щхьэхуэныгъэ зэмылIужьыгъуэхэр хэплъагъуэу щытами, иужьрей илъэсхэм литературэбзэм пэгъунэгъу хуэхъун щIидзащ. Нэхъыбэу ар хуэгъэзащ Тэрч къалэ нэхъ и гъунэгъу къуажэхэм. Гу лъыботэр езы псэлъэкIэм и кIуэцIкIэ къэпсэлъыкIэ зэхуэмыдэхэм ущрихьэлIэ зэрыхъуам, икIи зэдэууэ бзэ лIэужьыгъуитIым и щытыкIэхэр хыболъагъуэр.

ТегъэщIапIэхэр
Список источников и литературы

Куашева 1954 – *Куашева Т.Х.* Особенности терских говоров кабардинского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. н-к. Нальчик, 1954. 24 с.

Куашева 1957 – *Куашева Т.Х.* Особенности терских говоров кабардинского языка. Диссер. На соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1957.

Куашева 1959 – *Куашева Т.Х.* Морфологические особенности терских говоров // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. С. 223–235.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Типография им. Революции 1905 г. 1969. С. 119–189.

Лопатинский 1891 − *Лопатинский Л.* Краткая кабардинская грамматика. Тифлис, 1891. 46 с.

Рогава 1956 − *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категорий грамматических классов в адыгейских (черкесский) языках. Тбилиси, 1956.

Таов 1981 – *Таов Х.Т.* Диалект как источник для построения история языка // Лингвистическая география и проблемы история языка. М., 1981. С. 383–389.

Таов 2003 – *Таов Х.Т* Кабардино-черкесская диалектология. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. университет, 2003. 185 с.

Таов 2006 – *Таов Х.Т.* Диалектология // Кабардино-черкесский язык. В 2 томах. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. Т. 2. С. 222–291.

Турчанинов 1948 − *Турчанинов Г.* Из поэтического наследства Шоры Ногмова // Ученые записки Каб. НИИ. Т. IV. Нальчик, 1948.

References

KUASHEVA T.H. *Osobennosti terskih govorov kabardinskogo jazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]: Avtoref. diss. ... kand. filol. n-k. Nal’chik, 1954. 24 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUASHEVA, T.Kh. *Osobennosti terskikh govorov kabardinskogo yazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]. Disser. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 1954. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUASHEVA, T.Kh. *Morfologicheskie osobennosti terskikh govorov* [Morphological features of Terek dialects] // Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta. Nal’chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1959. S. 223–235. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUASHEVA, T.Kh. *Terskie govory* [Terek speak] // Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. Nal’chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. S. 119–189. (In Russian and Kabardino-Circassian)

LOPATINSKIJ L. *Kratkaya kabardinskaya grammatika* [Brief Kabardian Grammar]. Tiflis, 1891. 46 s. (In Russian)

ROGAVA G.V. *K voprosu o strukture imennyh osnov i kategorij grammaticheskih klassov v adygejskih (cherkesskij) yazykah* [On the structure of nominal stems and categories of grammatical classes in the Adyghe (Circassian) languages]. Tbilisi, 1956. (In Russian)

TAOV H.T. *Dialekt kak istochnik dlja postroenija istorija jazyka* [Dialect as a source for constructing the history of language] // Lingvisticheskaja geografija i problemy istorija jazyka. M., 1981. S. 383–389. (In Russian)

TAOV, Kh.T. *Kabardino-cherkesskaya dialektologiya* [Kabardino-Circassian dialectology]. Ucheb. posobie. Nal’chik: KBGU, 2005. 185 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TAOV H.T. *Dialektologija* [Dialektology] // Kabardino-cherkesskij jazyk. V 2 tomah. Nal’chik : Respublikanskij poligrafkombinat im. Revoljucii 1905 g., Jel’-Fa, 2006. T. 2. S. 222–291. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TURCHANINOV G. *Iz poeticheskogo nasledstva Shory Nogmova* [Iz poeticheskogo nasledstva Shory Nogmova] // Uchenye zapiski Kab. NII. T. IV. Nal’chik,1948. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

АфIэунэ А.А. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжьакIуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

А.А. Афаунова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

A.A. Afaunova – Candidate of Philology, Ricercatore senior of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 29.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 29.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for-publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-44-50

КОНЦЕПТ ГУ «СЕРДЦЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Б.К. УТИЖЕВА

Залина Рашадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hezhevaz @yandex.ru, https://orcid.org /0000-0001-6384-4647

© З.Р. Хежева, 2026

Аннотация. Статья посвящена определению места лингвокультурного концепта **гу** «сердце» как формы репрезентации и концептуализации духовной жизни человека в системе языка адыгского писателя Б.К. Утижева. Невзирая на многочисленность и многоаспектность исследований данной концептосферы в адыгской лингвокультуре, функционирование его регулятивных базисных эмоций в языке Б.К. Утижева, ровно, как и сам язык писателя остается практически неразработанным. В работе впервые исследуются концепт **гу** «сердце» и фразеологические единицы с его участием в языке произведений Б.К. Утижева. Проделана попытка определить корпус семантических групп с данной лингвокультуремой и выявить степень ее продуктивности в образовании фразеологических единиц, используемых писателем.

В языке Б.К. Утижева лингвистическая ревизия концепта гу «сердце» существенно выходит за пределы только фразеологического состава языка, поскольку языку литературного произведения, а тем боле поэзии свойственна эволюция без ограничений, что и определяет его индивидуальность и национальное своеобразие.

Ключевые слова*:* кабардино-черкесский язык, концепт, гу / «сердце», фразеологическая единица, языковая картина мира, язык писателя

Для цитирования*:* Хежева З.Р. Концепт *гу* «сердце» в языковой картине мира Б.К. Утижева // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 44–50. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-44-50

Original article

CONCEPT OF THE GU “HEART” IN THE B.K. UTIZHEV’S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Zalina R. Khezeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hezhevaz@yandex.ru, https://orcid.org/0000- 0001-6384-4647

© Z.R. Khezheva, 2026

Abstract. This article examines the place of the linguacultural concept of “gu” (heart) as a form of representation and conceptualization of human spiritual life in the language of the Adyghe writer B.K. Utizhev. Despite the numerous and multifaceted studies of this conceptual sphere in Adyghe linguaculture, the functioning of its regulatory basic emotions in

B.K. Utizhev's language, as well as the writer's language itself, remains virtually unexplored. This paper is the first to examine the concept of "gu" (heart) and phraseological units featuring it in B.K. Utizhev's works. The paper attempts to identify a corpus of semantic groups associated with this linguaculture and to identify the degree of its productivity in the formation of phraseological units used by the writer.

In B.K. Utizheva's linguistic revision of the concept gu "heart" significantly extends beyond the phraseological composition of language, as the language of literary works, and especially poetry, is characterized by unlimited evolution, which determines its individuality and national identity.

***Keywords**:* Kabardino-Circassian language, concept, gu / "heart", phraseological unit, linguistic worldview, writer's language

***For citation**:* Khezeva Z.R. Concept of the *gu* "heart" in the B.K. Utizhev's linguistic picture of the world. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 44–50. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-44-50

В становлении национальной картины мира и формирующим его ядро языковым дефинициям относятся, безусловно, ФЕ как отражение специфических черт национальной культуры, исторической памяти и языка этноса. Фразеологический состав любого языка наиболее культурнонационален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения, она связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [Телия 1996: 215], что дает основание говорить о фразеологической картине мира как языковой форме фиксации национальной картины мира (НКМ). Исследование структурно-семантических особенностей фразеологической системы языка является одной из актуальных объектов современных антропоцентрических направлений, сложность которого обусловлено не только интенсивной модификацией и трансформацией языка, но и тем, что ФЕ в полной мере отражают этноспецифические, экстралингвистические и языковые особенности конкретного языка. Неподдельный интерес вызывают фразеологизмы, которые являются национально-специфическими и отражают характерные особенности культуры и быта, обычаи, символику. Именно они, как замечено исследователями, аккумулируют в себе информацию не только о культурных традициях народа-носителя языка, но и об особенностях его мировосприятия, о формах языковой концептуализации действительности [Кумыкова 2017: 75].

Ревизия полиуровневой структуры фразеологических единиц в различных нравственно-смысловых ракурсах предоставляет возможность выявить их роль в становлении художественной картины мира, репрезентирующей доминанты этноязыкового сознания писателя в их отношении к лингвокультурным концептам. Это объясняется способностью ФЕ аккумулировать в себе достаточно широкий спектр коннотативных значений и дискурсивных смыслов, создающих богатый когнитивно-прагматический потенциал идиоматики любого языка. Кроме того, «фразеологизмы обладают оценочностью, образностью, способностью отражать особенности национального менталитета и культуры» [Скнарев 2014]. Компоненты, входящие в состав ФЕ, и образы, на которых эти выражения базируются, служат этнокультурными маркерами первостепенной важности, репрезентирующими особенности быта того или иного народа, его понимания мира, а также исторических событий, происходящих на определенном этапе развития общества. Чрезвычайно ценным является изучение фиксируемых ФЕ механизмов трансформации восприятия окружающей действительности в языковом сознании, отображающие характер переосмысления обыденных и общественно значимых явлений, что наполняет ФЕ новыми смысловыми нюансами [Голикова 2023].

В настоящее время в когнитивной лингвистике особенное внимание уделяется культурным концептам, вербализованным в текстах художественных произведений. Мысль о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы,

не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7], декларирует обязательность анализа языка писателя в единстве созданных им произведений. Одним из ведущих методов подобных исследований признается многоаспектный анализ фразеологической картины мира писателя, которая рассматривается как часть языковой картины мира.

В этнокультурном мировоззрении народа концепт гу «сердце» относится к ключевым экзистенциальным лингвокультурным понятиям. В адыгской языковой картине мира рассматриваются различные аспекты репрезентации данной концептуальной дефиниции в контексте исследований этнокультурных особенностей языкового сознания. В последние десятилетия научные изыскания в области ретроспективного анализа этнического самосознания и самосознания современных адыгов в зеркале языковой картины мира вызывают неподдельный лингвистический интерес, подтверждением которого служит богатейший библиографический формуляр журнальных публикаций и монографических исследований на эту тему.

Метафора СЕРДЦЕ-ЦЕНТР подразделяется на два аспекта: центр топологический, основанный на представлениях об анатомии сердца как области, и центр функциональный, основанный на представлениях о физиологии сердца как органа [Зибров 2009: 5]. Сердце рассматривается как символическое отражение в языке ментальных проекций, представлений этноса об объективной действительности. Это некое абстрагированное понятие с полисемантической нагрузкой, этнокультурно маркированное по своей сути, содержащее эмоционально-оценочные ассоциации, психологизмы мировосприятия [Хоконов, Соблирова 2020: 34]. В языке фразеологические единицы с гу / «сердце» выступают как метонимия, характеризуя человека с разных сторон, а с другой стороны, как соматизм (например, гур узын / «испытывать боль в сердце»). Таким образом, вокруг концепта гу / «сердце» образуется символ духовного и физического состояний, различных эмоций, он показывает характер человека и является хранителем той или иной информации [Абазова 2016: 64].

Концепт «сердце» – «гу» характеризуется субстанциальностью, метафоричностью и аксиологичностью. Метафорическая составляющая данного концепта ярко представлена в русском и адыгейском языках и реализуется с помощью комплексных когнитивных моделей. Сердце в большинстве случаев получает положительную оценку в обеих лингвокультурах: сердце ассоциируется с добротой, любовью, смелостью, отзывчивостью, спокойствием, участием, чистотой, сочувствием, гармонией, искренностью, самым ценным, что может быть у человека [Чич 2010: 6]. Отмечая многоаспектность культурной семантики экзистенциональных лингвистических концептов, З.Х. Бижева отмечает, что если для обыденного сознания современных адыгов внутренняя форма таких слов забылась или «стерлась» и они воспринимаются как немотивированные (не распадающиеся на значимые части), то для лингвистического сознания носителей адыгских языков (при развитой интроспекции) она имеет исключительное значение, так как такая этимология вскрывает первичную мотивированность слов. Ассоциации и смысловые оттенки, возникающие при анализе внутренней формы слов, в большей мере передают национально-культурное своеобразие соответствующих концептов, чем денотативный компонент лексических значений [Бижева 2022: 73].

Особый интерес с нашей стороны, как у исследователя языковых особенностей самобытного языка Б.К. Утижева вызвало то обстоятельство, что лингвокультурный концепт гу «сердце» в его языковой картине мира имеет явно выраженную негативную коннотацию. Писатель с тонкой восприимчивостью мира, уникальным слогом и «адыгскостью» (термин Х.И. Бакова) [Баков 2010: 11] творчества использовал его большей частью при выражении печали, скорби и тревоги. Особенно это заметно в его новеллистике, резко диссонирующей с юмористическими произведениями, где концепт гу «сердце» вписывается в семантические рамки. В новеллах «Гум и тезыр» («Наказание сердца») (1971) и «Гухэлъ жыг» (букв:

«Дерево сокровенных чувств») (1977) гу «сердце» наделяется человеческими качествами. Оно в понимании и мироощущении писателя живое, более того, повествование идет от его лица, с ним ведется диалог: *Уэ уи гугъащ а цIыхур (Жансэхъу) щIэх дыдэу пщыгъупщэну. Ауэ ущыуащ. Сэ сытым дежи си гъусэщ ар, Марят. Сэ, уи гум* [Утижев 2010: 151]. «Ты так надеялась, что очень быстро забудешь этого человека. Однако ты ошиблась. Этот человек всегда со мной, Марят. Со мной, твоим сердцем»; *Уэ уи псэукIар (си сабиигъуэ) щызгъэщIэращIэм деж, нахуапIэ гъуабжэм сыблишу, дэпщэщи хуэдэу, сэ сыдэзышэхыр псысэм щыхьэщIэ си гурщ* [Утижев 2010: 173]. «Когда я приукрашиваю твою жизнь, мое детство, обойдя серое настоящее, как и всегда, меня манит сердце мое, гостящее в сказке»; *[Шамхьун:] Илъэсищ ней мэхъу уэ си гум и нэзыр зэрыгуэбутыкIрэ, си дыгъэ нур. Ауэ уэ зеи зэхэпхакъьым гуузу къыпкIэлъыбанэ си гум и макъыр* [Утижев 1993: 36]. «[Шамхун:] Целых три года как ты ходишь (букв: околачиваешься) вокруг да около моего сердца, солнце мое. Однако ты никогда не слышишь зов моего сердца, которое жалобно воет тебе вслед».

Сердце от лица писателя ведет внутренний диалог со своим обладателем: *Къуаншагъэ ин гуэр зэрыббгъэдэлъыр уощIэжри, уэ а гукъэкIыжхэм защыбгъэпщкIуну ухэтщ, ауэ плъэкIкъым (Марят). ПлъэкIкъым, а цIыхум сэ, уи гур, септащи…* [Утижев 2010: 152]. «Чувствуя за собой вину, напрасно пытаешься спрятаться от воспоминаний, но не получается [Марят]. Не можешь, потому что отдала меня (свое сердце) ему». Гу «сердце» является центром ментальной жизни, хранителем эмоциональной составляющей человека, писатель отождествляет его с самым ценным, с самой жизнью, которую можно подарить, но только лишь один раз, поскольку она одна, единственная: *Гур зэщ тыгъэ зэращIыр, Марят. Зэ закъуэщ. ИкIи сылъысыжынукьым сэ нэгъуэщIым… Уэ ухуейт зыри щымыIауэ къызыщыбгъэхъуну… АрщхьэкIэ уIэщIэкIыфынукъым сэ си тезырым... Гум зыри щыгъупщэркъым* [Утижев 2010: 150]. «Сердце дарят только один раз, Марят. Всего лишь раз. И никогда я (сердце) не смогу принадлежать другому. Ты хотела все забыть, но ты не сможешь уйти от моего наказания. Сердце ничего не забывает».

В языковой картине мира Б.К. Утижева помимо классических фразеологизмов с компонентом гу «сердце» иллюстрируется богатейший пласт авторских новообразований с намного более объемным содержанием, чем концептуальное выражение одноименной языковой дефиниции. Гипотеза о том, что сердце означает «орган всех чувств вообще», ярко иллюстрируется данными языковой картины мира писателя: *Уоу, Лусанэу си псэм и къуахуэ! Уэзгъэлъэгъуащэрэт мы си гур иджыпсту къызэрыгъагъэр, зэхозгъэхащэрэт абы уэр щхьэкIэ къиIущэщыр* [Утижев 1998: 35]. «Ооо, Лусана, моя ненаглядная! Видела бы ты, как сейчас расцвело мое сердце, слышала бы что оно шепчет о тебе». Отождествляя гу «сердце» с наивысшим чувством – любовью, писатель воспринимает его как вместилище самых сокровенных эмоций, как показатель бережного, трепетного отношения к любимому человеку. Сердце предлагается как приют, пристанище, как постоянный оплот в жизни человека. Своеобразие восприятия психоэмоциональных состояний человека, его чувств проявляется во взаимосвязи базовых концептов, что весьма ярко иллюстрируется языковыми данными Б.К. Утижева. Гу «сердце» в языке произведений писателя репрезентировано, чаще всего, в бинарном единстве с концептом *лъагъуныгъэ* «любовь» с сопутствующим метафорическим смыслом: *гу хуэщIын – лъагъуныгъэ хуэщIын* «влюбиться», *гур етын – лъагъуныгъэр етын* «влюбиться (букв: отдать сердце), *гум мафIэ илъын – гум лъагъуныгъэ илъын* «сильно любить»: *[Шамхьун:] Сэ сыинтылыгенцкъыми аращ сыныщIоупщIыр, си гур пIэщхьагъ зыхуэсщIын цIыкIу* [Утижев 1993: 38]. «Потому и спрашиваю, что я не из интеллигенции, моя любовь, которой дарю сердце, как надежную опору в жизни (букв: сердце предлагается любимой в качестве изголовья кровати)»; *Ауэ дакъэжь мафIэм хуэдэу си кIуэцIыр къизысыкI лъагъуныгъэр, укIытэкIи къарукIи схуэмыубыдыжу, мы си гур ныпхуеший* [Утижев 1993: 35]. «Любовь, тлеющая как

старая кряжа и обжигающая мое нутро, без всякого стеснения дарит тебе мое сердце»; *Лъэпэд цIыкIур лъэнкIэпIафэщ, уэ фэеплъу пщIа бэлътокур си гум телъу къызохьэкIыр, Пэщэхъану дахэкIей* [Утижев 1993: 17]. «Чулочки телесного цвета, я ношу в своем сердце (букв.: на поверхности сердца) платочек, подаренный тобой, прекрасная Пашахан»; *[Лусанэ:] Тхьэ, сэри мы си гум зы мафIэ илъщи, гуарцэ Iэтэ щагъэсу фIэкIа умыщIэн* [Утижев 1993: 36]. «Клянусь, в моем сердце горит такой огонь (букв.: сердце горит от любви), словно горит большая куча кизяка».

Богатый эмпирический материал позволил выделить в языковой картине мира Б.К. Утижева семантические группы ФЕ с компонентом гу «сердце» со значением разнообразнейших чувств со всеми гранями эмоциональной окраски, психофизических и духовных состояний человека. При этом нужно отметить, что для художественного мира писателя, его своеобразного языка и стиля повествования характерны узуальное, ровно, как и окказиональное (семантическое) несоответствия от нормированного грамматического употребления фразеологических единиц с данным компонентом. Понимая, что в рамках одной исследовательской статьи невозможно отобразить все семантические группы ФЕ с компонентом гу «сердце» сопровождая их иллюстративным материалом, мы выделили 2 группы с негативной и позитивной коннотацией. Как отмечено выше, лингвокультурологический анализ концепта гу «сердце», а также ФЕ с его участием в языковой картине мира Б.К. Утижева предоставил большей частью семантические группы со значениями страха, тревоги и печали: *гур пыткIукIын* «сильно переживать, испытывать тревогу», *гум къыщIитхъын* «сожалеть сильно», *гур къутэн* «сердце разрывается, (букв.: сердце ломается)», *гур щыкIын* «возненавидеть», *гур (гушыкъур) бэгын* «сердце пухнет (от злости, тревоги)»: *Хамэ унэ щIыхьауэ къихъунщIэ фIэкIа умыщIэну, Iэпэлъапэсыс хъуарэ и гур къикIэзызыкIыу бжэр Iуихщ, уэздыгъэр пигъанэри, щIыхьахэщ (Лалыхурэ Зулийрэ*) [Утижев 2010: 164]. «С трясущимися руками и дрожащим сердцем, словно пришли ограбить чужой дом, они [Лалух и Зулий] открыли дверь, включили свет и зашли в дом»; *[Эпикастэ:] Аращ, Креон! СлIожь дымылъагъуу уи гугъэ ер уигу къытхуилъ зэпыту зэрепхьэкIыр? Мы щIым зэрыунагъуэу дыщIэбгуэну, дэпщэщи узэрыхэтыр… ЦIыхум ящIэн хуейщ пэжыр: пщыгъэм хуэхьэлэлри и лъабжьэр щIэзыгъукIри* [Утижев 1998: 41]. «Да именно, Креон! Что же ты думаешь, не видим мы козней твоих, что держишь в сердце зло все время? Люди должны правду знать: кто правит с чистой совестью, а кто грызет корень у этой власти»; *(Марят) Апхуэдизу фи гум сыщытемыхуэкIэ, си Iуэхущ, тхьэ, сэри афIэкIа мы унэм сыщIэсым* [Утижев 2010: 148]. «[Марят:] Если вы настолько меня не любите (букв.: сердце не выносит), более я не буду находиться в вашем доме»; *Анэ дэтхэнэми и псэм хэлъу къыщIэкIынущ быным и натIэ илъыр къэзыщIэ гуэр: ФатIимэти, жимыIэф щхьэкIэ, хутемыгъэсабырэу и гур пыткIукIт ныщхьэбэ*. [Утижев 2010: 145]. «Наверное, в душе у каждой матери есть некое чутье, предугадывающее будущее своего ребенка. Так и Фатимат, хоть и не говорила вслух, ее сердце особенно тревожилось сегодня».

Фразеологические единицы с исследуемым концептом с положительной коннотацией в языке произведений Б.К. Утижева представляют такие семантические группы, как *гур тхьэкъун* «увлечься сильно кем-л. (букв.: очаровать сердце), *гур хэхъуэн* «испытывать душевный подъем», *гур кIэрыпщIэн* «влюбиться, привязаться к кому-л.): *Эпикастэ и гур псэхужауэ: Упсэу, Эдип* [Утижев 1998: 20]. «Эпикаста успокоившись: Благодарю, Эдип»; *Хьэжбэрон и гур къызыфIэнауэ: сэ уэ [Хьэфотэ] гу пщызмыхууэ мы дунейм сытекIыжмэ…* [Утижев 1998: 376]. «Хажбарон расчувствовавшись: Если я умру, не насладившись тобой (букв.: пока сердце не насытится тобой)». Как мы отмечали выше, в языке произведений Б.К. Утижева ФЕ с концептом гу «сердце», выражающие положительной коннотацию не так много, что, на наш взгляд, обусловлено его восприятием мира.

Безусловно, осознавая ограниченность рамками одной научной публикации, мы не смогли охватить все ассоциации и смысловые оттенки, возникающие при

ревизии авторских образований и ФЕ с компонентом гу «сердце», передающие национально-культурное своеобразие языковой картины мира писателя. Исследование ФЕ в художественных произведениях, говоря словами Баловой И.М., позволяет установить закономерности их функционирования, характер связи с контекстом. Фразеологизмы, несущие на себе определенную эстетическую нагрузку, оживляют контекст, придают ему особую выразительность, яркость. Художественный контекст также воздействует на семантику, коннотации, грамматическую структуру ФЕ [Балова 1985: 27].

Список источников и литературы

Абазова 2016 – *Абазова М.М.* Концепт гу / «сердце» в синонимичных фразеологизмах кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 62–64.

Баков 2010 – *Баков Х.И.* Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 376 с.

Балова 1985 – *Балова И.М.* Функционально стилистический анализ фразеологических единиц в прозе А.П. Кешокова и проблемы перевода кабардинской фразеологии: дисс. канд. филол. наук. Нальчик, 1985. 185 с.

Бижева 2022 – *Бижева З.Х.* Адыгская языковая картина мира. 2 издание, дополненное. Нальчик, КБГУ, 2022. 186 с.

Голикова 2023 – *Голикова М.М.* Фразеологические образы в языковой картине мира писателей русского зарубежья: дисс. … канд. филол. наук. Белгород, 2023. 236 с.

Зибров 2009 – *Зибров Д.Я.* Концепт СЕРДЦЕ в аспекте концептуальной систематики языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 22 с.

Караулов 2010 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд.7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Кумыкова 2017 – *Кумыкова Д.М.* Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 1 (32). С. 71–76.

Скнарев 2014 – *Скнарев Д.С.* Фразеологизм как средство создания образа в рекламном дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 340.

Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Хоконов, Соблирова 2020 – *Хоконов М.А. Соблирова З.Х.* Концепт гу («сердце») в традиционном социокультурном пространстве черкесов (культурологический аспект) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 33–37.

Чич 2010 – *Чич Б.А.* Субстанциальность и метафоричность концепта гу «сердце» в языковой картине мира: на материале русского и адыгейского языков: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.

Утижев 1993 – *Утижев Б.К.* С добрым смехом. Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1993. 256 с. (ІутІыж Борис ГушыІэ махуэ апщий. Налшык: Эльбрус, 1993. 256 н.)

Утижев 1998 – *Утижев Б.К.* Весь мир – театр. Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1998. 376 с. (ІутІыж Борис Дунейр театрщ. Пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1998. 376. н.)

Утижев 2010 – *Утижев Б.К.* Сочинения. Стихи, сонеты, новеллы, пьесы. Нальчик: Эльбрус, 2010. 376 с. (ІутІыж Борис Тхыгъэхэр. Усэхэр, сонетхэр, новеллэхэр, пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 2010. 376 н.)

References

ABAZOVA M.M. *Koncept gu / «serdce» v sinonimichnyh frazeologizmah kabardino-cherkesskogo yazyka* [Concept ГУ / “HEART” In the synonymic phraseologisms of the Kabardino-Circassian Language]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 4 (58): in 3 parts. Part 2. P. 62–64. (In Russian)

BAKOV Kh.I. *Boris Utizhev: poet, pisatel', dramaturg* [Boris Utizhev: poet, writer, playwright]. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2010. 376 p. (In Russian)

BALOVA I.M. *Funkcional'no stilisticheskij analiz frazeologicheskih edinic v proze A.P. Keshokova i problemy perevoda kabardinskoj frazeologii* [Functional and stylistic analysis of phraseological units in the prose of A.P. Keshokov and problems of translation of Kabardian phraseology]: diss. … kand. filol. nauk. Nalchik, 1985. 185 p. (In Russian)

BIZHEVA Z.Kh. *Adygskaya yazykovaya kartina mira. 2 izdanie, dopolnennoe* [Adyghe linguistic picture of the world. 2nd edition, supplemented]. Nalchik: KBGU, 2022. 186 p. (In Russian)

CHICH B.A. *Substancial'nost' i metaforichnost' koncepta gu «serdce» v yazykovoj kartine mira: na materiale russkogo i adygejskogo yazykov* [Substantiality and metaphorical nature of the concept gu "heart" in the linguistic picture of the world: based on the Russian and Adyghe languages]: avtoreferat diss. … kand. filol. nauk. Maykop, 2010. 23 p. (In Russian)

GOLIKOVA M.M. *Frazeologicheskie obrazy v yazykovoj kartine mira pisatelej russkogo zarubezh'ya* [Phraseological images in the language picture of the world of writers of Russian abroad]: diss. … kand. filol. nauk. Belgorod, 2023. 236 p. (In Russian)

KARAULOV YU.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd.7-e.* [Russian language and linguistic personality. 7th ed.] M.: LKI, 2010. 264 p. (In Russian)

KHOKONOV M.A., SOBLIROVA Z.KH. *Koncept gu («serdce») v tradicionnom sociokul'turnom prostranstve cherkesov (kul'turologicheskij aspekt)* [The concept of "GU" ("HEART") in the traditional socio-cultural space of Circassians (cultural aspect)]. IN: Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2020. No. 4 (208). P. 33–37. (In Russian)

KUMYKOVA D.M. *Lakunarnost' frazeologicheskih edinic v kabardino-cherkesskom i russkom yazykah* [Lacunarity of phraseological units in the Kabardian-Circassian and russian languages]. IN: Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2017. No. 1 (32). P. 71–76. (In Russian)

SKNAREV D.S. *Frazeologizm kak sredstvo sozdaniya obraza v reklamnom diskurse* [Idiom as a means of creating an image in advertising discourse]. IN: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 1. P. 340. (In Russian)

TELIA V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p. (In Russian)

UTIZHEV B.K. *S dobrym smekhom. P'esy* [With good laughter. Plays. In the Kabardian language]. Nalchik: Elbrus, 1993. 256 p. (In Kabardino-Circassian)

UTIZHEV B.K. *Ves' mir – teatr. P'esy* [The Whole World's a Stage. Plays]. Nalchik: Elbrus, 1998. 376 p. (In Kabardino-Circassian)

UTIZHEV B.K. Sochineniya. Stihi, sonety, novelly, p'esy [Works. Poems, sonnets, short stories, plays]. Nalchik: Elbrus, 2010. 376 p. (In Kabardino-Circassian)

ZIBROV D.YA. *Koncept SERDCE v aspekte konceptual'noj sistematiki yazyka* [The concept HEART in the aspect of conceptual taxonomy of language]: avtoreferat diss. … kand. filol. nauk. Irkutsk, 2009. 22 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 16.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 16.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-51-57

ТРАНСЛЯЦИЯ СЕМАНТИКИ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ Х.Т. ШЕКИХАЧЕВА

Марьяна Рашадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, maryana.khezheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9568-7751

© М.Р. Хежева, 2026

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансляции семантики количественности в идиостиле кабардинского писателя Х.Т. Шекихачева. Ввиду невозможности проанализировать в рамках одной статьи реализацию квантитативной семантики во всех произведениях автора, в качестве материала использованы контексты, извлеченные из романов «*ЛъыщIэж*» («Кровная месть»), «*Гум псори къонэ*» («Все остается в памяти») и повести «*Дыгъэншэ илъэс*» («Год без солнца»). Комплексное исследование способов реализации квантитативной семантики в языке указанных произведений показало, что автор использует этноспецифические модели для реализации семантики неопределенного множества лиц, обладающих почетом и уважением. При помощи указательных местоимений, оформленных суффиксом множественного числа, в идиостиле автора реализуется семантика отрицательно оцениваемого множества. Семантикой количественности могут обладать выражения с лексемой *уэшх* «дождь». Обнаружены выражения, реализующие семантику пустоты, нуля и финансового состояния.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, адыгское языковое сознание, Х.Т. Шекихачев, семантика количественности

Для цитирования: Хежева М.Р. Трансляция семантики количественности в языке прозы Х.Т. Шекихачева // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 51–57. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-51-57

Original article

TRANSLATION OF THE SEMANTICS OF QUANTITY IN THE PROSE LANGUAGE OF H.T. SHEKIKHACHEV

Maryana R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, maryana.khezheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9568-7751

© M.R. Khezheva, 2026

Abstract. This article explores the translation of quantitative semantics in the idiostyle of the Kabardian writer Kh. T. Shekihachev. Due to the impossibility of analyzing the implementation of quantitative semantics in all of the author's works within the framework of a single article, contexts extracted from the novels "LyshchIezh" ("Blood Feud"), "Gum Psori Kone" ("Everything Remains in the Heart"), and the story "Dyg'enshe Ilyes" ("A Year Without Sun") were used as material. A comprehensive study of the methods of implementing

uantitative semantics in the language of these works revealed that the author utilizes ethnospecific models to realize the semantics of an indefinite set of persons enjoying honor and respect. Demonstrative pronouns, formed by the plural suffix, are used in the author's idiostyle to implement the semantics of a negatively evaluated set. Expressions with the lexeme "ueshkh" (rain) can possess the semantics of quantitativeness. Expressions implementing the semantics of emptiness, zero, and financial status were discovered.

***Keywords**:* Kabardino-Circassian language, Adyghe linguistic consciousness, Kh.T. Shekihachev, semantics of quantity

***For citation**:* Khezheva M.R. Translation of the semantics of quantity in the prose language of Kh. T. Shekihachev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 51–57. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-51-57

Художественное наследие кабардинского писателя Х.Т. Шекихачева по праву признается весомым вкладом в адыгскую литературу. Одаренный мастер художественного слова работал практически во всех жанрах литературы – прозе, лирике, драматургии. Особого внимания заслуживает изучение идиостиля писателя. В особенностях языка проявляется источник этнического своеобразия различных форм и явлений духовной жизни [Бижева 2020: 168].

Целью статьи является анализ языковых средств, эксплицирующих квантитативную семантику. Проблема реализации количественной семантики в языке является одной из актуальных направлений в современной лингвистической науке. Выявление способов реализации количественной семантики в художественном дискурсе представляется особенно важным ввиду того, что в индивидуально-авторском стиле, как правило, обнаруживаются особо этноспецифичные выражения с квантитативным значением, которые не зафиксированы в лексикографических источниках.

Новизна исследования заключается в том, что идиостиль Х.Т. Шекихачева рассматривается с точки зрения объективации в нем этноспецифичной количественной семантики. Выявлены модели и конструкции, при помощи которых автор транслирует идею количественности, интенсивности проявления качества.

Материалом исследования послужили языковые единицы и выражения с квантитативной семантикой, извлеченные из романов Х.Т. Шекихачева *«Гум псори къонэ»* («Все остается в памяти»), *«ЛъыщIэж»* («Кровная месть») и повести *«Дыгъэншэ илъэс»* («Год без солнца»).

Задачи исследования заключаются в выявлении и анализе выражений, с помощью которых Х.Т. Шекихачев транслирует идею количественности.

Обилием форм и способов выражения в адыгском языковом сознании и в языке исследуемого автора отличается семантика неопределенно большого множества. Так, в современном кабардино-черкесском языке фразеологическую единицу *хьэIусыпэ зрат* употребляют для обозначения авторитетного человека [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 735]. Носитель адыгского языкового сознания весьма часто использует данное выражение в конструкциях, обозначающих неопределенное множество авторитетных, уважаемых лиц. Такие конструкции образуются в исследуемом языке по фиксированной модели − существительное (чаще всего лексема, обозначающая какую-либо местность) в эргативе, то есть с аффиксом *-м* + фразеологическая единица *хьэIусыпэ зрат,* оформленная формантом обстоятельственного падежа *-у* + причастные формы глаголов типа *дэсын* «находиться, жить где-л.», *исын* «проживать, жить постоянно где-л.». К примеру: *Джылахъстэней**м** хьэIусыпэ зрат**у** **исыр*** «все уважаемые жители Малой Кабарды» (букв.: все уважаемые лица, живущие в Малой Кабарде»). *Махущ хъуауэ Мартазэхэ я хьэгъуэлIыгъуэщ. Хьэжрэтым къикIри КъуийцIыкIуокъуэ Джэгужь, пщы емылыджу къалъытэр къэкIуащи, **Дылахъстэнейм хьэIусыпэ зрату** исыр къызэхуэсауэ **щызэхэсщ*** [ШэджыхьэщIэ 2021: 4] / «Уже третий день у Мартазовых идут свадебные торжества. Ввиду того, что с Хаджрета приехал Куйцыкоко Дагуж,

которого считают норовистым князем, у них собрались **все уважаемые жители Малой Кабарды»** *(Здесь и далее перевод автора – М.Х).*

Выразителем семантики сосредоточения зрительно воспринимаемого неопределенно большого множества чего (кого) либо на открытой территории в современном кабардино-черкесском языке служит глагольная лексема *уфэбгъун* «занять что-л., покрыть с собой поверхность чего-л.» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 660]. *Елъхъуэт къуажэкIэм и деж иIэ щIы IэнэщIышхуэр* ***цIыхум яфэбгъуат*** [ШэджыхьэщIэ 2021: 5] / «Расположенное в нижней части села Эльхотова пустое поле было **все заполнено людьми».** При помощи данной лексемы в современном кабардино-черкесском языке может транслироваться и семантика повсеместного распространения звука на большой открытой территории. *Губгъуэ псори «ура-а-а!» макъым иуфэбгъуащ* [ШэджыхьэщIэ 1994: 80] / «**Все поле** было **заполнено** звуком от слова «Ура-а-а».

Нередко носитель адыгского менталитета реализует идею количественности посредством зооморфных образов. Так, встречающееся в идиостиле исследуемого автора выражение «*пылым ирифын итфащ*», транслирует употребление большого количества жидкости. К примеру: *М-м-м, зэточ си щхьэр,* ***пылым ирифын итфащ*** [ШэджыхьэщIэ 2021: 6] / «М-м-м, голова разрывается, мы очень много выпили (букв.: выпили **столько, сколько может выпить слон»)**. Семантика повсеместного распространения шума реализуется компаративным выражением *бжьэ пщIам хуэдэу зэщIэвэрт* «шумел словно пчелиный рой». *ПщIантIэр* ***бжъэ пщIам хуэдэу зэщIэвэрт*** [ШэджыхьэщIэ 1994: 144] / «**Весь двор** шумел, словно **пчелиный рой**».

В кабардино-черкесском языке для передачи временных, пространственных, причинных отношений используются послелоги в сочетании с именами существительными, местоимениями, наречиями и именными формами глагола [Грамматика 1970: 198]. Так, семантика длительности, продолжительности действия реализуется в адыгском языковом сознании сочетаниями с послелогом *лъандэрэ* «с, со». *ИлъэсищкIэ Къэсейхэ я шыбзыхъуэу сыщытащ, си адэр, Бердыкъуэ,* ***игъащIэ лъандэрэ*** *абыхэ я мэлыхъуэщ* [ШэджыхьэщIэ 2021: 5] / «На протяжении десяти лет я был табунщиком кобылиц Касеевых, отец мой, Бердуко, **с давних пор** их чабан».

Адъективные лексемы кабардино-черкесского языка *гуэрэн* «скопление кого-чего-л.» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 70] и *Iув* «густой (о лесе, волосах)» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 70] реализуют семантику густоты растительности. *Шур, вагъуэ-ижым хуэдэу къуажэбгъум щыкI* ***бэрэжьей Iувым*** *хэкIуэдэжащ* [ШэджыхьэщIэ 2021: 11] / «Всадник, подобно падающей звезде, исчез в **густых зарослях бузины**». … ***банэ гуэрэн*** *гуэр щыпхыжым, шуушцри мащэ куум пхыхуащ* [ШэджыхьэщIэ 2021] / «… в момент когда они пробегали сквозь **густых зарослей колючки,** все три всадника провалились в глубокую яму».

Семантика чрезмерности содержится в глагольных лексемах типа *зытеукIэжын* и *зытефыщIэжын,* которые могут обозначать как слишком большие финансовые траты на что-либо, так и излишнюю трату сил на что-либо. Дословный перевод данных выражений на русский язык представляется сложным. *ХьэщIэкIэ фIыщ джылахъстэнейхэр,* ***зыкъыптраукIэжынущ*** [ШэджыхьэщIэ 2021: 6] / «Малокабардинцы хорошо принимают гостей, они не будут жалеть ни сил, ни времени, ни материальных затрат на удовлетворение их потребностей».

Адыгское лингвокультурное пространство характеризуется наличием широкого круга способов реализации семантики положительно или отрицательно оцениваемого множества. Примером положительно-оцениваемой группы лиц в адыгской языковой картине мира могут служить речевые формулы вежливости: *Гуп махуэ апщий! – ярихащ сэлам Атэбий* [ШэджыхьэщIэ 2021: 14] / **«Счастливой (доброй) компании** – поздоровался Атабий».

Явным пейоративным оттенком обладает характерное для языка Х.Т. Шекихачева выражение *хьэмыхъу-шымыхъу (куэд)*. Наличие в данной форме союзного суффикса *-и..-и* (*хьэмыхъу**и**-шымыхъу**и***) вносит в ее значение оттенок уничижительной поголовности и переводится как «все кому не лень», «всякие» [см. Бижоев, Хежева 2024: 3628]. А выражение *хьэмыхъу-шымыхъу куэд* имеет несколько иной оттенок. В целом такое выражение содержит в себе семантику пренебрежительного отношения говорящего к неопределенному количеству лиц. Близкой семантикой обладает и выражение *адрей-модрейхэр* «всякие», образованное путем присоединения суффикса множественного числа *-хэ* к основе указательного местоимения. *Хэтщ жыпIа нобэ пыIэзэфIэхьыр зэхэзышэр – ауан щIэлъу мэдыхэшхыпцI Мэртазэ и къуэр. Уэркъ? ЛIакъуэлIэш? Хьэмэрэ **адрей-модрейхэра? Хьэмыхъу-шымыхъу куэд** хызолъагъуэ мо гупым* [ШэджыхьэщIэ 2021: 17] / «Кто, говоришь, сегодня участвует в состязании – с сарказмом усмехнулся сын Мартазы. Орки?, Тлякотлеши? Или **всякие там?** Среди собравшихся вижу много недостойных людей».

Количественной оценке подвергаются и погодные явления. Лексема *уэшх* «дождь» в адыгском языковом сознании может передавать идею большого количества. Так, встречающееся в языке Х.Т. Шекихачева выражение *бдзапцIэ уэшхым псэууэ къыхэкIыжын* образно можно перевести как «спастись от большого количества свинцовых пуль», «вернуться живым с войны». *Ара уи гугъэ сэ псори шIэзгъэвар**, бдзапцIэ уэшхым псэууэ сыкъыщIыхэкIыжар**?* [ШэджыхьэщIэ 1994: 123] / «Ты думаешь из-за этого я пережил все сложности, живым смог уйти из поля боя (букв.: пережил большое количество пуль, свинцовые дожди»). Словосочетание *гъэмахуэ уэшх* «летний дождь» весьма часто используется в адыгской языковой картине мира для выражения семантики большого, интенсивного дождя. .. *зэанэзэпхъур зэрIыгът, **нэпсыр гъэмахуэ уэшхыу иракIуту*** [ШэджыхьэщIэ 2021: 35] / «Мать и дочь держались друг за друга**, проливая слезы летним дождем»**. Для объективации высокой степени интенсивности дождя в адыгской языковой картине мира используется целый ряд выражений. В адыгском языковом сознании и в языке прозы Х.Т. Шекихачева семантика большого ливневого дождя реализуется выражением *уридэкIуеин хуэдэу къешхын* ≈ о большом дожде, лить как из ведра (букв.: лить так, что по ней можно подняться к небу». *Зы сыхьэти дэкIатэкъым **уэшхыр, уридэкIуеинум хуэдэу, кърикIуту щыщIидзам*** [ШэджыхьэщIэ 1994: 316] / «Не прошло и часа, как начал лить **очень большой дождь**».

Для характеристики глубины снежного покрова носитель адыгского языкового сознания часто использует выражения, содержащие соматизмы. К примеру: *уэсыр **лъэгуажьэм къэсу** къытрилъхьащ* «снега навалило по колено». *Махуищ лъандэрэ зэпымыууэ къес **уэсыр лъэгуажьэм къэсу къытрилъхьащ*** [ШэджыхьэщIэ 1994: 91] / «Третий день подряд идущего **снега навалило по колено**». Репрезентантом семантики незначительного количества снега в языке адыгов является выражение *лъэгу уэс* «тонкий слой снега». *Уэс къытрилъхьащ. **Ари мащIэ дыдэу. «Лъэгу уэс» жыхуаIэм хуэдэу*** [ШэджыхьэщIэ 1994: 302] / «Посыпало снегом. **В малом количестве (тонким слоем). Таким снегом, которого можно назвать «подошвенным снегом»**.

Имплицитное значение количественности усматривается и в языковых единицах, транслирующих финансовое положение личности и семьи в целом. Так, устойчивое выражение *и дзыгъуэ лъынэ телъын (къикIын)* в адыгской языковой картине мира характеризует состоятельного, живущего в достатке человека: *Мартазэ и къуэжьым **и дзыгъуэ лъынэ телъщ, –** ипэкIэ плъэурэ жиIащ Атэбий* [ШэджыхьэщIэ 2021: 23] / «Сын Мартазы живет в достатке – глядя вперед проговорил Атабий (букв.: у сына Мартазы мыши жирные)».

Ядром семантики богатства в кабардино-черкесском языке можно назвать прилагательное *къулей* «богатый». В языке исследуемого автора встречается

выражение *къивыкIыжауэ къулейщ жыпIэнукъым* «не сказать, что очень богаты». Наличие в выражении глагола в отрицательной форме вносит в его семантику оттенок преуменьшения. Подобного рода выражения репрезентируют семантику среднего достатка. Тождественным значением обладают словосочетания *зыхуей ягъуэту* «не нуждаясь» (букв.: имея то, что им нужно), *зэхъуапсэ щымыIэу* «не нуждаясь» (букв.: никому не завидуя). ***УнагъуэкIэ къивыкIыжауэ къулейщ жыпIэнукъым,*** *ауэ* ***зыхуей ягъуэту, зэхъуапсэ щымыIэу****, жылэм яхэзагъэу псэу унагъуэт* [Шэджыхьэщ Iэ 1994: 439] / «**Не сказать, что семья была очень богатой**, но они жили, **имея то, что им нужно для жизни, никому не завидуя,** и не выделяясь из общества». В адыгской языковой картине мира богатство ассоциируется с сытостью. Так, устойчивое выражение *и ныбэр изщ* «не голодает» (букв.: у него живот полный» характеризует богатого, живущего в достатке человека. Наличие в данном устойчивом выражении усилительного суффикса *-щэ* вносит в его значение семантику чрезмерного богатства, которая в свою очередь, может отрицательно влиять на характер человека. К примеру: *ЯщIэн ягъуэткъым, − хущхьэурэ къэтэджащ Мэзан.* ***Я ныбэ изыщэщи,*** *делагъэкIэ зэпоуэ*… [Шэджыхьэщ Iэ 1994: 219] / «Им нечем заняться, − зевая встал Мазан. **У них животы слишком наполнены,** вот и соревнуются в глупостях…».

В современном кабардино-черкесском языке глагол *зэкIуэцIылъын* может использоваться в значении «состоять из чего либо, представлять с собой что-либо» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 211]. Выражения, содержащие данный глагол, обладают количественной семантикой. Такие выражения образуются по модели существительное в именительном падеже + существительное в обстоятельственном падеже + глагол *зэкIуэцIылъын*. К примеру: − *Тобэ Iэстофрилэхь, Джэршокъуэ и къуэ, Мэртэзей****р*** *уэрэд****у фызэкIуэцIылъи*** *– и фIэщу егъэщIагъуэ хьэщIэ нэхъыжьым* [Шэджыхьэщ Iэ 2021: 175] / «О боже, сын Гершоко, все мартазейцы состоите из песен, − всерьез удивляется старший из гостей».

Семантику отсутствия в течение длительного времени носитель адыгского языкового сознания реализует выражением *къэт жегъэIэн* «отсутствовать очень долго, быть очень долго в отъезде» (букв.: вынудить всех сказать о долгом отсутствии) [Карданов 1968: 140]. − *Къэт жевгъэIаи* [Шэджыхьэщ Iэ 2021: 218] / «Как вы долго отсутствовали!».

Наличие чего (кого)-либо в изобилии в кабардино-черкесском языке передается сочетанием причастий с формантом *-р* и словоформы *укIуэдыж*. Значение таких выражений проясняется только в контексте. *Iэнэм шхыныггъуэу* ***темылъыр укIуэдыж*** «какого только блюда нет на столе». *КIэщIу жыпIэмэ, адыгэм ищIу* ***Iэнэм шхыныггъуэу темылъыр укIуэдыж*** … [Шэджыхьэщ Iэ 2021: 235] / «Короче говоря, **какой только адыгской еды нет на столе…».**

Обнаружены некоторые примеры, реализующие семантику незначительности, редкости. Завершение процесса в незначительный промежуток времени автор реализует выражением *зы махуэхьу ихьын. А лIы бэлыхьыр* ***зы махуэхьу*** *ныбэузым ихьащ* [Шэджыхьэщ Iэ 2021: 32] / «Этот превосходный мужчина **за один день** умер от тифа». Семантика редкости присутствует в глаголах, образованных при помощи преверба *х-* и суффикса *-кI* [см. Дзуганова 2005: 30]. *Зэманыр нэхущ нэблэгъат, … къуажэр щымт, хьэ* ***закъуэтIаыкъуэ къыхэбэныкI*** *фIэкIа, нэгъуэщI макъ щызэхэпхыртэкъым* [Шэджыхьэщ Iэ 2021: 123] / «Время приближалось к рассвету, … в селе стояла тишина, **только изредка лаяли собаки,** других звуков не было слышно».

Для реализации семантики пустоты, отсутствия, исчезновения в языке исследуемых произведений автора используются выражения:

Шотым къимыдзэн «не ставить ни во что» [Карданов 1968: 294]. *Мамэ физикэм фIэкIа нэгъуэщI предмет щыIэу* ***шотым кърид зэркъым*** [Шэджыхьэщ Iэ 1994: 183] / «Мама **ни во что не ставит другие предметы,** признает только физику».

ІэбжьанэласкІэ хуэдиз хэмылъын (зыхуейуэ) ≈ не иметь никакой пользы, ничего не хотеть». *А псоми сыхуейуэ* ***ІэбжьанэласкІэ хуэдиз хэлъкъым*** [ШэджыхьэщІэ 1994: 217] / Во всем этом **нет ничего**, что мне нужно, **даже размером с заусеницу».**

Семантику пустоты какой-либо поверхности в языке Х.Т. Шекихачева реализует выражение *Іэнэм жьапщэр щофий* ≈ стол совершенно пустой (букв.: на столе свистит ветер). *Нысаплъэ нэхъыжьым и* ***Іэнэм жьапщэр щофий*** [ШэджыхьэщІэ 1994: 304] / «На столе старшего свата совсем пусто». Устойчивое выражение *жьэм драхьей щІэлъкъым (щыІэкъым)* репрезентирует значение полного отсутствия еды. *Псом я щхьэр а нэхъыщІэхэр здэкІуэну нысащІэрщ.* ***Жьэм драхьей щІэлъкъым на-а абы!*** [ШэджыхьэщІэ 1994: 303–304] / «Важней всего – невеста, к которой пойдут младшие. А там нет никакой еды».

Семантику исчезновения (отсутствия) носитель адыгского менталитета реализует выражением с междометием *мэхь-мэхь* «тю-тю, уже нет» [Афаунова 2016: 27]. *Сыт лъагъуныгъэ?* ***Мэхь-мэхь, щыІэжкъым ар,*** *хьэ къарэжьым ишхыжащ, хьэрыкъуакІэ дадзэжащ* [ШэджыхьэщІэ 1994: 306] / «Какая любовь? **Тю-тю,** все, **ее больше нет,** ее съела черная собака».

Абсолютное отсутствие терпимости, вспыльчивость выражается в адыгском языковом сознании фразеологической единицей *и тэмакъым* ***зы шхий техуэжыркъым*** ≈ перестал проявлять всякую терпимость, стал вспыльчивым. *И тэмакъым* ***зы шхий техуэжыркъым****. Зы мыхьэнэншэ тІэкІу щхьэкІэ къогубжь (Джэрий)* [ШэджыхьэщІэ 1994: 142] / «(Герий) **перестал проявлять всякую терпимость,** стал вспыльчивым. Сердится из-за любой мелочи».

Выводы:

Анализ языка нескольких произведений мастера художественного слова Х.Т. Шекихачева позволил выявить ряд этноспецифических моделей, используемых носителями адыгского менталитета для выражения количественной семантики. В адыгском языковом сознании применяется образованное по фиксированной модели выражение, обозначающее группу авторитетных и уважаемых лиц. Глагольная лексема *уфэбгъун* в современном кабардино-черкесском языке используется для репрезентации акустически и зрительно воспринимаемого образа множества. Выражения с зоонимами могут использоваться адыгской языковой личностью для экспликации количественной семантики. Обнаружены примеры с семантикой положительной или отрицательной оценки группы лиц. В адыгском языковом сознании погодные явления также подвергаются количественной оценке. Языковое воплощение находят маркеры интенсивности дождя, глубины снега. Этноспецифически реализуется и семантика чрезмерности, завершение процесса в течение незначительного промежутка времени, редкости, изобилия. Ряд языковых единиц, встречающихся в прозе, обладающих количественным оттенком, оценивают финансовое состояние человека или семьи в целом.

Список источников и литературы

Адыгэбзэ псалъалъэ 1999 – *Адыгэбзэ псалъалъэ*. М.: Дигора, 1999, 860 с. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999, 860 с.).

Карданов 1968 – *Карданов Б.М.* Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 344 с.

Афаунова 2016 – *Афаунова А.А.* Проблема лексикографической фиксации междометий и звукоподражаний в кабардино-черкесском языке // Адыгская (черкесская) лексикография: теория и практика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 18–33.

Бижева 2020 – *Бижева З.Х.* Адыгские идиомы как репрезентанты «стиля мышления» // Язык. Дискурс. Ментальность: коллективная монография, посвященная 80-летию Адыгейского государственного университета. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 164–178.

Бижоев, Хежева 2024 – *Бижоев Б.Ч., Хежева М.Р.* Пейоративное множество в адыгском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 10. С. 3626–3630.

Грамматика 1970 – *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка.* М.: Наука, 1970. Ч. 1. Фонетика и морфология. 216 с.

Дзуганова 2005 − *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 216 с.

ШэджыхьэщIэ 1994 − *ШэджсыхьэщIэ Хь.Т.* ТхыгъэхэР: томитIым щызэхуэхьэсауэ. I том. Налшык: Эльбрус, 1994. 480 н. (Шекихачев Х.Т. Избранное: в 2 томах. Том I. Нальчик: Эльбрус, 1994. 480 с.).

ШэджыхьэщIэ 2021 − *ШэджсыхьэщIэ Хь.Т.* ЛъыщIэж. Роман. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 260 с. (Шекихачев Х.Т. Кровная месть. Роман. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 260 с).

References

Adyge psal''al''e [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. M.: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

KARDANOV B.M. Kabardinsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Kabardino-Russian phraseological dictionary]. Nalchik: Elbrus, 1968. 341 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

AFAUNOVA A.A. *Problema leksikograficheskoj fiksacii mezhdometij i zvukopodrazhanij v kabardino-cherkesskom yazyke* [The problem of lexicograpghic fi xation of interjections and onomatopoeiae in kabardino-circassian language]. IN: Adygskaya (cherkesskaya) leksikografiya: teoriya i praktika. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2016. P. 18–33. (In Russian)

BIZHEVA Z.Kh. *Adygskie idiomy kak reprezentanty «stilya myshleniya»* [Adyghe idioms as representatives of the "style of thinking"]. IN: Yazyk. Diskurs. Mentalnost: kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Moskva: FLINTA, 2020. P. 164–178. (In Russian)

BIZHOEV B.CH., KHEZHEVA M.R. *Pejorativnoe mnozhestvo v adygskom yazykovom soznanii* [Pejorative plurality in the Adyghe linguistic consciousness]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. Vol. 17. No. 10. Pp. 3626–3630. (In Russian)

DZUGANOVA R.Kh. *Morfonologicheskie processy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardino-Circassian word formation]. Nalchik: Izdatelskij centr «El-Fa», 2005. 216 p. (In Russian)

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka. Ch. 1. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language. Ch. 1. Phonetics and morphology]. M.: Nauka, 1970. 216 p. (In Russian)

SHEDZHYHESHCHIE Kh.T. *Thyg''ekher: tomitIym shchyzekhuekhesaue. I tom* [Selected: in 2 volumes. Volume I]. Nalshyk: Elbrus, 1994. 480 p. (In Kabardino-Circassian)

SHEDZHYHESHCHIE Kh.T. *L''yshchIezh. Roman* [Blood Feud. Novel]. Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovyh, 2021. 260 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

М.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 30.05.2026; одобрена после рецензирования 23.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 30.05.2026; approved after reviewing 23.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-58-68

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ И ПСЫЖЬ ЩЫПIЭБЗЭ: МАКЪ ДЭКIУАШЭХЭМ Я СИСТЕМЭ

Шэру Нинэ Гъумар ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щIэныгъэ IуэхущIапIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэ, Налшык къалэ, Урысей, nina.sherieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5550-7170

© Шэру Н.Гъу., 2026

Аннотацэ. Къэхутэныгъэр хуэгъэзащ адыгэбзэм и псыжь щIыпIэбзэм и нобэрей щытыкIэр убзыхуным. Статьям щызэпкърыхащ псыжь щIыпIэбзэм хэплъагъуэ макъ дэкIуашэ системэм иIэ гъэпсыкIэр. Лэжьыгъэм зи гугъу тщIы бзэ лIэужьыгъуэм елэжьахэм я цIэхэр къыщыхьащ, абыхэм щIыпIэбзэдж бзэщIэныгъэм хэлъхьэныгъэшхуэ хуащIахэр кIэщIу къыщыIуэтащ, макъ дэкIуашэхэм ядэплъагъу къыщхьэщыкIыныгъэхэр щыубзыхуащ адыгэ литературэбзэм егъэпщауэ. КъыхэгъэбелджылыкIа щхьэхуэныгъэ къэсыху а екIуэкIыкIэм щыхьэт техъуэ щапхъэхэр дэщIыгъущ. Зэтемыхуэныгъэхэр нэхъ гъэнэIуа хъун, адыгэбзэ тхыпкъылъэм хэмыт макъхэр гъэбелджылын папщIэ, статьям къыщыгъэсэбэпащ дамыгъэ щхьэхуэхэр. ЩIыпIэбзэми литературэбзэми псалъэхэр фонетикэ щIыкIэм тету къэхьащ я зэщхьэщыкIыныгъэхэр нэгъэсауэ убзыхун щхьэкIэ. Къэхутэныгъэм зетпщытын хуей щIэхъуам и щхьэусыгъуэ нэхъыщхьэр мы Iуэхум тетхыхьа иджырей щытыкIэр къэзыгъэлъагъуэ щIэныгъэ лэжьыгъэ щыIэр зэрымащIэм къыхэкIкIэщ.

Статьям щIэуэ хэлъхэм ящыщщ лэжьыгъэр филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор БищIо Б.Ч. адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэщIэхэр къэгъэсэбэпауэ гъэхьэзыра зэрыхъуар. Лэжьыгъэр егъэкIуэкIынымкIэ сэбэп хъуащ къэхутэныгъэ, кIэлъыплъыныгъэ, зэпкърыхыныгъэ, тепсэлъыхьыныгъэ, зэпэгъэувыныгъэ, джыныгъэ, къызэщIэкъуэжыныгъэ методхэр.

Къэхутэныгъэм кърикIуахэр щыхьэт тохъуэ псыжь щIыпIэбзэм и макъ дэкIуашэ системэм адыгэ литературэбзэм ехьэлIауэ къыщхьэщыкIыныгъэ зэмылIэужьыгъуэхэр зэриIэр: макъхэр зэблэхъуауэ, пыгъэщхъауэ, пыгъэхъуауэ къызэрыщыкIуэр.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр*:* адыгэбзэ, щIыпIэбзэ, псыжь щIыпIэбзэ, фонетикэ, макъ дэкIуашэ

Цитатэ къызэрыхэпхынур*:* Шэру Н.Гъу. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и псыжь щIыпIэбзэ: макъ дэкIуашэхэм я системэ // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 58–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-58-68

Original article

THE KUBAN DIALECT OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE: THE CONSONANT SYSTEM

Nina. G. Sherieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, nina.sherieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5550-7170

© N.G. Sherieva, 2026

Abstract. The purpose of this article is to study the current state of the Kuban dialect of the Kabardino-Circassian language. The consonant system of the Kuban dialect is analyzed. The works of linguists who have made invaluable contributions to Adyghe dialectology are briefly described, and unique instances of consonant use in the Kuban dialect are identified in comparison with the Kabardino-Circassian literary language. The identified peculiarities are supported by examples. The article introduces several special symbols to represent sounds not found in the language's classical alphabet. Both the dialect and the standard variant use phonetic transcription to clearly identify pronunciation differences. The primary reason for researching this issue was the lack of scholarly work reflecting the current state of the dialect.

The article's novelty also lies in the fact that, for the first time, a system of linguistic terms in the Kabardino-Circassian language, developed by Doctor of Philology B.Ch. Bizhoev, was used in its development. The research employed the following methods: analysis, observation, analysis, descriptive and comparative methods, and the method of study and generalization.

The results of this article indicate that the Kuban dialect has a number of distinctive features in comparison with the Kabardino-Circassian literary language in the system of consonant sounds: substitution, truncation, and augmentation of sounds.

Keywords*:* Kabardian-Circassian language, dialect, Kuban dialect, phonetics, consonant sounds

For citation*:* Sherieva.G.N. The Kuban dialect of the Kabardino-Circassian language: the consonant system. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 58–68. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-58-68

Научная статья

КУБАНСКИЙ ДИАЛЕКТ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА: СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Нина Гумаровна Шериева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, nina.sherieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5550-7170

© Н.Г. Шериева, 2026

Аннотация. Цель статьи – изучение современного состояния кубанского диалекта кабардино-черкесского языка. Анализу подвергается система согласных звуков кубанского диалекта. Кратко описываются труды лингвистов, внесших неоценимый вклад в адыгскую диалектологию, определяются уникальные случаи использования согласных звуков кубанского диалекта в сравнении с кабардино-черкесским литературным языком. К выявленным особенностям приводятся примеры, подтверждающие их наличие. В статью вводятся несколько специальных символов для обозначения звуков, которых нет в классическом алфавите языка. И в диалекте, и в литературном варианте применяется фонетическая транскрипция для четкого определения расхождения в произношении. Главная причина исследования данного вопроса вполне объяснима: имеющиеся работы устарели для изучения современного состояния диалекта и выявления отличительных черт от норм литературного кабардино-черкесского языка.

Новизна статьи заключается также в том, что впервые при ее разработке применялась система лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч. В процессе исследования привлекались описательный и сопоставительный методы.

Результаты данной статьи свидетельствуют о том, что в кубанском диалекте наблюдается ряд расхождений с кабардино-черкесским литературным языком в системе согласных звуков: замена, усечение, наращение звуков.

Ключевые слова*:* кабардино-черкесский язык, диалект, кубанский диалект, фонетика, согласные звуки

Для цитирования*:* Шериева Н.Г. Кубанский диалект кабардино-черкесского языка: система согласных звуков // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 58–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-58-68

Псыжь псэлъэкIэм ирипсалъэ адыгэхэр къуажищым щопсэу: Хуэдз, Лэшэпсынэ, Куэшхьэблэ. Улапэ къуажэми апхуэдэу зымащIэ дэсщ. Тау Хь.Т. зэритхымкIэ, XVIII лIэщIыгъуэм и кIэхэм − XIX лIэщIыгъуэм и пэхэм хуэгъэфэщауэ 1822 гъэм ипэ къихуэу адыгэпщхэмрэ уэркъхэмрэ Псыжь адэкIэ Iэпхъуащ [Таов 2006: 223].

Адыгэбзэм и адрей щIыпIэбзэхэм пыщхьэхукIауэ зэрызиужьам къыхэкIкIэ хьэжрэт-адыгэхэм я жьабзэм бзэм и лъэныкъуэ куэдым щхьэхуэныгъэ зэмылIэужьыгъуэхэр яIэ хъуащ. Зы лъэныкъуэкIэ нэщэнэщIэхэр къыщыунэхуащ, нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ литературэбзэм фIэкIуэдыжа е жьы хъуа гъэпсыкIэхэр щыхъумащ. Ар Iыхьлы гъунэгъу бзэм − зи щIыналъэ щыпсэу кIахэ адыгэхэм – и хэлIыфIыхьыныгъэм пэщIэхуащ, икIи псыжь адыгэхэмрэ кIахэхэмрэ пIалъэ кIыхькIэ жьэрыуатэ зэпыщIэныгъэ зэрызэхуаIам къыхэкIыу абы ижь къыщIимыхункIэ Iэмал иIакъым. Апхуэдэу а Iуэхугъуэм кърикIуащ мы къуажэхэм щыпсэухэр бзитIырыпсалъэ – адыгэбзэмрэ кIахэбзэмрэ яIурылъ – зэрыхъуар.

Япэ дыдэу псыжь щIыпIэбзэр къыхегъэбелджылыкI Яковлев Г.Ф., «псыжь-адыгэ псэлъэкIэ» фIэщыгъэцIэр ириту, Адыгейм, Къэрэшей-Шэрджэсым щыпсэу адыгэхэм я бзэм ирилъыту [Яковлев 1928: 119]. Ашхамаф Д.А. адыгэбзэм къудамищкIэ зиужьауэ къелъытэр: къэбэрдеибзэр (Къэбэрдей-Балъкъэрым щыпсэу адыгэхэр зэрыпсалъэр), шэрджэс-адыгэбзэр (Къэрэшей-Шэрджэсым щыпсэу адыгэхэр зэрыпсалъэр), кIахэ-адыгэбзэр (Адыгей Республикэм и Куэшхьэблэ, Лэшэпсынэ, Хуэдз, Улапэ къуажиплIым щыпсэу адыгэхэр зэрыпсалъэр) [Ашхамаф 1939: 7]. Къумахуэ М.I. и «К вопросу о классификации адыгских диалектов» статьям къыщыхигъэбелджылыкIащ щIыпIэбзэу щырэ (мэздэгу, псыжь, беслъэней) псэлъэкIэу щырэ (балъкъ, джылахъстэней, шэрджэс) [Кумахов 1957].

Бзэм и лъэныкъуэ псори къызэщIиубыдэу псыжь щIыпIэбзэр зыджа Къумахуэ М.I. диссертацэ лэжьыгъэ 1955 гъэм пхигъэкIащ мыбы теухуауэ [Кумахов 1955]. 1969 гъэм абы очеркышхуэ къыдигъэкIыжащ, псыжь щIыпIэбзэм XX лIэщIыгъуэм икухэм иIа щытыкIэр къигъэлъагъуэу [Кумахов 1969: 190–248]. Ди къэхутэныгъэм лъабжьэ хуэхъуар зи гугъу тщIа лэжьыгъэхэрщ.

Статьяр зытеухуар адыгэбзэм и псыжь щIыпIэбзэм иджырей зэманым хэплъагъуэ щхьэхуэныгъэ нэхъыщхьэхэр гъэбелджылынырщ. Лэжьыгъэм зетпщытым щхьэусыгъуэ хуэхъуащ Къумахуэм и къэхутэныгъэм иужькIэ дэкIа илъэс 70-м къриубыдэу псыжь адыгэхэм я бзэм къыщыхъуа зэхъуэкIыныгъэхэр нэрылъагъу къэщIыныр. Абы папщIэ ищхьэкIэ къыщыхьа къуажэхэм (Улапэр хэмыту) щыщ цIыху 25-м я псэлъэкIэр едгъэтхащ. НыбжькIэ ахэр илъэсиблым щыщIэдзауэ илъэс ищIрэ щым нос, цIыхухъуи цIыхубзи, балигъи, сабии хыхьэу. Жылэдэс псори къызэщIэдубыдэну Iэмал дызэримыIам къыхэкIкIэ, псоми къызэдагъэсэбэп гъэпсыкIэхэри, зэ-тIэу фIэкIа узыхуэмызэхэри хиубыдэу губгъуэрытх материалым къыщыхэдгъэбелджылыкIа щхьэхуэныгъэ псори лэжьыгъэм къыщытхьащ. Статьяр хуэунэтIащ псыжь щIыпIэбзэм литературэбзэм къыщхьэщыкIыу хэплъагъуэ макъ дэкIуашэхэм яIэ щхьэхуэныгъэхэр убзыхуным. ЩIыпIэбзэми литературэбзэми къыщыкIуэ щапхъэхэр фонетикэ къэпсэлъыкIэм тетщ, я гъэIукIэр наIуэ хъун папщIэ.

Адыгэ литературэбзэм и тхыпкъылъэм къыщыгъэлъэгъуа макъ дэкIуашэ псори псыжь щIыпIэбзэм къыщыкIуэми, абы темыхуэ макъ къэгъэсэбэпыкIэ зэмылIэужьыгъуэхэми урохьэлIэр. Апхуэдэу ахэр ягъэбелджылыуэ лэжьыгъэм хэгъэхьа хъуащ къыкIэлъыкIуэ дамыгъэхэр: *чI* – литературэбзэ тхыпкъылъэм и *кI*-м хуокIуэр; щIэфие-лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия *жъ*; лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия щабэ *шь*; тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ жыгъыжьгъ *гI*.

ЩIыпIэбзэм ущыкIэлъыплъкIэ, нэхъыбэ дыдэрэ къыхэщхьэхукI екIуэкIыкIэхэм ящыщу макъ дэкIуашэ языныкъуэхэр хэкIуэдыкIауэ къызэрапсэлъым гу лъыботэр. Псалъэм папщIэ:

1. IупитI къыщиуд макъ дэкIуашэ дэгу **п**-р:

псыжь	**лит.**
ахуэду щIалэр	*а**п**хуэдэу щIалэр*

ахуэдэ къабзу	*а**п**хуэдэ къабзэу*
дахуэду	*да**п**хуэдэу*

2. Бзэгуку макъ дэкIуашэ щIэжьыуэ укъуэдия **й**-р:

псыжь	**лит.**
сызыхуер	*сызыхуе**й**р*
сыхуе	*сыхуе**й**щ*
пэсэре	*пасэре**й***
адре	*адре**й***

3. Бзэгупэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ укъуэдия **ж**-р:

псыжь	**лит.**
и де кIуа	*и де**ж** кIуащ*
нэщхъэфIэгъуэм дечIэ	*нэщхъыфIагъуэм де**ж**чIэ*

Зи гугъу тщIа щхьэхуэныгъэхэр адыгэбзэм и адрей щIыпIэбзэхэми хыболъагъуэр.

Нэхъ мащIэрэ узыхуэзэхэр:

4. Бзэгупэ къыщиуд макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **д**-р:

псыжь	**лит.**
щIыпIу зынэсам	*щIыпIэу з**д**ынэсам*

5. Бзэгупэ макъ дэкIуашэ къыщиуд дэгу **т**-р:

псыжь	**лит.**
алъмакъуу	*къэлъ**т**макъыу*

6. Пычыгъуэхэр:

псыжь	**лит.**
хъуыр къагуырымыIуу	***къэ**хъу[ы]р къагу[ы]рымыIуэу*
згъэзэщIа уыжь	*згъэзэщIа **нэу**[ы]жь*
тхьэ гъэпсо	*тхьэм ***фи(уи)**гъэпсэу*
бзэр фIы йалъагъуыну	*бзэр фI**ыуэ** йалъэгъу[ы]ну*

Псыжь щIыпIэбзэм макъ дэкIуашэхэр зэрыхэкIуэдыкIым нэмыщI макъхэр щызэхъуэкIащапхъэкуэдкъыхобелджылыкI.Псалъэмпапщ Iэ,бзэлIэужьыгъуитIым нэхъыбэрэ ущызыкIэлъыплъ щытыкIэщ литературэбзэм и бзэгупэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия жьгъыжьгъ **ж**-р щIыпIэбзэм бзэгупэ щIэфие-лъылъылъ макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ укъуэдия **жь**-кIэ хъуэжа зэрыщыхъур. Апхуэдэ щытыкIэр псалъэ лъэпкъыгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэм хэувэнущ, абы псалъэм увыпIэ псори щиубыдыфынущ:

1. Псалъэпэм:

псыжь	**лит.**
***жь**езгъэIэну*	***ж**езгъэIэнущ*
***жь**эгъуэгъу*	***ж**агъуэгъу*
***жь**эурэ-**жь**эурэ*	***ж**эурэ-**ж**эурэ*
*шыгэхуэзахэм де **жь**а*	*шыгэхуэзахэм деж **ж**ащ*

2. Псалъэкум:

псыжь	**лит.**
*хьэ**жь**ыгъэ*	*хьэ**ж**ыгъэ*
*къыщы**жь**аIа*	*къыщы**ж**аIащ*
*гъуэлъы**жь**ауэ*	*гъуэлъы**ж**ауэ*
*зэры**жь**ыриIэнэр*	*зэры**ж**[ы]риIэнур*

3. ПсалъэкIэм:

псыжь	**лит.**
*къэвгъэзэ**жь***	*къэвгъэзэ**ж***
*де**жь***	*де**ж***
*зэплъы**жь** хуэду*	*зэплъы**ж** хуэдэу*

Псыжь щIыпIэбзэм лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия щабэ **жь**-р иныкъуэхэм щIэфие-лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия **жъ**-м къыдекIуэкIыу къагъэсэбэпу

къыхигъэщат Къумахуэ М.І.: *нэжъгъ / нэжьгъ; бжъыдзэ / бжьыдзэ; жъыбгъэ / жьыбгъэ; лэжъыгъэ / лэжьыгъэ* [Кумахов 1969: 193]. Мыбдеж, щІэныгъэлІым зэритхымкІэ, лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия щабэ **жь**-р къежьапІэ хъууэ къэплъытэ хъунукъым, макъхэр къызэдекІуэкІыныр къэзышар кІахэбзэм и фонетикэ системэрщ [Кумахов 1969: 193].

Лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия щабэ **жь**-мрэ щІэфие-лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия **жъ**-мрэ къызэдекІуэкІыу щІыпІэбзэм куэдрэ къыщагъэсэбэпу тхужьыІэнукъым икІи Къумахуэм зи гугъу ищІ макъхэр щызэхъуажэу зыхэдгъуэтар Куэшхьэблэ щыпсэу зы цІыхум и бзэрщ:

псыжь	**лит.**
*хъыбары**жъ***	*хъыбары**жь***

КъыжьІапхъэщ, **жь** макъ дэкІуашэ укъуэдиям **ж** макъ дэкІуашэ быдэмрэ **жь** макъ дэкІуашэ щабэмрэ я зэхуаку дэт ІукІэ иІэщ. Материалым къыхэдгъэбелджылыкІащ апхуэдэ гъэІукІэр цІыхуищым (Хуэдз щыщ зырэ Куэшхьэблэ щыпсэу цІыхуитІрэ) я псэлъэкІэм, ауэ абы ихъуэжыр лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия быдэ **ж**-рщ икІи псалъэм сыт хуэдэ увыпІэри щиубыдыфынущ:

псыжь	**лит.**
***жъ**ылу Хуэдз сыкъыщыхъуа*	*Хуэдз **ж**ылэ сыкъыщыхъуащ*
*къыІуигъэчІы**жъ**къым*	*къыІуигъэчІы**ж**ыркъым*
*здищІыхуы**жъ**ти*	*зищІыху[ы]**ж**ырти*
*къежьэ**жъ**а*	*къежьэ**ж**ащ*

Литературэбзэм и бзэгупэ лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия дэгу **ш**-м псыжь щІыпІэбзэм къыщыпэхъуфынущ макъ дэкІуашэ зыбжанэ. Нэхъыбэу псалъэхэм щызэхыбох лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия щабэ **шь**-р. Ар адыгэ литературэбзэм и макъ дэкІуашэ укъуэдия дэгу **ш**-мрэ щІэфие-лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия **щ**-мрэ я зэхуаку дэт ІукІэ зиІэрщ, мащІэу гъэухъуреяуэ:

псыжь	**лит.**
*къырегъа**шь**э*	*къ[ы]регъа**ш**эр*
*благъуэ**шь**хуэ*	*благъуэ**ш**хуэ*
***шь**ыхъуэ*	***ш**ыхъуэ*
*Куэ**шь**хьэблэ*	*Куэ**ш**хьэблэ*
***шь**хэну*	***ш**хэну*

Нэхъ мащІэрэ мы макъым ухуозэр щІэфие-лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия **щ**-м ипІэкІэ къэгъэсэбэпауэ:

псыжь	**лит.**
*хьэщІэ**шь**ым*	*хьэщІэ**щ**ым*
*щхьа**шь**э йахуэсщІу*	*щхьэ**щ**э йахуэсщІу*
***шь**егъэжьауэ*	***щ**егъэжьауэ*

Ауэ, къыхэгъэщыпхъэщ, апхуэдэ зэхъуэжэныгъэр дапщэщи екІуэкІ Іуэхугъуэу зэрыщымытыр: языныкъуэхэм деж псыжь щІыпІэбзэм и лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия щабэхэри быдэхэри фонетикэкІэ зыкІи зэщхьэщыкІыркъым (псалъэм папщІэ, лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдияхэр бзэ лІэужьыгъуитІым зэтехуэу къагъэсэбэпыфынущ): *сйадэкъуэ**ш*** (лит.: си адэкъуэ**ш**), *сырогуы**ш**хуэ* (лит.: с[ы] рогу[ы]**ш**хуэ), ***ш**колыр* (лит.: **ш**колыр), *си къуэ**ш*** (лит.: си къуэ**ш**), ***ш**ыбжьир* (лит.: **ш**ыбжийр), *пэ**ш**итI* (лит.: пэ**ш**итІ). Ауэ мы быдэ къэпсэлъыкІэм фІыуэ нэхъ гъэмэщІауэщ узэрыхуэзэр.

Къумахуэм къызэрилъытэмкІэ, лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия быдэхэм нэхъыбэу ХХ лІэщІыгъуэм икухэм узыщрихьэлІэр кІахэбзэм ижь фІыуэ зыщІихуа щІалэгъуалэм я псэлъэкІэрт. ЩІэныгъэлІым мыпхуэдэ гупсысэм дыхуешэ: адыгэ литературэбзэм и лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия щабэхэм я пІэ псыжь щІыпІэбзэм къыщиувэ лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдия быдэхэр Іыхьлы гъунэгъу кІахэбзэм и фонетикэ системэм, лъылъылъ макъ дэкІуашэ укъуэдияхэмрэ макъ дэкІуашэ зэхэтхэмрэ щабагъ-быдагъкІэ щызэщхьэщыкІым и Іэужьщ [Кумахов 1969: 193].

Литературэбзэм и бзэгупэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия дэгу **ш**-р щIэфие-лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия **щ**-кIэ хъуэжауэ щIыпIэбзэм убгъууэ хэтщ:

псыжь	**лит.**
***щ**э литрэ*	***ш**э литрэ*
***щэщ**эн*	***шэш**эн*
***щ**хуэмылачIэр*	***ш**хуэмылачIэр*
*адэкъуэ**щ**ыра*	*адэкъуэ**ш**ыращ*
*тын**щ**у*	*тын**ш**у*

Нэхъ мащIэрэ узрихьэлIэ екIуэкIыкIэщ щIэфие-лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия **щ**-м бзэгупэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия дэгу **ш**-р и пIэ иувауэ къыщапсэлъхэр. Апхуэдэр зыхэтлъэгъуар цIыхуищым я бзэрщ:

псыжь	**лит.**
***ш**ызэхуэзахэм де жьа*	***щ**ызэхуэзахэм деж жащ*
*сы**ш**оджэ*	*сы**щ**оджэ*
*жэ**ш** ныкъуэ уыжьым*	*жэ**щ** ныкъуэ нэу[ы]жьым*

Къумахуэ М.I. зэритхымкIэ, щIалэгъуалэм, нэхъыбэу еджакIуэхэм, я бзэм 1950 гъэхэм хэплъагъуэрт лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия **жь**-мрэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэт **дж**-мрэ къызэдекIуэкIыу къапсэлъу (псалъэ бжыгъэ мащIэ къызэщIиубыдэу): *шьхьэнгъубжьэ / шхьэнгъубджэ*; *къанжьэ / къанджэ*; *Жьэбагъы / Джэбагъы; Хьэжьмэт / Хьэджмэт*. Ар къишат щIыпIэбзэм ирипсалъэ щIалэгъуалэм я псэлъэкIэм кIахэбзэр зэрыхэлIыфIыхьым [Кумахов 1969: 195]. Иджырей материалхэм ущыхэплъэкIэ, апхуэдэ щапхъэхэр иджыри къыхыбогъуатэр, ауэ Куэшхьэблэ щыщ зы цIыхум и псэлъэкIэм зы жыIэгъуэ закъуэм къыщыхьауэ аращ:

псыжь	**лит.**
*йы**дж**ырабгъуымчIэ*	*йы**жь**ырабгъу[ы]мчIэ*

НэгъуэщI къэгъэсэбэпыкIэу лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэт **дж**-р литературэбзэм и бзэгупэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия **ж**-м ипIэкIэ къэкIууэ я ныбжьыкIэ зэтемыхуэу (сабийми, щIалэгъуалэми, нэхъыжьыIуэхэми) къуажищми щыщу цIыхуитхум я псэлъэкIэм къыхэдгъэбелджылыкIащ:

псыжь	**лит.**
*ны**дж**эбэ*	*ны**ж**эбэ*
*къы**дж**эпIэмэ*	*къыд'**ж**епIэмэ*
*Йын**дж**ыдж*	*Йын**ж**ыдж*
*щхьэгъуым**дж**эм*	*щхьэгъу[ы]б**ж**эм*
*къы**дж**ытI'Iэныр*	*къы**ж**ытI'Iэныр*

Адыгэбзэмрэ кIахэбзэм и шапсыгъ щIыпIэбзэмрэ къыщызэтена щабэ хъуа **г', к', кI'** макъ дэкIуашэхэр адыгэбзэхэм бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ быдэу щыщытауэ къыхегъэщ Къумахуэ М.I. ЩIэныгъэлIым зэритхымкIэ, кIахэбзэми адыгэ литературэбзэми а бзэгу лъэдакъэ макъхэр къыхэнакъым. Щабэ хъуныгъэм пэщIэхуа нэужь, абыхэм щабэку ухуэкIэ яIэ хъуащ. Адыгэ литературэбзэмрэ кIахэбзэмрэ бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ быдэхэр IупщIэIуш IукIэ яIэу къыщынащ. Абы къыхэкIкIэ кIахэбзэмрэ адыгэ литературэбзэмрэ IупщIэIуш IукIэ щызиIэхэр бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ къудейхэрщ, щабэ хъуныгъэм и фIыгъэкIэ щабэку ухуэкIэ зыгъуэтахэрщ. Щабэ хъуахэм, иджырей зэманым макъ дэкIуашэ зэхэтхэм хуэкIуэ щабэку **гь, кь, кIь**-хэм, IупщIэIуш гуэгъу яIэкъым [Кумахов 1969: 195–196].

Псыжь щIыпIэбзэм щабэ хъуа **г', к', кI'**-хэр макъ дэкIуашэ зэхэт хъуныгъэр щызэфIэкIауэ убж хьунущ. Щабэ хъуа **г', к', кI'**-хэмрэ макъ дэкIуашэ зэхэт **дж, ч, кI**-хэмрэ къызэдекIуэкIыу къыщагъэсэбэпыр псалъэ закъуэтIакъуэрщ:

1. Куэшхьэблэ дэс зы цIыхубзым и бзэм дыщрихьэлIащ литературэбзэ *тхьэмыщ**чI**э* лIэужьыгъуэм *тхьэмыщ**кI**э* IукIэр къыпэхъуу, нэгъуэщIу жыпIэмэ

литературэбзэм хэт **чI** макъ дэкIуашэ пIытIа жьгъыжьгъыр макъ дэкIуашэ пIытIа дэгу **кI**-кIэ хъуэжауэ. Абы къищынэмыщIа къуажищми зэхуэдэу я псэлъэкIэм къыхощхьэхукI *цIыкI* жьIэгъуэмрэ абы къытехъукIахэмрэ я къэпсэлъыкIэр (псалъэпкъым хэтын хуей **кIу** IупщIэIуш макъ дэкIуашэ пIытIам мыIупщIэIуш **кI** макъ дэкIуашэ дэгур и пIэ иувэу):

псыжь	**лит.**
*цIы**кI**-цIыкIуу*	*цIы**кIу**-цIыкIуу*
*зэлъа цIы**кI**хэр*	*зэлъа цIы**кIу**хэр*
*си цIы**кI**ыщхьэ*	*си цIы**кIу**[ы]щхьэ*
*цIы**кI**ынитIу*	*цIы**кIу**[ы]нитIэу*

Гу зылъыуегъатэ *цIыкI* (цIыкIу) псалъэм IупщIэIуш IукIэм къикIа бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ **кI**-р щабэ зэрыщымыхъум. Мы псалъэр убгъуауэ къыщагъэсэбэп мэздэгу, беслъэней щIыпIэбзэхэми.

2. Куэшхьэблэ щыщ цIыхуитIым я бзэм литературэбзэм и *пщэ**дж**ыжь* жьIэгъуэм къыпэхъуу *пщэдгыжь* гъэпсыкIэр къыщыкIуащ (литературэбзэм макъ дэкIуашэ зэхэт хъуныгъэ екIуэкIыкIэм хуэкIуа **дж** бзэгупэ къыщиуд-укъудия макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъым и пIэ япэрей бзэгуку макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **г**-р иуваую):

псыжь	**лит.**
пщэдгыжьым Iэнэм чIэрысу	*пщэд**дж**ыжьым Iэнэм бгъэдэсу*
пщэдгыжьым нэху къыщечIчIэ	*пщэд**дж**ыжьым нэху къыщечIчIэ*

3. Хуэдз къуажэм щыщ зы цIыхум и бзэм дыщрихьэлIащ бзэгу лъэдакъэ къыщиуд макъ дэкIуашэ дэгу быдэ **к**-м, мыIупщIэIуш макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **чI**-м ипIэкIэ къэгъэсэбэпауэ:

псыжь	**лит.**
*уэфэхъуэпс**к***	*уафэхъуэпс**чI***

Япэрей гъэIукIэ зиIэ **г, кI** макъ дэкIуашэхэр иджырей зэманым нэхъ къыщызэтенауэ щытыр джылахъстэнейдэсхэм (абии нэхъыбэу щIалэгъуалэм я бзэм литературэбзэм и **чI** къэпсэлъыкIэр нэхъ зэпхыжаIыкI хъуащ), фIыуэ гъэмэщIауэ Талъостэнейм щыщ къуажэ зыбжанэм щыпсэу нэхъыжьыIуэхэм я псэлъэкIэрщ.

Псыжь щIыпIэбзэм ирипсалъэхэм Къумахуэ М.I. къахегъэщхьэхукI бабыгуей псэлъэкIэр. Бабыгуейр − Хуэдз къуажэм и Iыхьэщ, уэрам зыбжанэхэмкIэ зэпрыхулыкIа хьэблэшхуэ къызэщIиубыдэу. ЩIэныгъэлIым зэритхымкIэ, езы хуэдздэсхэм я бзэр мы щIыпIэбзэм и адрей псэлъэкIэхэм къащхьэщызыгъэкIыр кIахэбзэм ижь нэхъ мащIэу къызэрыщIихуарщ. Абы и щхьэусыгъуэр – Хуэдз нэхъыбэу щыпсэур къэбэрдей адыгэщ [Кумахов 1969: 195]. ПсэлъэкIэ щхьэхуэу къыхэгъэбелджэлыкIыным лъабжьэ хуэхъуу жеIэр бабыгуейдэсхэм я бзэм щабэ хъуа **гь, кь, кIь**-хэм къадэкIуэу бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ **г, к, кI**-хэр хъума зэрыщыхъуар, псыжь щIыпIэбзэм щабэ хъуа **гь, кь, кIь**-хэр макъ дэкIуашэ зэхэт **дж, ч, чI**-м щыхуэкIуа пэтрэ [Кумахов 1969: 196]. Апхуэдэ щхьэхуэныгъэ пыщхьэхукIа иджырей материалхэм къахэдгъуэтакъым. КъыхэдгъэбелджылыкIа щапхъэхэр ищхьэкIэ къыщыхьащ.

ЩIыпIэбзэм IупщIэIуш/мыIупщIэIуш макъхэм щадэплъагъу щхьэхуэныгъэхэм ящыщщ:

− IупщIэIуш макъхэм япэгъунэгъу макъзешэ **э**-р щыдэхум IупщIэIумышу щыта макъ дэкIуашэм IупщIэIуш IукIэр игъуэтыфынущ:

псыжь	**лит.**
*ди**Iу** щта*	*ди**Iэ**у щытащ*
*къа**гъу**увам*	*къа**гъэ**у[ы]вам*
*йыригъэбла**гъу**у*	*йыригъэбла**гъэ**у*
*жьы**Iу**у*	*жи**Iэ**у*

− языныкъуэхэм деж IупщIэIуш IукIэм темыхьэу макъ дэкIуашэхэр къыщызэтени щыIэщ, ауэ макъитIым я зэхуакум зэпыуныгъэ мащIэ къыдэувэу:

псыжь	**лит.**
*нэса**х'у***	*нэса**хэу***
*къызэриуыбыд**х'у***	*къызэриу[ы]быд**хэу***
*да**х'у***	*да**хэу***
*йымыда́**х'у***	*йымыдэх**хэу***

− бзэм хыболъагъуэр IупщIэIуш макъ дэкIуашитIым я зэхуаку макъзешэ **э**-р щыдэкIуэдыкI. Апхуэдэхэм деж IупщIэIуш макъхэр зэтрихьа мэхъури гъэкIыхьа къэпсэлъыкIэ ягъуэт:

псыжь	**лит.**
*щхьэх**уу***	*щхьэхуэ**у***
*цIэры**Iуу***	*цIэры**Iуэу***

− нэхъ мащIэрэ макъзешэ **ы**-р зэрыдэхум IупщIэIумышу щыта макъ дэкIуашэр IупщIэIуш IукIэм щыхуигъакIуэ урохьэлIэр:

псыжь	**лит.**
*дыхуэсакъ**уу***	*дыхуэса**къы**у*

− макъзешэ **ы**-р щыдэхум IупщIэIуш макъ дэкIуашэхэр гъэкIыхьа къэпсэлъыкIэм щытехьэ жыIэгъуэхэми куэдрэ урихьэлIэркъым:

псыжь	**лит.**
*Iуоху щIэныр ф**Iуу***	*Iуэху щIэныр фIыуэ*

Языныкъуэхэм я псэлъэкIэм тэмакъыщIэ **хь**-м литературэбзэм и бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ укъуэдия **хъ**-р щехъуэжыр. Псыжь щIыпIэбзэм *нэхъ* псалъэм тэмакъыщIэ **хь**-р нэхъ зэрыщызэпIэзэрытыр къыхигъэщащ Къумахуэ М.I., кIахэбзэм иригъапщэу (кIахэ *нахь*, псыжь щI. *нахь*, адыгэ *нэхъ*) [Кумахов 1969: 198]. Мы къэгъэсэбэпыкIэм ущыхуэзэр литературэбзэм и *нэхъ* псалъэм и закъуэкъым, икIи куэдрэ бзэм хэплъагъуэу пхужыIэнукъым:

псыжь	**лит.**
*нэ**хь** сыгу йырихьа*	*нэ**хъ** сигу йырихьащ*
*нэ**хь** зэрафIэфIтэр*	*нэ**хъ** зэрафIэфIыр*
*нэ**хь**ыжьми*	*нэ**хъ**ыжьми*
*си къуэш нэ**хь**ыжьу*	*си къуэш нэ**хъ**ыжьу*

МатериалыщIэм къызэригъэлъагъуэмкIэ, псыжь щIыпIэбзэм нэхъыбэу къигъэсэбэпыр литературэбзэм и лIэужьыгъуэрщ.

Бзэгупэ макъ дэкIуашэ зэхуэщIа жьгъыжьгъ **д**-м псалъэ зыбжанэм къащыпохъу бзэгупэ макъ дэкIуашэ зэхуэщIа дэгу **т**-р:

псыжь	**лит**.
***т**ау*	***д**ауэ*
***т**аурэ*	***д**ауэрэ*
***т**энэ*	***д**энэ*
***т**энчIи*	***д**энэчIи*

Мыбдеж щIыпIэбзэр кIахэбзэмрэ беслъэней щIыпIэбзэмрэ пэгъунэгъу мэхъу. Псалъэм щхьэкIэ: кIахэ: *тыдэ* «дэнэ», *тау* «дауэ»; беслъ.: *тауэ* «дауэ», *тэнэ* «дэнэ» н.

ЦIыху зыбжанэм я бзэм къыхэтлъагъукIащ къыкIэлъыкIуэ ухуэкIэхэр:

1. Куэд бжыгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь **хэ**-м хэт бзэгуку макъ дэкIуашэ укъуэдия дэгу **х**-м и пIэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и щIыпIэбзэ, псэлъэкIэ гуэрхэм хуэкIуэу, **гI** тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ къиуваузэ:

псыжь	**лит**.
*хуылъхуыгъэг**Iэм***	*хъу[ы]лъху[ы]гъэ**хэм***

2. Литературэбзэм *иджы* псалъэм узыщрихьэлIэ бзэгупэ къыщиуд-укъуэдия лъылъылъ макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **дж**-м бзэгупэ къыщиуд-укъуэдия лъылъылъ макъ дэкIуашэ пIытIа жьгъыжьгъ **чI** къыпэхъуу:

псыжь	**лит**.
***чI**ы ахуэду щIалэр*	*и**дж**ы апхуэдэу щIалэр*

3. Литературэбзэ псалъэм хэт бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ укъуэдия дэгу **хъ-**м щIыпIэбзэм тэмакъыщхьэ къыщиуд макъ дэкIуашэ пIытIа дэгу **къ** къыщыпэхъуу:

псыжь	**лит**.
къэбар	*хъыбар*

4. Литературэбзэми щIыпIэбзэми зэхуэдэу къызэдагъэсэбэп бзэгупэ къыщиуд-укъуэдия макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **чI**-р нэхъ щабэу, пIытIа IукIэр нэхъ щIэгъэхуэбжьауэ къыщапсэлъу:

псыжь	**лит**.
*йы**чI**'эхэм йы**чI**'и*	*йы**чI**эхэм йы**чI**и*

5. Бзэгу лъэдакъэ къыщиуд IупщIэIуш макъ дэкIуашэ дэгу **кIу**-м IупитI щIэжьыуэ укъуэдия IупщIэIуш макъ дэкIуашэ **у**-р къыпэхъуу:

псыжь	**лит**.
*а щIыпIэр жыжу къа**у**ыхьт*	*а щIыпIэр жыжьэу къа**кIу**[ы]хьырт*

6. Бзэгупэ макъ дэкIуашэ зэхуэщIа дэгу **т-**м ипIэкIэ бзэгупэ макъ дэкIуашэ зэхуэщIа жьгъыжьгъ **д**-р иувауэ:

псыжь	**лит**.
*сы**д** йы лъэIуыми*	*сы**т** йы лъэIуми*

7. IупитI къыщиуд щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ **м**-р бзэгупэ къыщиуд щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ **н-**кIэ хъуэжауэ:

псыжь	**лит**.
*джыпсту**н**э*	*иджыпсту**м**э*

8. IупитI къыщиуд макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **б**-м IупитI къыщиуд щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ **м**-р къыпэхъуу:

псыжь	**лит**.
*къуы**м**гъаным*	*къу[ы]**б**гъаным*

9. IупитI къыщиуд макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **б**-м и пIэ бзэгупэ къыщиуд щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ **н** иувауэ:

псыжь	**лит**.
*щхьэгъуы**н**жьэм*	*щхьэгъу[ы]**б**жэм*

10. Литературэбзэ псалъэм къыщыкIуэ **пс/с** макъ/макъ зэхэтыр щIыпIэбзэм макъ дэкIуашэ **щ-**м щыхуэкIуэу:

псыжь	**лит**.
*хэгуып**щ**ысыхьау*	*хэгу[ы]п**с**ысыхьауэ*
*къыщигуы**щ**ыпсыжьым*	*къыщигу[ы]**пс**ысыжым*

11. Бзэгу лъэдакъэ IупщIэIуш къыщиуд макъ дэкIуашэ дэгу **ку**-мрэ бзэгу лъэдакъэ IупщIэIуш макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **гу**-мрэ къызэдагъэсэбэпу:

псыжь	**лит**.
***гу**ырыт*	***ку**[ы]рыт*

12. Бзэгу лъэдакъэ IупщIэIуш макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ **гу**-мрэ тэмакъыщхьэ къыщиуд IупщIэIуш макъ дэкIуашэ дэгу **къу**-мрэ зэхъуажэу:

псыжь	**лит**.
*щы **къу**арт къихуа*	*шы **гу**артэ къихуащ*

13. Бзэгу лъэдакъэ IупщIэIуш макъ дэкIуашэ дэгу укъуэдия **хъу**-м щIыпIэбзэм бзэгуку IупщIэIуш макъ дэкIуашэ дэгу укъуэдия **ху** къыщыпэкIуэу:

псыжь	**лит**.
***ху**ылъхуыгъуи*	***хъу**[ы]лъху[ы]гъи*

14. Iупэ-дзэ макъ дэкIуашэ укъуэдия дэгу **ф**-м ипIэкIэ бзэгупэ кIэзыз щIэжьыуэ макъ дэкIуашэ **р**-р къакIуэу:

псыжь	**лит**.
*уи щхъуэ**р**эцхэр къегъэтэдж*	*уи щхъуэ**ф**эцхэр къегъэтэджыр*

15. Литературэбзэм и бзэгупэ щIэфие макъ дэкIуашэ жьгъыжьгъ укъуэдия **з**-м тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ дэгу укъуэдия **хь**-р къыпэхъуу:

псыжь	**лит**.
*зыхуэгъэ**хь**ар*	*зыхуэгъэ**з**ар*

Къумахуэ М.І. и къэхутэныгъэм къыщыхигъэща къыкIэлъыкIуэ щытыкIэхэм хуэдэ къыхэхуакъым ди губгъуэрытх материалыщIэм: лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдия щабэ **шь**-мрэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэт щабэ **ч**-мрэ къыщызэдекIуэкI жыIэгъуэхэр: *шьхыIэн / чхыIэн*; *дыгъуэспшьыхь / дыгъуэспчыхь*; *ншьэдибэ / нчэдибэ*; лъылъылъ макъ дэкIуашэ укъуэдиямрэ лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэтымрэ зэгъусэу къыщагъэсэбэп мыхъуныгъэ мыхьэнэ зиIэ лъабжьэужь **-ншэ, -нчэ-**хэмкIэ къэхъу псалъэхэр: *узыншэ / узынчэ; лIыгъэншэ / лIыгъэнчэ; фэншэ / фэнчэ* [Кумахов 1969: 194]. **Нч** макъ зэхэтым дыщрихьэлIар зы псалъэ закъуэщ: *фонч* (лит.: фоч). Ари Куэшхьэблэ щыщ зы цIыхухъум и бзэм зэ закъуэщ къызэрыщыкIуэр.

ТегъэщIапIэхэр
Список источников и литературы

Ашхамаф 1939 − *Ашхамаф Д.А.* Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп: Адыгнациздат, 1939. 20 с.

Кумахов 1955 − *Кумахов М.А.* Особенности кубанского диалекта кабардинского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1955. 210 с.

Кумахов 1957 − *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки Кабардино-Балкарского университета. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. Вып. 2. С. 111–121.

Кумахов 1969 − *Кумахов М.А.* Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С.190–248.

Таов 2006 − *Таов Х.Т.* Диалектология // Кабардино-черкесский язык. Лексика. Фразеология. Диалектология. Устно-поэтический язык. Ономастика. В 2-х томах. Т. 2. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. С. 222–291.

Яковлев 1928 − *Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института: в 1 т. Т. I. Ростов на Дону: Крайнациздат,1928. С. 117–128.

References

ASHKHAMAF D.A. *Kratkij obzor adygejskih dialektov* [A brief overview of the Adyghe dialects]. Majkop: Adygnacizdat, 1939. 20 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAHOV M.A. *K voprosu o klassifikacii adygskih dialektov* [On the classification of Adyghe dialects] // Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo universiteta. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. Vypusk 2. S. 111–121. (In Russian)

KUMAHOV M.A. *Kubanskij dialekt* [Kuban dialect] // Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii. Nal'chik: KBNII, 1969. S. 190–248. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAHOV M.A. *Osobennosti kubanskogo dialekta kabardinskogo yazyka* [Features of the Kuban dialect of the Kabardian language]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. 210 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TAOV H.T. *Dialektologiya* [Dialectology] // Kabardino-cherkesskij yazyk. Leksika. Frazeologiya. Dialektologiya. Ustno-poeticheskij yazyk. Onomastika. V 2-h tomah. T. 2. Nal'chik: Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., El'-Fa, 2006. S. 222–291. (In Russian and Kabardino-Circassian)

YAKOVLEV N.F. *Kratkij obzor cherkesskih (adygejskih) narechij i yazykov* [A brief overview of the Circassian (Adyghe) dialects and languages] // Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta: v 1 t. T. I. Rostov na Donu: Krajnacizdat, 1928. S. 117–128. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Шэру Н.Гъу. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжьакIуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

Н.Г. Шериева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

N.G. Sherieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 07.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 07.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 811.35
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-69-74

ПРОБЛЕМЫ ПАМЯТИ И СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ В ПОВЕСТИ А. НАЛОЕВА «ДАЛЬНИЕ ЗАРНИЦЫ»

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1773-285X

© С.М. Алхасова, 2026

Аннотация. В статье рассматривается тема памяти о войне и смены поколений военного времени. Исследовательское внимание уделяется некоторым проблемам современности. Представлены результаты сопоставительного анализа темы военного поколения людей и, современного автору поколения. Поднимается вопрос о двухплановости композиции повести: военный пласт и пласт послевоенный. Акцентируется вопрос переосмысления Великой Отечественной войны в различных аспектах. Показано, что уже с первых страниц послевоенной части повествования автор фиксирует ключевой психологический перелом: главный герой про себя удивляется тому, что послевоенному поколению уже исполнилось 35 лет. Эта деталь отражает не только субъективное чувство быстротечности времени, но и смещение акцентов в коллективной памяти: война уходит в прошлое, но еще не утратила прямого воздействия на сознание героев. Новизна исследования видится в том, что при анализе прозы А. Налоева, данная тема разрабатывается впервые. Актуальность работы определяется ее спецификой, так как послевоенные повести занимают особое место в творчестве А. Налоева и в национальной литературе. Как форма художественного коллективного описания, они обладают высокой степенью смысловой концентрации и выразительной лаконичностью. В заключение автор приходит к выводу о том, что в повести «Дальние зарницы» выстраивается образ «стройной картины военной молодости». А память у главного героя не фрагментарная, а собирающая: главный герой в сознании выстраивает «стройную картину», словно из разрозненных кусочков складывается цельная мозаика. Это не просто ностальгия: это психологический механизм, когда человек стремится «собрать» свое прошлое, сделать его осмысленным.

***Ключевые слова**:* кабардинская проза, Ахмедхан Налоев, повесть «Дальние зарницы», память, время, смена поколений, этнокультурный контекст

***Для цитирования**:* Алхасова С.М. Проблемы памяти и смены поколений в повести А. Налоева «Дальние зарницы» // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 69–74. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-69-74

Original article

PROBLEMS OF MEMORY AND GENERATIONAL CHANGE IN A. NALOEV'S STORY " DISTANT LIGHTNING"

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian

Academy of Sciences» Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, https://orcid. org/0000-0003-1773-285X

© S.M. Alkhasova, 2026

Abstract. This article examines the theme of war memory and the generational change during the war. It focuses on several contemporary issues. It presents the results of a comparative analysis of the wartime generation and the author's contemporary generation. It addresses the dual nature of the story's composition: the wartime layer and the postwar layer. The issue of rethinking the Great Patriotic War in various aspects is emphasized. It demonstrates that from the very first pages of the postwar section of the narrative, the author registers a key psychological turning point: the protagonist expresses surprise that the postwar generation has already turned 35. This detail reflects not only a subjective sense of the transience of time but also a shift in emphasis in collective memory: the war is fading into the past, but has not yet lost its direct impact on the characters' consciousness. The novelty of this study lies in the fact that this topic is being explored for the first time in an analysis of A. Naloev's prose. The relevance of this work is determined by its specificity, as post-war stories occupy a special place in A. Naloev's work and in national literature. As a form of artistic collective description, they possess a high degree of semantic concentration and expressive brevity. In conclusion, the author concludes that the story "Distant Lightnings" constructs a "coherent picture of wartime youth." And the protagonist's memory is not fragmented but integrative: he constructs a "coherent picture" in his mind, as if a complete mosaic were being assembled from disparate pieces. This is not simply nostalgia: it is a psychological mechanism whereby a person strives to "reassemble" their past, to make it meaningful.

Keywords*:* Kabardian prose, Akhmedkhan Naloev, story "Distant Lightnings", memory, time, generational change, ethnocultural context

For citation*:* Alkhasova S.M. Problems of Memory and Generational change in A. Naloev's novel "Distant Lightnings. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 69–74. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-69-74

В статье рассматривается этноспецифика и культурная память в кабардинской прозе. Эти вопросы не разработаны в литературе о творчестве А. Налоева, хотя о его прозе упоминалось в трудах А.Х. Мусукаевой, Ю.М. Тхагазитова [Мусукаева, Тхагазитов 2010: 38], С.М. Моттаевой [Моттаева 2011: 3] и др.

Кабардинская послевоенная проза советского периода в настоящее время переживает очередной всплеск значительности художественного высказывания и восприятия. Само время стало побуждать к тому, чтобы расширить историко-культурный и этнокультурный контекст послевоенной литературы в инновационном развитии современного литературного процесса.

«Дальние зарницы» – лирическая послевоенная повесть с элементами психологического повествования. В ней продолжена важная для А. Налоева тема памяти о войне, начатая еще в других его произведениях («Там, за горой Кубати», «Всадники рассвета»). Повесть вписывается в тематику кабардинской литературы 70–80-х гг. XX в., когда писатели переосмысливали Великую Отечественную войну, не только как героический подвиг, но и как глубокую травму и духовное испытание, последствия которых ощущаются десятилетиями.

Уже с первых страниц послевоенной части повествования автор фиксирует ключевой психологический перелом: «*Исхак про себя удивляется тому, что послевоенному поколению уже исполнилось 35 лет*» [Налоев 2002: 104]. Эта деталь отражает не только субъективное чувство быстротечности времени, но и смещение акцентов в коллективной памяти: война уходит в прошлое, но еще не утратила прямого воздействия на сознание героев. Повесть имеет двухплановую композицию. Военный пласт составляют воспоминания Исхака о фронте (через ретроспекции, ассоциации). И послевоенный пласт – настоящее время героя, его жизнь, поездка на встречу с ветеранами, встречи с разными людьми, наблюдения за «новым поколением». Основной прием писателя – это чередование временных планов. Сцены из прошлого появляются как вспышки памяти, как «зарницы» – отсюда и название: зарницы войны освещают настоящее.

Оригинален и образ главного героя Исхака Астана. Он – фронтовик, в котором сочетаются гордость за проведенное им достойно время на фронте, и меланхолия, некоторая ностальгия по этому прошедшему времени. Он не старик, но уже ощущает себя свидетелем ушедшей эпохи.

Основной тематикой и проблематикой повести «Дальние зарницы» являются, бесспорно, память и время. Война ушла, но память о ней жива. Время неумолимо уходит и происходит смена поколений. Исхак Астан понимает, что люди нового поколения, в отличие от него самого, воспринимают войну, как историю, а не как личное переживание. В произведении остро ощущается тема ценности мирной жизни. Все повествование наполнено тихой благодарностью за то, что мир возможен. Здесь мы сталкиваемся с ключевой деталью: это мысль о том, что послевоенному поколению исполнилось уже 35 лет. То есть, мы вместе с героем осознаем момент неумолимости времени. Через Исхака, главного героя повести, А. Налоев решает главную задачу повести – сохранить связь между поколениями, чтобы война не стала «далеким мифом».

Мотив дороги в повести также играет немаловажную роль в осмыслении памяти и времени. Дорога – это прошлое. Исхак едет на встречу ветеранов поездом – дорога превращается в символ движения к прошлому (через память) и к будущему (через общение с молодыми). А зарницы являются не только метеорологическим явлением. В них содержится глубокий философский аспект смысла жизни героя. Сравним: «*То, что когда-то грезилось дальними зарницами, приблизилось в свой черед и уже отдаляется. Как часто я засматривался на алеющий горизонт, видя за ним воображаемые неведомые страны, прекрасные и непостижимые. Когда гасла заря, моему взору представали иные огни – огни далеких городов, огни домов с незнакомыми, прекрасными людьми. То были, наверное, звезды небесные, но в мечтах моих они мешались с земными огнями и по всему горизонту кольцом обжимали мой Калеж… И небесные звезды, и земные огни – они одинаково далеки от меня, но влекут мою душу неудержимо. Пришел срок – и ноги донесли меня туда, куда стремилась душа. Я заплутал в дальних зарницах, вернулся к истоку своему – и теперь мне остается жить только воспоминаниями*» [Налоев 2002: 109].

В то же время, зарницы являются и метафорой воспоминаний: они вспыхивают вдали, озаряя тьму прошлого: «*Тогда, после четырех лет военного ада, я возвращался в свое прерванное детство, повзрослевший, живой и невредимый, а теперь, спустя вечность, все тот же я, только поседевший, возвращаюсь в свою юность, чтобы вновь пройти ее огненными тропами… В поезде обычные люди едут по обычным делам, и только я… я еду в Запорожье тридцатипятилетней давности*» [Налоев 2002: 117].

Поезд, на котором едет Исхак Астан на встречу с однополчанами, это символ времени, которое уносит героя все дальше и дальше от войны, но не разрывает нить памяти. Когда же в повести упоминаются горы (герой видит их, уезжая и возвращаясь снова домой), то они являются образом Родины, постоянства, того, что переживает его поколение. Исхак Астан едет поездом на встречу ветеранов войны, на встречу с теми, с кем он воевал долгих четыре года, и он вспоминает свою первую поездку поездом. Это было тогда, когда он возвращался с фронта домой после Победы… И тут герой начинает размышлять о том, что поколение, родившееся после войны, уже достигло зрелости. Встречи и с ветеранами, и молодыми людьми показывают, что память – это не просто факты, а внутренний долг перед ушедшими. Автор поднимает вопрос «что делать с памятью о войне, когда уходят ее свидетели, умирают фронтовики?», содержащий идейный смысл произведения. И сам же отвечает: «Память должна стать духовной ценностью, внутренним светом – как зарницы, которые вспыхивают, напоминая о буре, но освещают будущее».

Повесть глубоко лирична. Хотя повествование идет довольно-таки «неторопливо», происходящее в произведении как будто дает читателю время задуматься.

В то же время в произведении слышатся и фольклорные интонации. Даже в языке чувствуется связь с устной традицией – сравнения, фразеологические обороты, пословицы, поговорки. В повести есть и шуточные песенки, и народные композиции, которые солдаты поют в окопах во время перекуров. Например:

Кабы не было земли,
Не было бы рощ-щ-щ-и!
Кабы не было жены,
Не было бы тещ-щ-щ-и!
[Налоев 2002: 110]

Повесть «Дальние зарницы» А. Налоева прежде всего важна для литературы народов Северного Кавказа, как пример того, как региональная проза осмысливала войну и ее последствия. Помимо этого, произведение вписывается в общесоветскую тему соцреализма – памяти и времени. По содержанию и композиции повесть близка к произведениям о Великой Отечественной войне К. Симонова, В. Быкова, Ю. Бондарева и др. Для творчества самого А. Налоева, это повесть-размышление зрелого писателя, переход от героических сюжетов к философии памяти.

В повести чувствуется сильный эмоциональный подтекст. К примеру, Исхак испытывает сильное волнение: поездка на встречу ветеранов превращается в возвращение к самому важному – к его памяти о войне. Его сердце «ищет чего-то недостижимого» – это ощущение утраты и тоски по ушедшему времени. Он понимает: прошлое невозможно вернуть, но он все же ищет в нем опору. Пока Исхак Астан едет в поезде, он углубляется в воспоминания о войне, и тут выстраивается образ военной молодости. Память у Исхака не обрывочная, не фрагментарная, а собирательная: в своем сознании он выстраивает стройную картину войны, словно из разрозненных кусочков складывается цельная мозаика. Это не просто ностальгия: это психологический момент, когда человек стремится «собрать» свое прошлое, сделать его осмысленным.

Вернемся к главному действию повести, когда главный герой едет на встречу с однополчанами. И тут слово «однополчане» приобретает особое значение: оно подчеркивает братство всех фронтовиков – не только однополчан (тех, кто сражается в одном полку), но людей из одного военного испытания, одной школы войны. Это придает сюжету и описываемому событию особую интонацию: герои становятся не просто ветеранами, а *священным кругом памяти.*

Символика эпизода здесь такова. Поезд – символ движения времени, но и символ возврата к истоку через воспоминание. Зарницы же читаются как озарения памяти: они вспыхивают и «собирают» разрозненные воспоминания в цельную картину. Сердце, ищущее недостижимого – это не просто личная тоска Исхака, а метафора всей повести: война ушла, а воспоминания о ней – словно «половина души», которую нельзя полностью вернуть.

Следует заметить, что А. Налоев писал не просто прозой, а почти поэтическим пером, создавая ощущение интимного дневника. Читатель словно бы ощущает поток сознания героя. Мы слышим мысли Исхака так, как они приходят ему на ум: он не рассуждает логически, он волнуется, вспоминает, ощущает. Героем охватывает стремление «недостижимого», что расширяет смысл происходящего: это не только поиск погибших друзей, но и попытка вернуть состояние юности, когда жизнь казалась ясной и цельной.

В сознании главного героя прошлое и настоящее сливаются. После этого эпизода читатель уже понимает, что повесть – не про поездку и встречу с ветеранами войны, а про внутреннее переживание героя, про смысл памяти. Эпизод поездки Исхака на встречу ветеранов служит кульминацией временного слияния прошлого

и настоящего в повести. Этот момент демонстрирует особый *тип памяти* в прозе Налоева: память как эмоциональное преодоление времени, когда прошлое остается живым и формирует настоящее.

Повесть А. Налоева «Дальние зарницы» – это не просто воспоминание фронтовика, а размышление о природе памяти и времени, о смене поколений, о том, как прошлое продолжает жить в настоящем. Через образ главного героя Исхака, автор показывает, что война, даже спустя десятилетия, остается не историческим фактом, а внутренней реальностью тех, кто ее пережил.

Название «Дальние зарницы» приобретает ключевой смысл: зарницы – это далекие вспышки, предвестники грозы, но и свет надежды. Так же и *память* о войне – она вспыхивает в сознании героя, освещает его настоящее и предупреждает о том, что нельзя позволить этой памяти угаснуть. Идейное ядро повести – мысль о том, что война завершилась на фронте, но продолжается в памяти и совести. Эта память – не тяжелый груз, а светлая обязанность перед прошлым, теми, кто не вернулся. Таким образом, «Дальние зарницы» становятся литературным мостом между прошлым и будущим: через личную историю Исхака Астана, автор формулирует универсальное послание – помнить, чтобы жить, помнить, чтобы строить мирное будущее. Дальние зарницы – не просто природное явление, а многоуровневый символ. На поверхностном уровне – это вспышки на горизонте, далекое эхо военной грозы. Если брать на метафорическом уровне, то это озарения памяти: мимолетные, но яркие воспоминания, которые внезапно «вспыхивают» и освещают внутренний мир героя. На философском же уровне, это связь времен: зарницы – это знак того, что даже далекое прошлое подает сигналы настоящему, как бы зовет к его осмыслению. Такое название сразу задает особый тон: повесть является не хроникой, а медитативным размышлением о том, как прошлое «вспыхивает» в душе героя. При этом пространство, то есть, дорога, становится катализатором памяти, а *время* в повести субъективно «растягивается» и «сжимается». Сам Исхак – не просто ветеран, он проводник коллективной памяти. Его эмоции сложны и разноречивы. Но он горд тем, что выжил и сохранил память.

Исхак Астан ощущает тоску по утраченной юности, по тому времени, когда жизнь была ясной и цельной, несмотря на все опасности. Это тоска по тому, что невозможно вернуть: погибшие товарищи, ощущение молодости, неповторимое чувство фронтового братства. Исхак – психологический центр повести, и именно через его внутренний мир раскрывается философия всей повести. Память – это не просто личное переживание, а этическая категория. Исхак понимает: забыть – значит предать, поэтому его воспоминания являются как бы его долгом.

Таким образом, повесть «Дальние зарницы» А. Налоева занимает особое место в кабардинской и в целом советской литературе 70–80-х гг. XX в., представляя собой образец лирико-психологической прозы о войне и ее длительных последствиях. При создании произведения автор отказался от традиционной для военной прозы хроники событий и батальных описаний, сосредотачиваясь на внутреннем мире героя, на том, как война продолжает существовать в человеческой памяти, спустя десятилетия.

Сюжетная канва повести – поездка Исхака на встречу ветеранов – становится не столько фабульным центром, сколько мотивом, в который вплетаются воспоминания, ассоциации и философские раздумья. Таким образом создается «памятный хронотоп», где настоящее и прошлое сосуществуют в одном временном плане. Воспоминания героя появляются, как «зарницы». Это вспышки памяти, объединяющие разрозненные образы юности в цельное эмоциональное переживание.

В целом «Дальние зарницы» можно рассматривать как художественно зрелое произведение, в котором лирическая интонация сочетается с глубоким философским подтекстом. В повести утверждается, что память о войне – не статичное, застывшее явление, а динамичная, живая сила, формирующая мировоззрение человека и определяющая его отношение к будущему.

Список источников и литературы

Мусукаева, Тхагазитов 2010 – *Мусукаева А.Х., Тхагазитов Ю.М.*. Эволюция жанра романа в кабардинской литературе 50–80 гг.XX в. Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. 62 с.

Моттаева 2010 – *Моттаева* С. Писал жизнь с натуры // Кабардино-Балкарская правда. 2010, 10 августа. С. 3.

Налоев 2002 – *Налоев А.Х.* Избранное в 2-х томах. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 2002. 295 с.

References

MUSUKAEVA A.Kh., TKHAGAZITOV Yu.M. *Evoluciya ghanra v kabardinskoy literature* [The Evolution of the Novel Genre in Kabardian Literature of the 1950s–1980s]. Nalchik: KBSC RAS, 2010. 62 p. (In Russian).

MOTAEVA S. *Pisal ghizn s nature* [Tht Painted Life from Life. Kabardian Polytechnic Institute]. IN: Kabardino-Balkarian Pravda. 2010, August 10. P. 3. (In Russian).

NALOEV A.Kh.. *Dalniye Zarnicy* ["Far Sundays"]. Selected works in two volumes. Vol. 2. Nalchik: Elbrus, 2002. 295 p. (In Russian).

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 398.838
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-75-85

ОТ ФАЭТОНА ДО ПАТЕФОНА: ПРЕДМЕТНО-ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОД ЛЮБВИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Бурхан Абуюсуфович Берберов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, burhan_berberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5417-8144

© Б.А. Берберов 2026

Аннотация. Статья посвящена анализу предметно-лексического кода любовной лирики карачаево-балкарского фольклора на материале сборника «Карачаево-балкарские народные песни», составленного народным артистом КБР О.М. Отаровым. На материале раздела «Песни о любви и лирические напевы» выявлена устойчивая система предметных образов-медиаторов чувства – от традиционных этнографических до примет модернизации быта XX века. *Показано,* что диахронический срез предметного кода – от *«фаэтона»* до *«патефона»* – фиксирует не только смену материальной культуры, но и трансформацию самой поэтики любовного высказывания: от ритуально-магической образности к лирике индустриальной эпохи. *Зафиксирован* процесс активного проникновения в сферу национального языка большого количества заимствованных слов из русского языка. *Отмечен* момент исторической бифуркации: горцами осваиваются новые технологии и артефакты, но этнокультурные нормативы в вопросах семьи и брака тяготеют к статике. На материале проанализированных фольклорных песен *установлено,* что в ценностной картине мира карачаевцев и балкарцев первостепенное место занимает ответственное отношение к любовным чувствам, к браку, к созданию семейной ячейки. Методологически работа опирается на принципы этнолингвистики, фольклорной семантики и мотивного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в процессе совершенствования духовно-нравственного воспитания учащихся общеобразовательных и высших школ, а также на курсах повышения квалификации работников образования при разработке стратегии и тактики воспитания в образовательной системе Российской Федерации.

Ключевые слова*:* карачаево-балкарский фольклор, любовная лирика, предметный код, лексическая семантика, Омар Отаров, устная традиция, этнолингвистика, материальная культура

Для цитирования*:* Берберов Б.А. От фаэтона до патефона: предметно-лексический код любви в карачаево-балкарских народных песнях // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 75–85. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-75-85

Original article

FROM PHAETON TO GRAMOPHONE: THE SUBJECT-LEXICAL CODE OF LOVE IN KARACHAY-BALKAR FOLK SONGS

Burkhan A. Berberov

Institute for Humanitarian Research – Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian

Academy of Sciences», Nalchik, Russia, burhan_berberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5417-8144

© B.A. Berberov, 2026

Abstract. This article analyzes the subject-lexical code of Karachay-Balkar love poetry based on the collection «Karachay-Balkar Folk Songs», compiled by People's Artist of the Kabardino-Balkarian Republic O.M. Otarov. The section «Love Songs and Lyrical Tunes» reveals a stable system of subject images that mediate emotion, ranging from traditional ethnographic images to signs of 20th-century modernization. It is shown that the diachronic cross-section of the subject code – from «phaeton» to «gramophone» -– depicts not only a shift in material culture but also a transformation in the poetics of love expression itself: from ritual and magical imagery to industrial-era lyricism. The active infiltration of a large number of borrowed words from Russian into the national language is documented. A moment of historical bifurcation is noted: the highlanders are mastering new technologies and artifacts, but ethnocultural norms regarding family and marriage tend to be static. Based on the analyzed folk songs, it is established that a responsible attitude toward love, marriage, and the creation of a family unit occupies a primary place in the value system of the Karachay and Balkar peoples. The methodological basis of this study is based on the principles of ethnolinguistics, folklore semantics, and motive analysis. The results of the study can be used to improve the spiritual and moral education of students in comprehensive and higher education schools, as well as in continuing education courses for educators when developing educational strategies and tactics in the Russian Federation's education system.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, love lyrics, subject code, lexical semantics, Omar Otarov, oral tradition, ethnolinguistics, material culture

For citation: Berberov B.A. From phaeton to gramophone: the subject-lexical code of love in karachay-balkar folk songs. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 75–85. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-75-85

Введение

Народная песенная лирика карачаевцев и балкарцев представляет собой один из наиболее устойчивых и вместе с тем динамичных пластов устного словесного творчества народов Кавказа. Раздел любовных песен и лирических напевов занимает особое место в жанровой системе карачаево-балкарского фольклора, поскольку именно здесь предметный мир повседневности – конь и повозка, платок и кольцо, письмо и патефон – становится языком, на котором лирический субъект говорит о чувстве, не называя его прямо.

Настоящее исследование обращается к материалу сборника О.М. Отарова «Къарачай-малкъар халкъ жырла» *(«Карачаево-балкарские народные песни»)* [Карачаево-балкарские… 2001], изданного в г. Нальчике издательством «Эльбрус» в 2001 году. Собрание включает разделы нартского эпоса, охотничьих и мифологических песен, историко-героических песен, баллад, обращенных против князей и богачей, а также специальный раздел «Сюймеклик жырла бла ийнарла» *(«Песни о любви и лирические напевы»)* [Карачаево-балкарские…: 115–147], материал которого и стал источником для настоящего анализа.

Цель статьи – описать и классифицировать предметно-лексический код любовной лирики карачаево-балкарского фольклора, показать, как через конкретные бытовые и материальные реалии – от архаичного *файтона* (фаэтона) до сравнительно позднего *патефона* – конструируется поэтическое высказывание о любви, тоске, верности и разлуке. Заголовок статьи метафорически обозначает диапазон предметного кода: от гужевого экипажа как знака традиционного уклада до граммофонной пластинки как знака новой, урбанизированной эпохи, – при этом оба предмета в текстах сборника выполняют одну и ту же функцию: становятся вещественным свидетельством чувства, мерой достатка жениха или заменителем голоса влюбленного.

Теоретико-методологические основания

Понятия «этнокультурный код», «предметный код» в фольклористике, культурологии, литературоведении восходят к традиции семиотического анализа обряда и словесного текста, разработанной в отечественной науке ([Гачев 2003], [Гуревич 2002], [Гутов 2011], [Малкондуев 2000], [Султанов 2007], [Тхагапсоев 2024], [Урусбиева 1971], где вещь в тексте обряда или песни рассматривается не как нейтральная реалия, а как знак, включенный в систему культурных смыслов и способный «замещать» называние явления, которое по тем или иным причинам не проговаривается прямо. В любовной лирике эта функция вещи особенно значима: интимное чувство, о котором в традиционной культуре не принято говорить открыто, «упаковывается» в образы коня, платка, зеркала, письма, музыкального инструмента.

Под предметно-лексическим кодом мы понимаем устойчивый набор лексем – обозначений конкретных предметов материальной культуры, – которые в текстах определенного жанра (в данном случае любовной песни) закреплены за выражением типовых смысловых позиций: признание, сватовство, разлука, ожидание, измена, память о возлюбленном / возлюбленной. Анализ строится по следующей схеме: 1) выявление предметных лексем в текстах раздела «Сюймеклик жырла бла ийнарла» *(«Песни о любви и лирические напевы»);* 2) их тематическая классификация; 3) интерпретация функции каждой группы образов в структуре лирического высказывания; 4) диахроническая интерпретация – от архаического слоя *(скотоводческий, гужевой быт)* к слою модернизационному *(техника, письмо, звукозапись).*

Предметный мир карачаево-балкарской любовной песни: опыт классификации

Конь, упряжь и путы: зооморфно-упряжный код сватовства

Одним из центральных мотивов раздела является образ коня и связанной с ним упряжи как знака жениха, его достоинства и его притязания на невесту. Протагонистом песни «Айжаякъ» («*Айжаяк*») [Карачаево-балкарские … 2001: 115] является молодой горец, влюбленный в девушку, имя которой означает «Луноликая». Почти все повествование построено по типу амебейной композиции, где первые две строки посвящены образу коня или элементам конной амуниции, а вторые две – любовной проблематике, стараниям юноши найти путь к сердцу своей избранницы. Приведем несколько ярких примеров:

Ой, жылкъы анасы – акъ байтал,
Ол а къарышкъулакъ тай табар.
Мен сени анангы уста таныйма,
Ол а къалгъан къатынладан файгъамбар.

[Карачаево-балкарские … 2001: 116].
Ой, мать табуна – белая кобылица,
Она родит длинноухого жеребенка.
Я очень хорошо знаю Твою мать,
Среди других женщин она – пророк.
(*Подстр. пер. авт. статьи*)

Здесь мы видим зооморфно-антропологическую параллель: белая кобылица сравнивается с наидостойнейшей мудрой горянкой. С точки зрения животноводческой аксиологии это комплимент в адрес матери возлюбленной главного персонажа.

Герой даже не сомневается в великодушии материнского сердца, однако, к его сожалению, другие родственники против брака влюбленных. Такие слова как «тузакъ» *(«капкан»),* «аркъан» *(«аркан»)* внутри фольклорного текста выполняют двойную функцию: в буквальном значении они характеризуют неволю стреноженных жеребят, а в переносном, метафорическом значении – трагическую невозможность юноши воссоединиться со любимой, сыграть свадьбу.

Типологически сходная логика прослеживается и в песне «Улан бла къыз» *(«Юноша и девушка»)* [Карачаево-балкарские … 2001: 135], построенной как цепевидный диалог-загадка, где предметный ряд движется от растительного и орудийного мира *(дуб – топор – железный лемех – упряжка волов)* к зооморфному *(сизый голубь – сокол – полынь-перепел – курица с цыплятами)* и завершается образом смерти и белого саванного полотна:

– Кёк кёгюрчюн сен болуп,
Учуп кетген сен болсанг,
Сары илячин мен болуп,
Къууун жетсем, нетерсе?

– Если ты, став сизым голубем,
Улетишь – что тогда сделаешь?
Я, обернувшись желтым соколом,
Догоню тебя – что тогда?

[Карачаево-балкарские … 2001: 135].
(*Подстр. перевод автора статьи*).

Эта песня по своей структуре стоит на границе любовной и обрядовой поэзии: цепь превращений «преследователь – преследуемый» типологически близка мотиву неотвратимости судьбы, но составитель сборника помещает ее именно в раздел любовной лирики, что подчеркивает архаический пласт представлений о неразрывности любовной связи и судьбы, жизни и смерти.

Фаэтон и автомобиль: транспортный код достатка и притязания

Особое место в предметном коде занимает песня «Сюймеклик жыр» («*Песня о любви*») [Карачаево-балкарские … 2001: 120], давшая название данному исследованию. Здесь фаэтон (*файтон*) – не просто средство передвижения, а знак статуса, состоятельности и решительности жениха, готового преодолеть любое препятствие ради невесты:

Кел, мин, ариу, файтоннга,
Байду да минер биргенге.
Эй, мен жюз файтоннга приказ бергенме
Сени биргенге тебрерге.

Иди, сядь, красавица, в фаэтон,
И Байду сядет с тобою вместе.
Эй, я отдал приказ ста фаэтонам
Отправиться вместе с тобой.

[Карачаево-балкарские … 2001: 120].
(*Подстр. пер. автора статьи*).

Гиперболизация *(«сто фаэтонов»)* здесь выполняет ту же функцию демонстрации достатка и решимости, что в других традициях выполняют караваны верблюдов или обозы с приданым. Далее в тексте предметный код диверсифицируется и включает упряжь («хамут салгъанма сары атха» – *«надел хомут на гнедого коня»)* [Карачаево-балкарские … 2001: 121], архитектурные детали дома невесты

(«отоу терезе» – *«окно горницы»)* [Карачаево-балкарские … 2001: 120]), оружие и воинскую атрибутику («темирден кюбе» – *«железная кольчуга»* [Карачаево-балкарские … 2001: 121], «къама» – *«кинжал»*) [Карачаево-балкарские … 2001: 120], предметы утвари («алтын челек» – *«золотое ведро»* [Карачаево-балкарские … 2001: 121], «кюмюш суу агъач» – *«серебряное коромысло»)* [Карачаево-балкарские … 2001: 121], музыкальный инструмент («къобуз» – «*гармонь»:* «Да къобуз согъа, чайкъала» – *«пока играет гармонь, покачиваясь»)* [Карачаево-балкарские … 2001: 121].

Наиболее показателен для темы статьи финальный оборот песни, где архаический фаэтон сменяется прямой отсылкой к технической новации начала XX века:

Эй, алып кетерикме ариу алакёзню,
Автомобильге миндирип.
[Карачаево-балкарские… 2001: 122].

Эй, увезу я красавицу с прекрасными глазами,
Посадив её в автомобиль.
(*Подстр. перевод авт. статьи*).

Этот переход – от фаэтона к автомобилю в границах одного текста – представляет собой лаконичную модель того процесса, который в данной статье описывается на материале всего раздела: традиционный гужевой транспорт как знак достоинства жениха уступает место мотору как новому знаку той же функции, при этом сама поэтическая формула («кел, мин, ариу...» – «*иди, сядь, красавица...*») [Карачаево-балкарские… 2001: 120] остается неизменной. Показательно, что смысловая нагрузка предмета транспорта не меняется – он остается знаком способности героя «забрать», увезти возлюбленную, но материальное наполнение этого знака исторически подвижно.

Одежда, украшения и убранство: код внешнего облика и статуса

Значительный пласт предметной лексики связан с одеждой и украшениями, которые в песенном тексте выполняют функцию визуального маркера красоты, статуса и, одновременно, меры «цены» невесты. В песне «Айжаякъ» [Карачаево-балкарские … 2001: 115] открывающая строфа строится на образе платка:

Айжаякъ, ала жаулугъунг	*Айджаяк, твой пестрый платок*
Ариу жарашады бойнунга.	*Красиво лежит на твоей шее.*

[Карачаево-балкарские… 2001: 115].
(*Подстр. перевод авт. статьи*).

В песне «Кишмир жыйрыкъ» *(«Кашемировое платье»)* [Карачаево-балкарские … 2001: 146] весь текст выстроен в форме монолога незадачливой девушки, страдающей от своей безответной, неразделенной любви:

Байрым кюн бичген кишмир жыйрыгъым,
Окъа чалыудан жагъасы,
Мен сюйгеними сатып алырем,
Не болур аны багъасы?
[Карачаево-балкарские… 2001: 146].

Мое кашемировое платье, скроенное в пятницу,
Воротник его – из парчовой тесьмы,

Я бы купила своего возлюбленного,
Интересно, сколько он будет стоить?
(*Подстр. пер. авт. статьи*).

Безымянный автор данной народной песни использует «прием замедленного действия» и в ходе дальнейшего повествования выясняется, что возлюбленный лирической героини все же женился на другой девушке. Из-за этого молодожены получают в свой адрес слова «игривого проклятия»:

Ой, башымдагъы чилле жаулугъум,
Ауур чачагъы бойнумда,
Менден да сюйюп алгъан къызчыгъынг
Бир ай жашасын къойнунгда.
[Карачаево-балкарские… 2001: 147].

Ой, мой шелковый платок на голове,
С тяжелой бахромой на моей шее,
Пусть та, что ты полюбил больше меня,
Только месяц поживет в твоих объятьях.
(*Подстр. пер. авт. статьи*).

К этому же коду принадлежат украшения – кольцо и часы, выполняющие функцию залога верности или, напротив, знака утраты контроля над собственным чувством: «Ой, къолумдагъы жюзюгюм, Кулина, / Алып салгъанма базманнга» – *«Ой, кольцо на моей руке, Кулина, / Я снял и положил на весы»* [Карачаево-балкарские… 2001: 118], где взвешивание кольца символизирует измерение – как в буквальном, так и в переносном смысле – цены и веса чувства); «Бууунумдагъы алтын сагъатым, / Ненча сагъатха бурлукъма?» – *«Мои золотые часы на запястье, / На сколько часов мне их переводить [в ожидании]?»* [Карачаево-балкарские… 2001: 147].

От «Зингера» до «Ташкента»: техника быта в предметном коде

Особый интерес для темы статьи представляет группа лексем, фиксирующих вхождение промышленных изделий XX века в поэтический словарь любовной песни. В строфах песни «Кишмир жыйрыкъ» *(«Кашемировое платье»)* [Карачаево-балкарские… 2001: 147] появляется характерный ряд:

Стол юсюнде «Зингер» машинам,
Аны солпусун бурайым.
Сюйгеним мени алырдан болса,
Юч жыл сакълап турайым.
[Карачаево-балкарские… 2001: 147].

На столе моя швейная машина «*Зингер*»,
Покручу-ка ее рукоять.
Если мой любимый на мне женится,
Три года готова ждать.
(*Подстр. пер. автора статьи*).

Здесь швейная машина марки «Зингер» – реалия массового промышленного импорта рубежа XIX–XX вв. – включена в лирический монолог девушки как

деталь домашнего интерьера, знак трудового умения и достатка, а механическое движение рукояти машины ритмически поддерживает мотив ожидания («*три года*»). Непосредственно следом идет строфа, содержащая ключевой образ:

«Ташкент» маркалы кёк патефонум,
Сюйген жыр салып, жырлайым,
Юч жыл дегенинг адам ёмюрдю,
Юч жылны къалай жиляйым?
[Карачаево-балкарские… 2001: 147].

Мой синий патефон марки «Ташкент»,
Поставив любимую песню, спою [под нее],
Три года – это целая человеческая жизнь,
Как же мне [прожить,], проплакав эти три года?
(*Подстр. перевод авт. статьи*).

Портативный патефон марки «Ташкент» – конкретная советская торговая марка звуковоспроизводящей техники – становится здесь медиатором чувства в буквальном смысле: он воспроизводит песню, которая замещает высказывание героини о собственной тоске («сюйген жыр салып, жырлайым» – «*поставив любимую песню, спою [с ней вместе]*»). Показательно, что бытовая техника (*швейная машина, патефон*) в этих строфах не противопоставлена традиционным образам (*платку, кольцу, часам*), а включена в тот же ряд атрибутов ожидающей невесты – наравне с шелковым платком и золотыми часами из соседних строф того же текста. Тем самым произведение фиксирует момент, когда индустриальные предметы быта органично входят в устойчивую поэтическую формулу «предмет – знак верности / ожидания», сложившуюся ранее на материале традиционных вещей.

Сходным образом швейная машина появляется в песне «Бургусант» [Карачаево-балкарские… 2001: 142], где становится метафорой утраченного душевного покоя:

Ол тас болгъанды да, тапмайма бюгюн
Ма машинамы ийнесин.
[Карачаево-балкарские… 2001: 142].

Она [нить душевного равновесия] потерялась,
и не могу теперь найти
Иглу моей машины.
(*Подстр. пер. авт. статьи*).

Здесь конкретная бытовая деталь *(иголка швейной машины)* метонимически замещает утраченную нить связи с возлюбленным.

Письмо и почта: эпистолярный код разлуки

Значительная часть текстов раздела строится вокруг мотива письма и почты как средства связи на расстоянии – мотива, отсутствующего в архаическом слое устной лирики и появляющегося вместе с распространением почтовой связи и грамотности. В песне «Сенден къалсам, ёлейим» («*Если тебя потеряю – умру*») [Карачаево-балкарские… 2001: 128] письмо становится центральным сюжетным узлом:

Почтагъа письмо келгенди, дейле,
Ашыгъып бардым алыргъа.
Ёлейим деп да неге тилейме,
Келип салырмы къабыргъа?
[Карачаево-балкарские… 2001: 129].

На почту, говорят, пришло письмо,
Я поспешила забрать его.
Зачем же я прошу [себе] смерти –
Придет ли он, положит ли в могилу?
(*Подстр. перевод авт. статьи*).

Письмо здесь выступает материальным носителем надежды и одновременно источником тревоги: его получение равносильно возможному подтверждению разрыва отношений. В песне «Биз ушайбыз бир бирибизге» *(«Мы похожи друг на друга»)* [Карачаево-балкарские… 2001: 127] письмо соотнесено с окном дома как местом адресации чувства: «Ой, санга жазгъан да письмоларым – / Терезе башы къангада» – *«Ой, письма мои, написанные тебе, – / [Лежат] на карнизе окна»* [Карачаево-балкарские… 2001: 128], а несколькими строфами ранее – с той же оконной рамой как местом ожидания и наблюдения: «Терезе аллында мен жатханма, / Айны жарыгъы кёрюнсюн» – «*Я лежу перед окном, / Чтобы увидеть свет луны*» (*Подстр. пер. автора статьи*) [Карачаево-балкарские… 2001: 128].

Соединение мотивов письма и окна образует устойчивую пространственную модель ожидания: окно – граница между «своим» пространством дома и внешним миром, куда устремлено письмо и куда обращен взгляд ожидающего.

Функционально близкий образ находим в песне «Кёзлеринг кёзюр ойнай» *(«Твои глаза играют в карты.»)* [Карачаево-балкарские… 2001: 139], где сам голубь выступает посредником-письмоносцем:

Кёкледе учхан кёгюрчюн,
Саламла айтсын мени ючюн,
Ол узакъ тауладан келеди.

Пусть летающий в небе голубь
Передаст привет за меня,
Он [летит] издалека, с гор.
[Карачаево-балкарские… 2001: 140].
(*Подстр. пер. автора статьи*).

Здесь традиционный зооморфный образ голубя-вестника продолжает ту же функцию, что письмо в текстах, ориентированных на более позднюю, письменную культуру связи, – что позволяет говорить о синхронном соседстве в одном разделе двух исторических пластов «медиа» любовного послания: архаического *(птица-вестник)* и модернизированного *(бумажное письмо, почта)*.

Природные образы-медиаторы: птица, звезда, дерево, рыба

Наряду с предметами материальной культуры устойчивый пласт образности связан с флоро-фаунистическими метафорами, которые, хотя формально не относятся к «предметному» коду в узком смысле, функционально выполняют ту же роль медиаторов чувства.

Возлюбленная сравнивается *с белой рыбой* («акъ чабакъ» – в песне «Кулина») [Карачаево-балкарские… 2001: 117], *со звездой* («Кёклени чолпан жулдузу» – *«утренняя звезда небес»* [Карачаево-балкарские… 2001: 134] – в песне «Кёгюрчюнюм» («*Моя голубка*»), возлюбленный уподобляется себе в образе золотокрылой птички, садящейся на грудь или крону дерева возлюбленной («Алтын къанатлы

чыпчыкъ мен болуп, / Кёкюрегинге къонайым» – «*Стану золотокрылой птичкой, / Сяду на твою грудь*») [Карачаево-балкарские… 2001: 132]. Яблоня перед домом («Бир ариу алма терекчик» – «*Прекрасное яблоневое деревце*») – в песне «Жашны жыры» («*Песня юноши*») [Карачаево-балкарские… 2001: 132] маркирует дом жениха как локус желанного пространства.

Эти образы, восходящие к общекавказской фольклорной символике, в текстах сборника монтируются с предметными образами *(платком, письмом, патефоном)* без явной стилистической границы, что свидетельствует о единстве поэтической системы, в которой природный и вещный код равноправно обслуживают одну задачу – иносказательное выражение чувства.

От фаэтона до патефона: логика диахронической трансформации предметного кода

Сведя рассмотренный материал в единую картину, можно утверждать, что предметно-лексический код любовной лирики карачаево-балкарского сборника организован по принципу исторической многослойности при сохранении единой функциональной модели. Древнейший, скотоводческий слой представлен образами коня, упряжи, пут, аркана – они кодируют сватовство через метафору укрощения и удержания животного (*песня* «*Айжаякъ*»).

Следующий слой – предметы домашнего убранства и одежды (*платок, кашемировое платье, кольцо, часы*) – переносит акцент с «добычи» невесты на ее внешний облик и статус, а сама вещь становится метонимией девушки и мерой ее «цены» («*Кишмир жыйрыкъ*», «*Бургусант*»). Третий слой – гужевой и, далее, моторизованный транспорт *(файтон – автомобиль)* – сохраняет функцию демонстрации достоинства и решимости жениха, но материально ее обновляет в рамках одного и того же текста («Сюймеклик жыр» («*Песня о любви*») – «Кел, мин, ариу, файтоннга» – («*Иди, сядь, красавица, в фаэтон*») [Карачаево-балкарские… 2001: 120].

Наконец, слой индустриальных изделий быта – швейная машина «Зингер», патефон «Ташкент», письмо и почта – вводит в поэтику любовной песни новую пространственно-временную модель разлуки: чувство теперь может транслироваться механически (*голос патефона*), фиксироваться письменно (*почтовое письмо*) и измеряться в единицах, заданных новыми технологиями (*три года ожидания, отмеренные оборотом швейной машины*).

Показательно, что переход от фаэтона к патефону в заголовке статьи – не произвольная метафора, а фактически задокументированная в текстах сборника траектория: оба предмета в разных песнях выполняют структурно одну функцию – служат вещественным доказательством и медиатором чувства («*сто фаэтонов*» как знак решимости жениха; патефон, поющий вместо девушки ее же тоску), – но относятся к разным историческим пластам материальной культуры карачаевцев и балкарцев: дореволюционному сословному быту (*фаэтон как атрибут состоятельного всадника или богача*) и советскому городскому быту первой половины XX века (*патефон как массовый предмет культурного досуга*).

Сосуществование этих пластов в границах одного жанрового раздела в сборнике – важное свидетельство того, что устная лирическая традиция не была статичной хранительницей архаики, а продолжала активно осваивать новые реалии, встраивая их в унаследованные поэтические формулы. В заключение считаем уместным привести суждение А.М. Гутова о том, что «абсолютно неизменное – безнадежно мертво, а калейдоскопически быстро изменяющееся – столь же безнадежно абсурдно. Смысл изменениям в значительной степени придают константы, которые представляют собой не просто мертвенно-гранитную твердь, а феномены, которые мучительно долго выкристаллизовывались в результате многотысячелетней эволюции» [Гутов 2011: 4].

Выводы

1. Предметно-лексический код является одним из основных механизмов иносказательного выражения любовного чувства в карачаево-балкарской народной песне: конкретные бытовые реалии (*упряжь, платок, кольцо, часы, транспортное средство, техника, письмо*) систематически замещают прямое называние эмоции, выполняя функции знака сватовства, меры достоинства, залога верности или медиатора тоски и разлуки.

2. Материал раздела «Сюймеклик жырла бла ийнарла» («*Песни любви и лирические напевы*») сборника О.М. Отарова позволяет выделить пять устойчивых тематических групп предметного кода: 1) зооморфно-упряжная (*конь, аркан, путы*); 2) одежно-украшательная (*платок, кашемировое платье, кольцо, часы*)*;* 3) транспортная (*фаэтон, автомобиль*)*;* 4) техническая (*швейная машина* «*Зингер*», *патефон* «*Ташкент*»)*;* 5) эпистолярная (*письмо, почта, окно как локус адресации*).

3. Диахронический анализ показывает, что предметный код песенной лирики фиксирует последовательные этапы модернизации материальной культуры карачаевцев и балкарцев – от скотоводческого уклада через гужевой транспорт к советскому индустриальному быту, – при этом сохраняя единую функциональную нагрузку вещей как «языка» чувств.

4. Символическая пара «*фаэтон – патефон*»*,* давшая заглавие настоящей статье, репрезентативна для всего корпуса: оба предмета, принадлежащие разным историческим эпохам, выполняют структурно тождественную роль вещественного свидетельства любви и в равной мере органично вписаны в традиционную песенную формулу, что свидетельствует о живой, развивающейся природе устной лирической традиции.

5. Дальнейшее изучение предметного кода карачаево-балкарской любовной лирики целесообразно вести в сопоставлении со сходным фольклорным материалом других народов северокавказского региона.

Список источников и литературы

Гачев 2003 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.

Гуревич 2002 – *Гуревич П.С.* Культурология: Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Гардарики, 2002. 280 с.

Гутов 2011 – *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.

Карачаево-балкарские… 2001 – Карачаево-балкарские народные песни («Къарачай-малкъар халкъ жырла» – *на карач.-балк. яз.*) / Сост. О. Отаров. Нотация А. Даурова. Муз. редактор М. Этчеев. Вступ. статья Т. Зумакуловой. Нальчик: Эльбрус, 2001. 216 с.

Любовь в письмах…1990 – Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века: Избранные письма. М.: Политиздат, 1990. 575 с.

Малкондуев 2000 – *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX веков. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 320 с.

Султанов 2007 – *Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонац. идентичность в лит. и межкультур. диалог / К.К. Султанов: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. 302 с.

Тхагапсоев 2024 – *Тхагапсоев Х.Г.* Этническая культурология: традиционное и современное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2024. 212 с.

Урусбиева 1972 – *Урусбиева Ф.А.* Путь к жанру. Очерк истории жанров в балкарской литературе. Нальчик: Книжное изд-во «Эльбрус», 1972. 175 с.

References

GACHEV G.D. *Mental`nosti narodov mira* [Mentalities of the people of the world]. M.: Izd-vo E`ksmo, 2003. 544 p. (In Russian)

GUREVICH P.S. *Kul`turologiya:* [Culturology] Uchebnik. 3-e izd. pererab. i dop. M.: Gardariki, 2002. 280 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Konstanty` v kul`turnom prostranstve: Publicistika. Fol`klor. Literatura.* [Constants in the cultural space: Journalism, Folklore, Literature. Nal`chik: E`l`brus, 2011. 216 p. (In Russian)

Karachaevo-balkarskie narodny`e pesni («K``arachaj-malk``ar xalk`` zhy`rla» – na karach.-balk. yaz.) [Karachay-Balkarian Folk Songs] / Sost. O. Otarov. Notaciya A. Daurova. Muz. redaktor M. E`tcheev. Vstup. stat`ya T. Zumakulovoj. Nal`chik: E`l`brus, 2001. 216 p. (In Karachay-Balkar)

*Lyubov` v pis`max vy`dayushhixsya lyudej XVIII i XIX veka:* Izbranny`e pis`ma [Love in the Letters of Prominent People of the 18th and 19th Centuries: Selected Letters]. M.: Politizdat, 1990. 575 p. (In Russian)

MALKONDUEV X.X. *Poe`tika karachaevo-balkarskoj narodnoj liriki XVI–XIX vekov* [Poetics of Karachay-Balkar Folk Lyrics of the 16th–19th Centuries]. Nal`chik: Izdatel`skij centr «E`LЬ-FA», 2000. 320 p. (In Russian).

SULTANOV K.K. *Ot Doma k Miru: e`tnonacz. identichnost` v lit. i mezhkul`tur. dialog* [From Home to the World: Ethno-National Identity in Literature and Intercultural Dialogue] / K.K. Sultanov: In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor`kogo RAN. M.: Nauka, 2007. 302 p. (In Russian).

TXAGAPSOEV X.G. *E`tnicheskaya kul`turologiya: tradicionnoe i sovremennoe* [Ethnic Cultural Studies: Traditional and Modern]. Nal`chik: Izdatel`stvo M. i V. Kotlyarovy`x, 2024. 212 p. (In Russian).

URUSBIEVA F.A. *Put` k zhanru. Ocherk istorii zhanrov v balkarskoj literature* [Path to Genre. Essay on the History of Genres in Balkar Literature]. Nal`chik: Knizhnoe izd-vo «E`l`brus», 1972. 175 p. (In Russian).

Информация об авторе

Б.А. Берберов – доктор филологических наук, зав. сектором карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

B.A. Berberov – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of Karachay-Balkar Folklore.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Илму статья
УДК: 821.512.142.0
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-86-92

КЪОРКЪМАЗЛАНЫ ОСМАННЫ ПОВЕСТЬЛЕРИ: ЭНЧИ КЪАДАРНЫ ЮСЮ БЛА СУРАТЛАУ КЕРТИЧИЛИКГЕ

Биттирланы Шамшудинни къызы Тамара

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал къырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, tbittirova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-3815-8615

© Биттирланы Т.Ш., 2026

Къысха магъана. Илму ишде сюргюнден сора Орта Азияда къалгъан халкъ бёлегибизде (диаспорада) суратлау чыгъармачылыкъда жолларын тапханладан бирини – Къоркъмазланы Мажитни жашы Османны повестьлери тинтиледиле. Ала жазыучуну къадары бла байламлы болгъанлары тохтащдырылады. Османны повестьлеринде авторну тарыхны шартларына жууаплы къарамы бла энчиликлери чертиледиле, аны бла къалмай, ол къарам суратлау кертичиликни кючлю этгени да белгиленеди. Къоркъмазланы Османны орус тилде жазылгъан китаплары («И у меня был дом родной…», «Тимур», «Кинжал») бир ненча тарых жаны бла магъаналы темаланы ачыкълагъандыла – миллетни маданият эм адет-тёре тамырлары, Рассей къыралны ичинде жашаугъа жангы тёрелеге жамауат къарамланы бегитиу, сюргюнню сур жыллары дегенча. Депортацияны юсюнден жаза туруп, Къоркъмазланы О. аны сылтауларын ачыкълаугъа уллу эс бёлгенди, башхаладан энчи къарамын да баямлагъанды. Илму ишни баш борчу – Къоркъмазланы Османны чыгъармачылыкъ энчилигин ачыкълау болгъаны себепли, аны тамамлар ючюн жазыучуну къадарына эс бёлюнеди. Илму статьяда алимлеге бла къарачай-малкъар жамауатха кенг белгили болмагъан шартла келтириледиле. Жазыучуну повестьлери адабиятыбызны сюргюнню юсюнден чыгъармаларыны ичинде энчи жери белгиленеди, аны сылтаулары да ачыкъланадыла. Тинтиу иш Къоркъмазланы Османны чыгъармачылыгъы жамауатны сюргюнню юсюнден билимин терен эм кенг этеригин, кёчгюнчюлюкню юсюнден хар тёлю кесича жангыдан анга багъа бергенин да, жангы кёз къарамларыны магъанасын да кёргюзтеди. Аны бла бирча жазыучуну чыгъармачылыгъын адабият тинтиулеге кенг къошаргъа кереклисин белгилейди.

Баш магъаналы сёзле: къарачай-малкъар адабият, Къоркъмазланы Осман, повесть, тарыхны шартлары, эсгериуле, кёчгюнчюлюк, суратлау кертичилик

Цитата этерге: Биттирланы Т.Ш. Къоркъмазланы Османны повестьлери: энчи къадарны юсю бла суратлау кертичиликге // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 86–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-86-92

Original article

KORKMAZOV OSMAN'S NOVELS: TO THE ARTISTIC REALIT OF LIFE THROUGH PERSONAL DESTINY

Tamara Sh. Bittirova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tbittirova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-3815-8615

© T.Sh. Bittirova, 2026

Abstract. This research article analyzes the work of Osman Mazhitovich Korkmazov, a representative of the Karachay-Balkarian literary diaspora in Central Asia. It establishes a connection between the writer's personal life and the fates of his characters within the context of historical events. The issue emphasizes that the artistic reality in this author's works is made possible by the real events, experienced by the Karachay people. Osman Korkmazov's novels «And I had a home», «Timur» and «Dagger» explore several important themes: the ethical imperatives of the people and their ethnoculture, the emergence of a new social consciousness in mountain society during the integration into the Russian Empire and the harsh years of deportation. Author's works dedicated to deportation differ from those of other writers in their exploration of the causes of the eviction and their unique conclusions. Since the primary goal of this research article was to define the unique character of O. Korkmazov's work, it devotes particular attention to his unusual personal life, which reflected the dramatic events of the 20th century. The issue presents facts, that are little known and unknown to scholars and the general reading public. It notes the important place of the author's work in exploring the theme of deportation and in the search for the causes and reasons for it. The study demonstrates, that Osman Korkmazov's work will enrich our knowledge of the deportation not by merely listing facts, but by providing vivid stories of his characters, who suffered and died without guilt. The writer's work is evidence, that each generation of Karachay-Balkarian authors will return to this theme and explore it anew. The issue demonstrates the need for further study of O. Korkmazov's work to ensure it takes its rightful place in the national literary process.

***Keywords**:* Karachay-Balkarian literature, Osman Korkmazov, novel, deportation, historical facts, memories, artistic truth

***For citation**:* Bittirova T.Sh. Korkmazov Osman's novels: to the artistic reality of life through personal destiny. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 86–92. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-86-92

Научная статья

ПОВЕСТИ КОРКМАЗОВА ОСМАНА: К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ЛИЧНУЮ СУДЬБУ

Тамара Шамсудиновна Биттирова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tbittirova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-3815-8615

© Т.Ш. Биттирова, 2026

Аннотация. В научной статье анализируется творчество Коркмазова Османа Мажитовича, представителя карачаево-балкарского литературного зарубежья в странах Средней Азии. Устанавливается связь между личной судьбой писателя и судьбой героев его произведений в контексте исторических событий. В работе подчеркивается, что художественная реальность в произведениях исследуемого автора становится возможной на основе реальных событий, пережитых карачаевцами. Повести Османа Коркмазова «И у меня был дом родной», «Тимур», «Кинжал» воспроизводят несколько важных тем – этические императивы народа и его этнокультура, рождение в горском обществе в условиях интеграции в состав Российской империи нового общественного сознания, суровые годы депортации. Произведения автора, посвященные депортации, отличаются от произведений других писателей поиском причин выселения и собственными неординарными выводами. Поскольку основной задачей научной статьи было определение специфики творчества О. Коркмазова, в ней уделяется особое внимание его необычной личной судьбе, в которой отразились драматические события XX в. В работе приводятся малоизвестные и неизвестные ученым и широкой аудитории факты. В ней отмечается важное место творчества исследуемого автора в раскрытии выселенческой тематики, в поисках причин и поводов депортации. Проведенное исследование свидетельствует о том, что творчество Османа Коркмазова восполнит знания о депортации не сухим перечислением фактов, а живыми историями героев его произведений, которые страдают и погибают без вины. Творчество писателя – свидетельство тому, что каждое поколение карачаево-балкарских авторов будет возвращаться к

этой теме и по-новому ее раскрывать. Работа показала необходимость дальнейшего изучения творчества О. Коркмазова, чтобы оно заняло достойное место в национальном литературном процессе.

Ключевые слова*:* карачаево-балкарская литература, Коркмазов Осман, повесть, депортация, исторические факты, воспоминания, художественная правда

Для цитирования*:* Биттирова Т.Ш. Повести Коркмазова Османа: к художественной реальности жизни через личную судьбу // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 86–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-86-92

Къарачай-малкъар халкъны сюргюнде сынагъан ачы жылланы юсюнден алимле кёп жанындан тюрлю-тюрлю шартланы келтирип жазадыла [Час испытаний… 2001; Тебуев 1997]. Ала бла бирча халкъгъа жетген зорлукъну кереклисича ачыкъ этер муратда халкъны келечилери, жазыучула да кеслерини юлюшлерин къошхандыла [Зорлукъ 1996; Отарова 2006]. Аладан бири Къоркъмазланы Мажитни жашы Османды (1937–12.01.2012) – юч китапны автору. Аны чыгъармачылыгъы адабиятчылыкъ илмуда тийишли жерин энди таба башлагъанды [Биттирова 2025].

Жазыучуну жашау жолу сейирлик эм ачы бетледен толуду, къадарны къатылыгъы аны чыгъармачылыкъгъа кёллендиргени да баямды.

Мажит Нарсана шахарда совет къуллукъчуну юйюрюнде туугъанды. Гитчеликден репрессияланы кезиуюнде атадан ёксюз къалады. Анга жети жыл болгъанда, анасын жалгъан дау бла къарачай халкъ кёчюрюлген кюнню аллында тюрмеге атадыла, жашчыгъ'а ана жуукълары бла бирге сюргюннге тюшеди. Ала Къыргъызстанны шимал тийресинде Телёк деген элчигинде жашап тебирейдиле. Тамата класслада окъугъан кезиуюнде ишлеген да этеди, шахарны жаш тёлю жыртепсеу къауумларында жырла да айтады. Аны жырчылыкъ фахмусуна ол заманда окъуна бийик багъа берип, 1957 жылда Москвада баргъан жыр олимпиадагъа, ызы бла 1958 жылда Битеудуния жаш тёлюню Олимпиядасына жибередиле.

Ол затла жаш адамны Москвада Чайковский атлы айтхылыкъ консерваториягъа кирирге кёллендиредиле. Уллу конкурсда хорлап, Осман консерваторияны жырчыла хазырлагъан бёлюмюнде окъуп башлайды, окъуу юйде ишлеген миллет чыгъармачылыкъны кабинети бла байламлыкъ жюрютеди, жай каникуллада аны Къарачайгъа халкъ жырланы жыяргъа жибередиле. Ол 50 кассета бла бир жыр хазнабызны жазып алады.

Къачда студентлени колхоз ишге ийгенлеринде, Осман анда суукъ ауруулу болуп, ёнюн тас этеди. Аны себепли, жаш адамгъа консерваторияны «Хоровое дирижирование» бёлюмюне кёчерге тюшеди.

1963 жылда Османны СССР-ны маданият министерствосуну буйругъу бла Магаданда ишлерге жибередиле. Ол анда театрны директорундан башлап, Магадан областьны маданиятыны министрине дери къуллукъланы толтургъанды, кёп къырал саугъагъа тийишли болгъанды.

30 жылдан сора Осман жуукълары жашагъан жерге, Бишкек шахаргъа кёчюп, университетни юристге окъутхан бёлюмюне кирип, аны жетишимли тауусуп, университетде ишлерге къалады эм кандидат дисертациясын къоруулайды. Аны илму иши Къыргъыз республиканы жер-жерли администрациясыны къуралыууна жораланнган эди эм уллу даражагъа тийишли болгъанды.

Бишкекге келгенден сора, Осман орус тилде юч китапны жазып басмалагъанды – «И у меня был дом родной…», «Тимур», «Кинжал»[Коркмазов 2008; Коркмазов 2010; Коркмазов 2012].

Къарачай-малкъар адабиятда ёксюзлюк сынагъан сабийлени юсюнден кёп чыгъарма жазылгъанды. Аны сылтауу – 60-чы жыллада адабиятыбызны элпек чагъында айнытханла ёз къадарларыны юслеринден хапарлагъандыла. Аланы аталары урушда жоюлуп, бир-бирлени уа аналары да сюргюнде ёлген эдиле. Бу

китаплада къыйын болумланы хорлагъан сабийлени юсюнден айтылады. Аланы ичинде «И у меня был дом родной…» деген китап кесини къуралыуу эм магъанасы бла энчи жерни алады. Гитче таулучукъну къадарында тюбеген къыйын затланы юсюнден хапарлау авторну саясат болумлагъа берген эси бла бирге жашчыкъны сабий дуниясын суратлайды. Бу китапны баш ниети сабийчикни къадарыны юсю бла фашизмге бла сталинизмге налат бериудю. Китап жазыучуну къадарын ачыкълай, жазыучуну усталыгъыны кючю бла озуп кетген ишлеге кертиликни ышанларын тохдашдырады.

Къыралыбызда XX-чы ёмюрню ахыр онжыллыгъында бардырылгъан демократия тюрлениуле болуп кетген ишлеге жангы кёз къарамны баямларгъа онг бергендиле, ол санда сюргюн сынагъан халкъланы тарыхларына да. «Адам бла зорлукъ», «адам бла тарыхны къыйын жыллары» дегенча проблемалагъа жууапны сюргюнню сынагъан тамата тёлюню назмучулары Батчаланы М., Къаракетланы Ю., Кугультинов Д., Къулийланы Къ., Мамакаев М., Мёчюланы К., Муталиев Х.-Б., Отарланы К., Семенланы И., Сюйюнчланы А., Яндиев Дж. биринчиле болуп излегендиле [Отарова 2006; Угурчиева 2019]. «Аланы чыгъармалары тарыхха кертичиликни юсю бла суратлау кертиликни къурагъандыла, ол чыгъармала терен психологизм эм жютю рух магъаналары бла энчидиле», – деп жазады Отарланы М. [Отарова 2006: 3]. Къара сёзде болум да алай эди.

Османнга тил битген кезиуде, башхалада болуучусуча, биринчи сёзю «ата», не «ана» деген болмагъанды, аны биринчи сёзю «патефон» эди. Патефонну магъанасы повестьде аны энчи магъанасындан кенг эди: сабийчикге къыйын жазыуунда тюбегенлени – («къызылжагъаланы» бла фашистлени) юсю бла адамлыкъ ышанлары ачыкъланадыла. Чыгъармада суратланнган эпизод – Осман бла лейтенант Мишаны «жолдаш майордан» патефонну къоруулаулары – уллу жерни алады. Тебердиден темир жолгъа дери Осман аланы кёчюрген машинаны кабинасында аскерчиле бла олтуруп, жол узуну патефонда эшитген жырларын айтып барады. Миша да анга эжиу эте. Алай бла эки адамны арасында шуёхлукъ жаратылады. Сабийни узакъ сюргюннге ашыра туруп, Миша кёз жашларын тыялмайды…

Сюргюннге жол азап жолу эди. Аны ачы суратлары сабийни эсинден кетмейдиле: «Вагонда хар тохтагъандан сора жатар жер эркин бола бара эди. Экиге айланнган къарындашым Юсуф бла энди башхаланы къыйнамай бир жанындан бир жанына айланыр онгубуз бар эди. Эркин болгъанны сылтауу – хар тохтагъан жерде, жер юсюнде жашауларын тауусуп, ол дуниягъа кетгенлени жолда къоюп баргъанлары эди…» [Коркмазов 2008: 131].

Ана эгечи Дубрайны (аны юйюрюнде жашаргъа тюшген эди ёксюз жашчыкъгъа) юйюрюн Къыргъызны шимал жанында, Къазахстан бла чекде орналгъан Телёк деген элчикге элтип атадыла. Мында сабийни талай жылы озады. Ол кезиуде анасына тюбешиу насыпны да сынайды. Ачлыкъны эм къыйын кезиуюнде, 1947 жылда, кёчгюнчюле юйюрлери бла къырылгъан жыл, Осман сабийлик сезимледен къутулуп, уллу кишича жуукъларына жарап тебирейди – агъачда, къумда, сууда болсун, тапхан затын тутуп, урушдан сакъат болуп къайтхан Пётрны да хайырындан къазланы, баппушланы ушкок бла ёлтюрюп, юйюрню аш бла жалчытыугъа тири къатышады.

Повестьде сюргюн сынагъан тюрлю-тюрлю халкъланы келечилери «жашайдыла», ала бирге жарсыйдыла, аз игиликге да бирча къууанадыла, келлик заманнга иги къууумлары бла кечинедиле. Чыгъармада къыргъызлыланы халаллыкълары, «къызылжагъаланы» кюйсюзлюклери, школну директоруну адамлыгъы, башха устазны сабийни жанын къыйнагъаны – бары да гитче таулучукъну къадарын белгилейдиле эм алгъа элтедиле, къыйын болса да. Бек амалсыз кезиуледе Осман патефонун салады, андан эшитилген ариу ауазла тынгылагъанлагъа жашаудан тюнгюлмезге болушадыла.

Бу гитче Телёк атлы къыргъыз элчикде болгъан ишле Азияны къыйырсыз аулакъларына атылгъан кёчгюнчюлени жашауларыны ышанларыдыла.

Жылы келген автор – повестьни баш жигити – сюргюнню сынагъан ондан артыкъ халкъланы келечилерини харкюнлюк соруларына, аны сылтауларына жууап излейди. Аны оюмуна кёре, Сталин бла Берия миллетчи къадарларында гюржю халкъны жашагъан жерин кенгертир ючюн, чекде жашагъан эм Гюржюню ичинде узакъ ёмюрледен жашагъан башха халкъланы да кёчюредиле. Жазыучу саннга тюшген халкъланы эр кишилери урушда болгъанлары себепли, зорлукъгъа къажау турур адам болмагъанын да хайырланнган эдиле. Бусагъатда ол муратланы – Гюржю къыралны кенгертир умутланы – Гамсахурдиа бла Саакашвили да тутханларын айтады.

Эки жылдан Къоркъмазланы Осман «Тимур» деген аты бла повесть бла хапарла китабын басмалагъанды [Коркмазов 2010]. Бери кирген «Горец» деген гитче повесть бла «Так должно быть» деген хапар да кавказ жашаугъа жораланыпдыла.

«Тимур» деген повесть да жазыучуну ёз къадары бла кёп жаны бла терен байламлыды. Жылы келген автор жаш заманында сынагъан сюймеклигини, андан ёнгелеуюню, сора жангыдан сюйген тиширыуу бла насып тапханыны юсюнден жазады. Биринчи китапдача мында саясат оюмла жокъдула, адамны адамлыгъы, аны башхалагъа тутхан ниети дегенча затла баш жерни аладыла. Жашаууну айланч жолларында Тимур кёп затны сынайды, алай бир заманда да кесини таулу болгъанын унутмайды, сабий чагъында Кавказда кёрген адеп-къылыкъны эсинден кетермейди, тау адетлеге кёре жашаргъа итинеди. Болсада, миллетинден тышында жашагъаны, ол адетледен узайгъаны да повестьде эсленеди. Сёз ючюн, Тимур сюйген къызы бла юйленнген хапарын айтханда, стол артында олтуруп тургъан танышлары, тенглери «горько» деп къычыргъанда, сюйгенле бир бирлерин къучакълап, уппа этедиле. Аллай зат къарачай-малкъар халкъда болургъа амалы жокъду.

Экинчи повестине жазыучу эки ат бергенди. «*Горец*» («Таулу») – былай жазылыпды китапда. Мында Орусбийланы жашлары ата-анасын ёлтюрген нажаслагъа дерт жетдирир ючюн орус аскерге барып, анда уруш усталыкъгъа хунер алып, эски юйюне къайтады.

«Так должно быть» деген хапарында жазыучу бийик тау адетни юлгюсюн келтиреди. Муну баш жигити Асият юч жашчыгъы бла сюргюнде кёп къыйынлыкъ сынайды, барындан да уллу жарсыуу уа урушха кетген эринден хапары болмагъаныды. Кюнлени биринде эри Хасан, урушдан сау къайтып, юйюрюн бек къыйналып табады. Ол кюн битеу тийре-ахлу жыйылып, аны эрини тёгерегин алгъанда: «Асият бетин жабып, бир жанында сюелип турады, жюреги уа сюйгенини къучагъына термиле эди, анга къысылып жиляргъа. Алай… Алай жарамайды…» [Коркмазов 2010: 215].

Къоркъмазланы Османны кавказ адет-тёрелеге жораланнган повестьлери («Кинжал», «Тимур») бла хапары («Так должно быть») 1919–1921-чи жыллада басмаланнган Абайланы Къайтукъну жашы Исмайылны хапарларына бла, 1920–30-чу жыллада аны сценарийлерине кёре салыннган фильмлеге сюжетлери эм ниет дуниялары бла бек жууукъдула. Сёзсюз, ол ала бла шагъырей эди – аллай бир жууукълукъ тюбейди бу эки авторну чыгъармаларында [Баразбиев, Гегаев 2025].

Тыш къыраллада сюргюнден сора Ата журтха къайтмай жашагъан миллет бёлегибизде адабият назмучулукъну гитче жанрларында айныйды, поэмала, къара сёз бла жазылгъан затла аз тюбейдиле. Къоркъмазланы Османны чыгъармачылыгъы бу жаны бла айырмалыды – ол повестьле бла хапарла жазгъанды. Биринчи китабын ол кеси повестьге санагъанлыкъгъа, магъанасына эм суратлау дуниясына кёре ол роман жанргъа жете кетеди.

Къоркъмазланы Османны фахмулу, таза жюрекден, кёп тюрлю терен сезимлени юсю бла жазылгъан китаплары диаспорада жашагъанлагъа уллу

саугъа болгъандыла, окъуучуладан ыразылыкъ да тапхандыла. Ала бу болумлада биринчи жазылгъан китапладыла.

Алай бла, бардырылгъан тинтиу иш кёргюзтгеннге кёре, Къоркъмазланы Мажитни жашы Османны чыгъармачылыкъ хазнасы, орус тилде жазылгъанына да къарамай, миллет адабиятны айныууна уллу къошумчулукъ этгенди, кёчгюнчюлюкню къыйынлыгъын ачыкълаугъа жангы кёз къарамны белгилегенди. Аны тынгылы чакъда тинтиу шёндюгю эм илмугъа жангы келлик алимлеге борч болгъаны даулашсызды.

Хайырланылгъан ишлени тизмеси
Список источников и литературы

Баразбиев, Геграев 2025 – *Баразбиев М.И., Геграев Х.К.* Литературное творчество Исмаила Абаева (Измаил-Бея) как источник по этнографии балкарцев (по материалам газеты «Вольный горец») // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 3. С. 167–188. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188. EDN: HFTLHZ.

Биттирова 2025 – *Биттирова Т.Ш.* Социально-нравственные проблемы современности в автобиографических повестях Османа Коркмазова // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 1. С. 192–201. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-192-201. EDN: KJZWDL.

Зорлукъ 1996 – *Зорлукъ* / жарашдыргъанла Эфендиланы С., Ахматланы И., Гузеланы Ж. Нальчик: Эльбрус, 1996. 384 б. (Реквием / сост. С.И. Эфендиев, И.Х. Ахматов, Ж.М. Гузеев. Нальчик: Эльбрус, 1996. 384 с.).

Коркмазов 2008 – *Коркмазов О.М.* «И у меня был дом родной…»: повесть. Бишкек: Алтын Принт, 2008. 250 с.

Коркмазов 2010 – *Коркмазов О.М.* Тимур: повести и рассказ. Бишкек: Алтын Принт, 2010. 400 с.

Коркмазов 2012 – *Коркмазов О.М.* Кинжал: повесть. Бишкек: Алтын Принт, 2012. 350 с.

Отарова 2006 – *Отарова М.Б.* Художественное осмысление проблемы депортации (на материале литератур народов Северного Кавказа и Калмыкии): автореф. дисс. канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 22 с.

Тебуев 1997 – *Тебуев Р.* Документы рассказывают. Черкесск: Б.и., 1997. 344 с.

Угурчиева 2019 – *Угурчиева Р.Х.* Тема депортации в ингушской литературе (штрихи к проблеме) // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 4–1. С. 84–88. EDN: FIPXZH.

Час испытаний… 2001 – Час испытаний: депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: документы и материалы / сост. Б.М. Зумакулов, А.Х. Каров, С.Н. Бейтуганов. Нальчик: Эльбрус, 2001. 901 с.

References

BARAZBIYEV M.I., GEGRAYEV KH.K. *Literaturnoye tvorchestvo Ismaila Abayeva (Izmail-Beya) kak istochnik po etnografii balkartsev (po materialam gazety «Vol'nyy gorets»)* [Literary works of Ismail Abaev (Izmail-Bey) as a source for the ethnography of the Balkarians (based on the materials of the newspaper «Volny Gorets»)]. IN: *Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya»* [Electronic journal «Caucasology»]. 2025. № 3. P. 167–188. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188. EDN: HFTLHZ. (In Russian)

BITTIROVA T.SH. *Sotsial'no-nravstvennyye problemy sovremennosti v avtobiograficheskikh povestyakh Osmana Korkmazova* [Social and moral problems of our time in the autobiographical stories of Osman Korkmazov]. IN: *Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya»* [Electronic journal «Caucasology»]. 2025. № 1. P. 192–201. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-192-201. EDN: KJZWDL. (In Russian)

Zorluk" [Requiem] / composed by S.I. Efendiev, I.Kh. Akhmatov, Zh.M. Guzeev. Nalchik: Elbrus, 1996. 384 p. (In Balkarian)

KORKMAZOV O.M. *«I u menya byl dom rodnoy…»: povest'* [«And I had a home…»: a novel]. Bishkek: Altyn Print, 2008. 250 p. (In Russian)

KORKMAZOV O.M. *Timur: povesti i rasskaz* [Timur: novels and stories]. Bishkek: Altyn Print, 2010. 400 p. (In Russian)

KORKMAZOV O.M. *Kinzhal: povest'* [Dagger: novel]. Bishkek: Altyn Print, 2012. 350 p. (In Russian)

OTAROVA M.B. *Khudozhestvennoye osmysleniye problemy deportatsii (na materiale literatur narodov Severnogo Kavkaza i Kalmykii)* [Artistic understanding of the problem of deportation (based on the literatures of the peoples of the North Caucasus and Kalmykia)]: abstract of a candidade of philological sciences dissertation. Nalchik, 2006. 22 p. (In Russian)

TEBUEV R. *Dokumenty rasskazyvayut* [Documents tell]. Cherkessk: W.p., 1997. 344 p. (In Russian)

UGURCHIYEVA R.KH. *Tema deportatsii v ingushskoy literature (shtrikhi k probleme)* [The theme of the deportation in Ingush literature (the problem statement)]. IN: *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization]. 2019. Vol. 9. № 4–1. P. 84–88. EDN: FIPXZH. (In Russian)

Chas ispytaniy: deportatsiya, reabilitatsiya i vozrozhdeniye balkarskogo naroda: dokumenty i materialy [The hour of trial: deportation, rehabilitation and revival of the Balkarian people: documents and materials] / composed by B.M. Zumakulov, A.Kh. Karov, S.N. Beituganov. Nalchik: Elbrus, 2001. 901 p. (In Russian)

Авторну юсюнден билдириу

Биттирланы Т.Ш. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият секторну айырма илму къуллукъчусу.

Information about the author

T.Sh. Bittirova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Информация об авторе

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 821.512.142.0
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-93-99

ХРАНИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НАРОДА (к 140-летию С.О. Шахмурзаева)

***Алена Мустафаевна Гузиева* (*Сарбашева*)**

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-7457-9823

© А.М. Гузиева (Сарбашева), 2026

Аннотация. В статье прослеживаются этапы духовной эволюции Саида Османовича Шахмурзаева (1886–1975) – балкарского просветителя, педагога, фольклориста, этнографа и писателя, чья жизнь и творчество были неразрывно связаны с проблемами развития и сохранения культурных традиций балкарского народа. В работе представлен северокавказский ареал «арабских университетов» С. Шахмурзаева. Мусульманское образование, полученное у ведущих представителей исламского духовенства конца XIX – начала XX в., определяется как фундаментальная основа его просветительской и педагогической деятельности. Особое внимание уделяется приоритетному направлению в жизни С. Шахмурзаева – сбору и сохранению фольклорного наследия, что позволяет характеризовать его как подлинного хранителя духовной памяти народа. Наряду с просветительской деятельностью рассматривается литературное творчество, в частности, отмечается эстетическая и научная ценность этнографической поэмы «Календарь горца», которая представляет собой уникальное художественное произведение, отражающее традиционные представления балкарцев о мире, природе и образе жизни горца. Проведенное исследование подтверждает универсальность и многогранность личности С. Шахмурзаева, которому исторически была отведена миссия просветителя и хранителя культурных традиций балкарского народа.

***Ключевые слова**:* С. Шахмурзаев, духовное наследие, культурные традиции балкарского народа, просвещение, литература

***Для цитирования**:* Гузиева (Сарбашева) А.М. Хранитель культурных традиций народа (к 140-летию С.О. Шахмурзаева) // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 93–99. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-93-99

Original article

KEEPER OF THE PEOPLE'S CULTURAL TRADITIONS (ON THE 140TH ANNIVERSARY OF S.O. SHAKHMURZAEV)

***Alena M. Guzieva* (*Sarbasheva*)**

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-7457-9823

© A.M. Guzieva (Sarbasheva), 2026

Abstract. The article traces the stages of the spiritual evolution of Said Osmanovich Shakhmurzaev (1886–1975), a Balkarian educator, teacher, folklorist, ethnographer, and writer, whose life and work were inextricably linked to the development and preservation of

the spiritual culture of the Balkarian people. The article presents the North Caucasian area of S. Shakhmurzaev's "Arabic Universities." The Muslim education received from leading representatives of the Islamic clergy in the late 19th and early 20th centuries is considered to be the fundamental basis for his educational and pedagogical activities. Special attention is given to the collection and preservation of folklore heritage, which is a priority in S. Shakhmurzaev's life, making him a true guardian of the people's spiritual memory. Along with educational activities, the article examines literary works, particularly the aesthetic and scientific value of the ethnographic poem "The Calendar of the Highlander," which is a unique work of art that reflects the traditional beliefs of the Balkars about the world, nature, and the lifestyle of the highlanders. The study confirms the versatility and complexity of S. Shakhmurzaev's personality, who has historically played the role of an educator and guardian of the cultural traditions of the Balkar people.

***Keywords**:* S. Shakhmurzaev, spiritual heritage, cultural traditions of the Balkar people, education, literature

***For citation**:* Guzieva (Sarbasheva) A.M. Keeper of the people's cultural traditions (on the 140th anniversary of S.O. Shakhmurzaev). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 93–99. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-93-99

Имя Саида Османовича Шахмурзаева в истории балкарского народа неразрывно связано с концепцией народной мудрости и духовной силы, направленной на сохранение и развитие национальных культурных традиций. Его многогранный талант охватывает такие области, как просветительство, педагогика, фольклористика, этнография, лингвистика, литература, что позволяет охарактеризовать как выдающегося деятеля культуры. С. Шахмурзаев был удостоен ряда высоких государственных наград (орден Ленина (1939), орден Трудового Красного Знамени (1957), почетные звания «Заслуженный учитель КБАССР» (1961) и «Народный поэт КБАССР» (1974) – бесспорный факт, свидетельствующий о признании его заслуг на официальном уровне. Отмеченные награды отражают полиаспектность профессиональной деятельности С. Шахмурзаева и его вклад в развитие системы народного просвещения и образования, национальной литературы. Однако главной ценностью для просветителя и писателя на протяжении всей жизни оставалось духовное наследие балкарского народа, которое он неустанно стремился сохранить и приумножить.

С. Шахмурзаев является представителем старшего поколения национальной интеллигенции, которое получило начальное образование в мусульманских школах, что оказало влияние на формирование его мировоззрения и профессиональной деятельности, основанной на традиционных ценностях и знаниях. Путь духовного развития будущего педагога и классика оказался многоступенчатым. Первый этап «арабских университетов» начался в родном селе Эл-Тюбю (ныне с. Верхний Чегем Чегемского района КБР). В возрасте 8–9 лет он стал изучать основы религии у местного муллы Шаваева Ахмата, старшего сына Дауд-Хаджи Шаваева – «одного из ярких представителей религиозно-дидактической поэзии XIX в.» [Малкондуев 2010: 89]. Обучение продолжил в с. Кёнделен у Чочаева Адыхама, Атакуева Бекболата, осваивая арабский язык и грамматику. Дальнейшую учебу продолжил в Карачае – в с. Учкулан у Байрамукова Хызыр-хажи и Эркенова Хажимырзи, затем углубил знания по грамматике, ознакомился с основами исламской религии в с. Карт-Журте. По возвращении из Карачая в 1918 г. С. Шахмурзаев работал наборщиком в типографии братьев Дымовых в г. Баксан, не прекращая при этом религиозного образования: он продолжил его в ногайском селе Орак, а позже – в Дагестане (Темир-хан-Шура (ныне Буйнакск), Кизляр). Упорным трудом С. Шахмурзаев достиг звания *хафиза* – человека, знающего Коран наизусть, в совершенстве овладел арабским и турецким языками. Полученные знания открыли путь к изучению латинского, немецкого и английского языков.

Последующие этапы духовной эволюции С. Шахмурзаева были обусловлены историческими событиями эпохи, прежде всего – революцией 1917 года, которая

коренным образом изменила социокультурный ландшафт страны и повлияла на мировоззрение представителей интеллектуальной элиты.

В 1924 г. в Нальчике были открыты первые трехмесячные курсы по подготовке учителей (на их базе был создан Ленинский учебный городок – первый крупный образовательный центр и кузница национальных кадров КБАССР). Среди 12 слушателей курсов, владеющих арабской грамотой, был и Саид Шахмурзаев. Именно с этого периода и началась его просветительская деятельность: на основе латиницы им был создан балкарский алфавит (позже он был упразднен, но сохранился в Госархиве особым экземпляром). Благодаря усилиям С. Шахмурзаева балкарская письменность продолжила развитие: появился первый балкарский букварь уже на кириллице. В соавторстве с Ахматом Будаевым Саид до 1960-х годов издавал «Букварь», который являлся основным учебным пособием для нескольких поколений балкарцев, осваивавших грамоту.

1924–1929 гг. – период обучения С. Шахмурзаева в Крыму в симферопольском педтехникуме. В эти годы он установил контакты с передовыми представителями горских народов. Поскольку обучение велось на татарском языке, С. Шахмурзаев успешно совершенствовал языковые навыки и работал внештатным корреспондентом ряда периодических изданий (среди них: газета «Эшче» («Рабочий», в татаро-башкирском отделе), которая издавалась в Москве; «Янъи дюнья» – «Новый Мир», «Яш кювзет» –«Юная сила», журнале «Кёз айдын» – «Просвещение» (в Крыму издавались), также в карачаевских и балкарских газетах «Таулу жашау» – «Горская жизнь», «Карахалк» – в Балкарии. Во время каникул С. Шахмурзаев в 1927 г. основал в родном Верхнем Чегеме первую школу с четырьмя классами, что стало важной вехой в его просветительской деятельности. Помимо педагогической работы в указанный период он также увлекся сбором материалов по истории, этнографии и фольклору не только балкарского народа, но и других этносов, проживающих в республике. Как отмечает Х. Малкондуев, «Шахмурзаев активно сотрудничал с краеведческим кабинетом Ленинского учебного городка» [Малкондуев 2010: 334]. В подтверждение этого исследователь ссылается на монографию балкарского этнографа А.И. Мусукаева «Об обычаях и законах горцев» (1986), где содержится аргументированная информация: «В 1970 году автору (Мусукаеву – *А.Г.*) этих строк посчастливилось познакомиться с программой С. Шахмурзаева по составлению этнографической карты Кабардино-Балкарии, куда включены вопросы относительно времени образования населенных пунктов, истории их застройки, первых семей патронимий и фамилий, количество дворов, расположения усадеб, хозяйственных построек и многое другое» [Цит. по: Малкондуев 2010: 334]. Неопубликованная рукопись, по оценке ученого, имела научную ценность.

После окончания симферопольского педтехникума С. Шахмурзаев начал профессиональную деятельность в системе народного образования. В 1930 г. работал преподавателем в ЛУГе. Здесь он создал и возглавил первый балкарский литературный кружок. Среди его учеников – поэты, писатели О. Этезов, Б. Гуртуев, К. Отаров, Р. Геляев и др., также известные исторические личности – Герой Советского Союза, летчик А. Байсолтанов, генерал-майор Х. Деппуев.

С 1935 по 1939 г. (до назначения заместителем наркома просвещения КБАССР) С. Шахмурзаев руководил школой в родном Верхнем Чегеме. В 1939 г. за вклад в развитие народного образования одним из первых в республике был награжден орденом Ленина.

С. Шахмурзаева по праву называли «учителем учителей». Как первый балкарский советский учитель вместе с бывшими учениками К. Отаровым, О. Этезовым работал над созданием учебно-методической литературы для национальных школ. В соавторстве с К. Отаровым были изданы книги «Бирлик» («Единство»), с О. Этезовым – «Ал атламла» («Первые шаги»), с С. Хочуевым – «Социализмни жолунда» («По пути к социализму»), подготовлен «Букварь» на латинице,

разработаны пособия по орфографии, грамматике для балкарских школ («Фонетика», «Гитче класслӑъа грамматика» – «Грамматика для начальных классов»).

Помимо активной просветительской работы С. Шахмурзаев занимался литературным творчеством: писал и публиковал стихи, очерки, фельетоны, а также статьи, посвященные проблемам национальной культуры. По воспоминаниям Ю. Шахмурзаева, первые поэтические опыты Саида относятся к 1909–1910 гг. – в этот период он создавал стихотворения арабскими буквами, в основном на бытовые темы. Так, в период обучения в с. Учкулан в 1910 г. было написано стихотворение «Кьарачай элде» – «В карачаевском селе»: оно было посвящено девушке, с которой впоследствии Саид встретился в депортации в Казахстане в с. Каракундуз Курдайского района Джамбульской области, куда он из Павлодара переехал со свой семьей [Шахмурзаев 2006: 241].

Широкую известность как поэту С. Шахмурзаеву принесло стихотворение «Солдатны сёзю» («Слово солдата»), опубликованное в 1916 г. в кумыкском журнале «Танг чолпан» («Утренняя звезда»). По свидетельствам современников, его литературная деятельность не ограничивалась поэзией. Так, по словам Б. Гуртуева, им в соавторстве с Шахмурзаевым на основе переводной татарской пьесы была создана на балкарском языке комедия «Тасбаш» (Разиня) [Гуртуев 2004]. Кроме того, по воспоминаниям известного актера и драматурга Ибрагима Маммеева, С. Шахмурзаев писал небольшие пьесы для сценической интерпретации, которые, к сожалению, не сохранились [Маммеев 2006: 351].

Значимым событием в творческой жизни С. Шахмрзаева стало его принятие в 1934 г. в числе первых в Союз писателей СССР. Он был знаком и поддерживал творческие связи с известными русскими писателями Юрием Либединским, Александром Фадеевым, Николаем Тихоновым. После возвращения из депортации в 1957 г. С. Шахмурзаев проживал в с. Нижний Чегем, где его посетил Николай Тихонов. В 1963 г. во время участия в работе съезда писателей республики советский классик выступил с ходатайством о предоставлении балкарскому поэту жилья в Нальчике.

С. Шахмурзаев жил в сложное, противоречивое время начала XX в. – период, когда наряду с прогрессивными мероприятиями, связанными с ликвидацией безграмотности, пропагандой народного образования, просвещения, наблюдались деструктивные процессы: нарушение принципов духовной преемственности, репрессии высокообразованных людей и религиозных деятелей, деактуализация этнокультурных истоков, отрицание исторического прошлого, активная атеистическая пропаганда и подавление религиозного сознания и т.д. Культурная революция была ориентирована, в первую очередь, на достижение политических целей. Важно подчеркнуть, что, несмотря на сложности и реальную угрозу репрессий, С. Шахмурзаев активно собирал полевой материал (фольклорные тексты, этнографический материал). В 1927 году у 135 летней Хаммерге Жанатаевой – жительницы с. Думала им был записан материал о календаре горца, который лег в основу одноименной этнографической поэмы, изданной спустя десятилетия в 1970 г. [Шахмурзаев 2006: 257]. В произведении освещаются «этнографические особенности календарных дней и месяцев периода язычества, по которому балкарцы вели счет времени до принятия григорианского календаря» [Малкондуев 2010: 336]. Литературно-критическая мысль, в первую очередь, акцентировала внимание на научной ценности произведения. «Это не полевой материал, это наука в форме языческой поэмы, где все термины научно систематизированы, – писала Ф. Урусбиева. – Это по сути своеобразная энциклопедия жизни балкарского народа в прошлом» [Урусбиева 2006: 320].

Говоря о духовном наследии С. Шахмурзаева, необходимо отметить существенный вклад писателя в развитие балкарской литературы. Его перу принадлежат поэтические сборники «Сырыйна» («Свирель», 1957), «Назмула» («Стихи», 1961), «Заман жели» («Ветер времени», 1967), «Ол ёмюрледе» («В те времена»,

1973), «Таулуну календары» («Календарь горца», 1970), повесть «Танг аласында» («На рассвете», 1965). После смерти автора были изданы «Избранное» (1976), «Къая къызы къарылгъач» («Ласточка – дочь гор», 2002), сборник «С. Шахмырза» (2006). В творческом наследии С. Шахмурзаева значительное место занимает детская поэзия, представленная тематическими циклами: «Фрукты», «Животные», «Знайте растения». Стихи выполняют не только эстетическую, но и педагогическую, выступая инструментом познавательного и интеллектуального развития ребенка в раннем возрасте. Многие произведения С. Шахмурзаева, в их числе: «Къая къызы – къарылгъач» («Ласточка – дочь гор»), поэма «Таулуну календары» («Календарь горца») вошли в золотой фонд национальной словесности.

В период депортации С. Шахмурзаев продолжал заниматься педагогической деятельностью и литературным творчеством («Иртышны жагъасында» – «На берегу Иртыша», «Рашида»). Находясь вдали от родины, он также вел работу по сохранению духовного наследия. Согласно имеющимся свидетельствам, в 1948 г. он записал балкарский и кумыкский варианты поэмы «Тахир и Зухра» [Шахмурзаев 2006: 266].

После возвращения на историческую родину С. Шахмурзаев начал тесно сотрудничать с научными работниками КБНИИ. В 1958 г. принимал участие в первой балкарской фольклорно-этнографической экспедиции института под руководством А. Соттаева. До 1974 г. он был неизменным участником всех экспедиций, в том числе и археологических, о чем свидетельствовал Алим Теппеев: «Он (С. Шахмурзаев – *А.Г.)* прошел с ними весь Карачай, всю Балкарию. Его хорошо знали горцы, любили. Он обладал драгоценным даром умного собеседника, без труда располагал к себе сказителей, и не удивительно – лучшие фольклорные записи сделаны им!» [Теппеев 1976: 5].

Опыт показал, что вся жизнь Саида была целиком посвящена сбору материалов по духовной и материальной культуре балкарского народа. Подтверждением этому служит обширный фонд С. Шахмурзаева, сформированный в архиве ИГИ КБНЦ РАН. Благодаря его неустанному стремлению сохранить духовное наследие народа, до современного поколения дошли аутентичные образцы мифологической и семейно-обрядовой поэзии, а также историко-героические песни, легенды и предания. Кроме того, были собраны и изучены этнографические, лингвистические и исторические материалы, что дает возможность исследователям глубоко изучать национальные корни.

Особого внимания в духовном наследии С. Шахмурзаева заслуживают «Балкарский топонимический словарь» (в соавторстве с известным ученым Джамалдином Коковым), «Календарь горца», которые представляют фундаментальную и практическую научную ценность в первую очередь для этнографов, фольклористов, лингвистов. В настоящее время, названные издания являются библиографической редкостью, что актуализирует вопрос об их переиздании, в том числе при участии Союза писателей КБР.

С. Шахмурзаев обладал феноменальной памятью, энциклопедическими знаниями об истоках, истории, духовной культуре балкарского народа. Это обусловило высокую востребованность как его книг, так и личных консультаций в научно-исследовательской среде. С ним активно сотрудничали региональные ученые (А.И. Мусукаев, И.М. Чеченов, Х.М. Малкондуев, Т.М. Хаджиева). Кроме того, С. Шахмурзаев выступал в роли информатора и консультанта для известных ученых-кавказоведов Л.И. Лаврова, П.Г. Акритаса, Ионе, которые выражали ему искреннюю признательность и благодарность за содействие в научных исследованиях. В частности, советский этнограф Леонид Иванович Лавров упоминает о С. Шахмурзаеве в своей книге «Историко-этнографические очерки Кавказа» (Ленинград, 1978).

Востребованность С. Шахмурзаева выходила за рамки научных кругов. В 1960-е гг. в республику регулярно приезжали делегации из Сирии, Иордании, Турции. В качестве переводчика для взаимодействия с иностранными гостями

приглашался и Саид, владевший арабским и турецким языками на высоком профессиональном уровне. Его лингвистические компетенции и глубокое понимание культурных традиций обеспечивали эффективное межкультурное общение и способствовали укреплению международных связей.

Саид Шахмурзаев воспринимался современниками не просто как педагог, фольклорист, писатель, а как символическая фигура, воплощающая нравственный авторитет и духовную силу балкарского народа. Документальные свидетельства и мемуарные источники подтверждают многогранность личности С. Шахмурзаева и масштаб его вклада в духовное развитие народа. Важным и ценным источником для воссоздания портрета яркой личности служат воспоминания тех, кто близко с ним общался и взаимодействовал. Среди них – классик Алим Теппеев, чьи свидетельства позволяют глубже раскрыть незаурядный характер балкарского мудреца: «Саид Шахмурзаев по природе своей был человеком скромным. За время многолетнего общения с ним, наших совместных путешествий по Балкарии и Карачаю, я не помню ни одного случая, когда б он был чем-нибудь недоволен или требовал к себе, аксакалу, особого внимания. Он много знал, умел смотреть на мир мудро и спокойно» [Теппеев 1976: 13].

На основании анализа жизненного и творческого пути С. Шахмурзаева можно констатировать, что ему была исторически отведена миссия просветителя и хранителя культурного наследия балкарского народа. В его деятельности особое внимание уделялось сохранению преемственности поколений и передаче духовных ценностей, независимо от идеологических установок исторической эпохи. С. Шахмурзаев, активно занимаясь сбором, систематизацией и популяризацией фольклорных, этнографических и лингвистических материалов, способствовал обогащению культурного фонда этноса.

Таким образом, вклад Саида Шахмурзаева в социокультурное развитие балкарского народа отличался комплексным подходом, который включал интеграцию продвижения общественных идей с сохранением и передачей традиционных духовно-нравственных ориентиров, что обеспечило ему устойчивое признание и высокую оценку в исторической памяти этноса.

Список источников и литературы

Гуртуев 2004 – *Гуртуев Б.И.* Ол заманны бети, излеми эди (Он был лицом, требованием времени) // Заман (Время). 2004. 24 авг.

Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Дауд-Хаджи Шаваев // Очерки истории балкарской литературы / Отв. ред. З.Х. Толгуров. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 89–105.

Маммеев 2006 – *Маммеев И.Ш.* Юй ишлеген балта тышында къалмасын (Топор, построивший дом, не остается в стороне) // Саид Шахмурзаев: Стихотворные произведения. Статьи, очерки о жизни и творчестве/ Сост. А.Т. Додуева. Нальчик: Эльбрус, 2006. Б. 350–352.

Теппеев 1976 – *Теппеев А.М.* Народный поэт // Саид Шахмурзаев. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 5–14.

Урусбиева 2006 – *Урусбиева Ф.А.* Три паломничества Саида Шахмурзаева // Саид Шахмурзаев: Стихотворные произведения. Статьи, очерки о жизни и творчестве/ Сост. А.Т. Додуева. Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 317–322.

Шахмурхаев 2006 – *Шахмурзаев Ю.С.* Саид Шахмырзаны жашауундан (Из жизни Саида Шахмурзаева) // Саид Шахмурзаев: Стихотворные произведения. Статьи, очерки о жизни и творчестве/ Сост. А.Т. Додуева. Нальчик: Эльбрус, 2006. Б. 233–294.

References

GURTUEV B.I. *Ol zamanny beti, izlemi ehdi* [He was the face, the demand of the times]. IN: Zaman [Time]. 2004. 24 avg. (In Balkarian)

MALKONDUEV KH.KH. *Daud-Khadzhi Shavaev* [Daud-Hadji Shavaev] IN: Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkar literature] / Otv. red. Z.KH. Tolgurov. Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. P. 89–105. (In Russian)

MAMMEEV I.SH. *Yui ishlegen balta tyshynda k''almasyn (Topor, postroivshii dom, ne ostaetsya v storone)* [The axe that built the house doesn't stand aside] IN: Said Shakhmurzaev: Stikhotvornye proizvedeniya. Stat'i, ocherki o zhizni i tvorchestve/ Sost. A.T. Dodueva [Said Shakhmurzaev: Poetic works. Articles, essays on life and work / Comp. A.T. Dodueva]. Nal'chik: Ehl'brus, 2006. P. 350–352. (In Balkarian)

TEPPEEV A.M. *Narodnyi poeht* [People's poet] IN: Said Shakhmurzaev. Izbrannoe [Said Shakhmurzaev. Favorites]. Nal'chik: Ehl'brus, 1976. P. 5–14. (In Russian)

URUSBIEVA F.A. *Tri palomnichestva Saida Shakhmurzaeva* [Three pilgrimages of Said Shakhmurzaev] IN: Said Shakhmurzaev: Stikhotvornye proizvedeniya. Stat'i, ocherki o zhizni i tvorchestve/ Sost. A.T. Dodueva [Said Shakhmurzaev: Poetic works. Articles, essays on life and work/Comp. A.T. Dodueva]. Nal'chik: Ehl'brus, 2006. P. 317–322. (In Russian)

SHAKHMURZAEV YU.S. *Said Shakhmyrzany zhashauundan (Iz zhizni Saida Shakhmurzaeva)* [From the life of Said Shakhmurzaev] IN: Said Shakhmurzaev: Stikhotvornye proizvedeniya. Stat'i, ocherki o zhizni i tvorchestve/ Sost. A.T. Dodueva [Said Shakhmurzaev: Poetic works. Articles, essays on life and work/Comp. A.T. Dodueva]. Nal'chik: Ehl'brus, 2006. P. 233–294. (In Balkarian)

Информация об авторе

А.М. Гузиева (Сарбашева) – доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.M. Guzieva (Sarbasheva) – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 27.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 27.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Научная статья
УДК 398 +398.87
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-100-113

У ИСТОКОВ АДЫГСКОГО ЭПОСОВЕДЕНИЯ

Адам Мухамедович Гутов[1], Ляна Адамовна Гутова[2]✉

[1,2] Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия
[1] adam.gut@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7526-3719
[2] divam@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-3072-2234

© А.М. Гутов, Л.А. Гутова, 2026

Аннотация. Статья посвящена анализу научных трудов и основных этапов жизни и деятельности А.И. Алиевой, одного из крупнейших отечественных специалистов в области эпосоведения и кавказской фольклористики XX в. Цель работы – определить ключевые направления многолетней научной деятельности ученого, установить значение ее трудов в истории адыгской, кавказской и отечественной филологии. Этим обусловлен выбор традиционного историко-сравнительного метода как основного; по мере необходимости используются приемы более частных методик. В особенности значительны труды А.И. Алиевой как исследователя эпоса, причем они определили главное направление в изучении архаических нартских сказаний, а также историко-героических песен и преданий адыгов. Наряду с этим она внесла весомый вклад в исследование мифологии и фольклора других народов Северного Кавказа. Отмечается ее ключевая роль в работе по установлению этапов истории адыгской и кавказской фольклористики. Также примечательно ее активное участие в исследовании современного литературного процесса, о чем можно судить по публикациям, посвященным общим проблемам эволюции национальной литературы и творчеству ее отдельных представителей. Бесценными признаны монографические труды А.И. Алиевой по освещению этапов истории возникновения и становления в XIX в. российского академического кавказоведения как одного из направлений отечественной науки. В частности, высоко оцениваются монографические труды, посвященные таким выдающимся ученым В.Ф. Миллеру, А.М. Шёгрену, С.С. и П.С. Уваровым. Рассмотрение в комплексе научной, организаторской, научно-педагогической деятельности А.И. Алиевой позволяет признать, что она является одним из выдающихся отечественных специалистов, чьи труды определяют основной вектор гуманитарных исследований в области адыгской, кавказской и в целом отечественной фольклористики.

Ключевые слова: эпосоведение, кавказоведение, фольклористика, мифология, адыгский нартский эпос, история, филология

Для цитирования: Гутов А.М., Гутова Л.А. У истоков адыгского эпосоведения // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 100–113. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-100-113

Original article

AT THE ORIGINS OF ADOBE EPIC STUDIES

Adam M. Gutov[1], Lyana A. Gutova[2]✉

[1,2] Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia,

[1] adam.gut@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7526-3719
[2] divam@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-3072-2234

© A.M. Gutov, L.A. Gutova, 2026

Abstract. The article is devoted to the analysis of the scientific works and the main stages of the life and work of A.I. Alieva, one of the most prominent domestic specialists in the field of epic studies and Caucasian folklore studies in the 20th century. The aim of the work is to identify the key areas of the scholar's long-term scientific activity and to establish the significance of her works in the history of Adyghe, Caucasian, and Russian philology. This determines the choice of the traditional historical-comparative method as the main one; as necessary, techniques of more specific methodologies are used. The works of A.I. Aliyeva as a researcher of the epic are particularly significant; they defined the main direction in the study of archaic Nart legends, as well as historical-heroic songs and legends of the Adyghe people. Along with this, she made a significant contribution to the study of the mythology and folklore of other peoples of the North Caucasus. Her key role in establishing the stages of the history of Adyghe and Caucasian folklore studies is noted. Her active participation in the study of the contemporary literary process is also noteworthy, as can be seen from publications devoted to general issues related to the evolution of national literature and the works of its individual representatives. A.I. Alieva's monographic works on the historical stages of the emergence and development of Russian academic Caucasus studies in the 19th century as one of the areas of national science are considered invaluable. In particular, the monographic works devoted to such outstanding scholars as V.F. Miller, A.M. Shogren, and S.S. and P.S. Uvarov are highly regarded. A comprehensive examination of A.I. Alieva's scientific, organizational, and scientific-pedagogical activities allows us to acknowledge that she is one of the outstanding domestic specialists whose works define the main direction of humanities research in the field of Adyghe, Caucasian, and, more broadly, domestic folklore studies.

Keywords*:* epic studies, Caucasian studies, folklore studies, mythology, Adyghe Nart epic, history, philology

For citation*:* Gutov A.M., Gutova L.A. At the Origins of Adyghe Epic Studies Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 100–113. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-100-113

13 июня 2026 г. завершила свой земной путь Алла Ивановна Алиева, выдающийся исследователь традиционной культуры и современных литератур народов Кавказа и России. Без малого шесть десятилетий длилась ее научная и творческая деятельность, и результаты столь внушительного супермарафона настолько значительны по тематическому диапазону и глубине анализа, что для их относительно полного освещения и установления значимости для науки потребуется отдельное развернутое исследование. Задача же настоящей работы – затронуть основные этапы жизни и охарактеризовать основные направления деятельности этого воистину большого отечественного ученого. В своей работе мы руководствовались традиционной методикой историко-сравнительного анализа в сочетании с описательно-статистическими приемами и как на основной источник опирались на опубликованные научные и научно-популярные труды А.И. Алиевой, а также на личные наблюдения за многие годы общения, а иногда и выполнения совместных работ.

В анкетных данных, которые составлялись самой Аллой Ивановной или же с ее слов, биография ее может уместиться в нескольких строках. Она родилась 19 декабря 1935 г. в глухой сибирской деревушке, где ее мать отбывала ничем не заслуженное наказание. После освобождения «за отсутствием состава преступления» мать с дочерью, грудным младенцем, оказалась в Нальчике. Здесь жизнь свела ее с моздокским кабардинцем Иваном Алиевым, который удочерил девочку, дал ей свою фамилию и имя, а также в графе национальность записал «черкешенка».

Такова история появления будущей исследовательницы традиционной культуры и литературы адыгов и других народов Кавказа. В конце сороковых и начале пятидесятых годов она училась в легендарной Нальчикской школе-интернат. Это было не совсем обычное учебное заведение, где чуть ли не со всех наиболее

известных центров большой страны были собраны на редкость квалифицированные педагогические кадры, каких только можно было отыскать в то время. Неудивительно, что выпускники такой школы затем имели реальную возможность поступить и успешно учиться в любом из вузов страны, который они выбирали. Окончив ее с медалью, Алла Алиева в тот же год поступает на филологический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова, который оканчивает с отличием в 1958 г.

С той поры вся ее жизнь связана только с одним учреждением, ИМЛИ – Институтом мировой литературы имени А.М. Горького Академии наук СССР (ныне Российской академии наук). Начинала она, как и многие другие, с должности технического сотрудника, совмещая это с учебой в аспирантуре; затем, после успешной защиты кандидатской диссертации, она становится младшим научным сотрудником. В этом звании ей довелось состоять добрых полтора десятка лет, фактически вплоть до представления к защите докторской диссертации, хотя она давно имела и довольно солидное количество опубликованных блистательных научных трудов, и широкое признание в кругу ведущих специалистов страны. С 1989 по 2016 гг., фактически 27 лет, А.И. Алиева отдала трудоемкой, не всегда благодарной, но чрезвычайно ответственной работе – должности ученого секретаря Института мировой литературы. За столь продолжительное время в учреждении сменилось несколько директоров, их заместителей, руководителей отделов и секторов, но все эти годы одним из залогов стабильной работы Института оставалось во многом то, что Алла Ивановна бессменно находилась на одной должности (фактически – главного ученого секретаря, так как в каждом подразделении крупного научного учреждения был свой ученый секретарь), обеспечивая упорядоченность сложной документации, процедур планирования, строгой отчетности и системы обеспечения выполнения государственных заданий. Тем самым сохранялись преемственность стратегической линии дирекции и слаженность работы научных и технических подразделений, а это было во многом залогом успеха большого коллектива в целом. Только в преклонном возрасте, когда ей было уже за 80, ей довелось освободиться от груза административных хлопот, однако отнюдь не для того, чтобы остаток жизни отдыхать на пенсии: прирожденный исследователь, А.И. Алиева получила больше времени для занятий сугубо научной деятельностью, которую она, по сути, никогда и не прекращала, хотя была вынуждена тратить драгоценное время и энергию на административно-техническую работу. Так и получилось, что некоторые из ее фундаментальных трудов выполнялись именно «в свободное от основной работы время» и вне плана. Зато в последние десять лет жизни она смогла осуществить многие свои давние замыслы: книги, подготовленные с ее ключевым участием или же ею самой написанные, выходили в последние годы одна следом за другой с минимальным для подобных изданий интервалом. И все-таки даже при этом многие замыслы так и остались нереализованными.

Круг ее научных интересов формировался в русле проблем адыгского фольклора, более всего – эпоса, причем во всех его разновидностях – архаических сказаниях о богатырях-нартах, историко-героических песнях и преданиях и пр. Обозревая научное наследие большого ученого, мы посчитали возможным выделить несколько наиболее важных направлений.

Эпосоведение. Это, конечно, главный вектор ее изысканий в области адыгского фольклора. Кандидатская диссертация была посвящена образу нарта Сосруко, центрального героя архаического эпоса адыгов. На ее основе, но значительно расширив тематический диапазон и углубив анализ, А.И. Алиева выпускает в свет свое первое монографическое исследование [Алиева 1969]. Это одна из самых первых фундаментальных работ, посвященных адыгской версии нартского эпоса, поэтому для истории кавказского эпосоведения особенно важен тот ракурс, который

был в ней избран. Дело в том, что выход в свет известного труда В.И. Абаева [Абаев 1945], где громогласно была постулирована заявка на приоритет одного этноса в вопросе происхождения основного ядра нартских сказаний, должен был спровоцировать и, по сути, спровоцировал острую реакцию со стороны и ведущих фольклористов страны, и национальной интеллигенции кавказских регионов, а также исследователей, знакомых с другими этноязыковыми версиями нартского эпоса. О нежелательности и бесперспективности дискуссий на эту тему заявлял еще В.Ф. Миллер [Миллер 2008: 83–85]. Эту же идею высказывал гораздо позднее Б.И. Куашев в статье, написанной в самом начале 50-х годов [Куашев 1968: 133–135]. Однако суждения ни выдающегося русского ученого, ни начинающего тогда кабардинского исследователя не были никем приняты во внимание. Этноцентрические суждения большого ученого вызвали довольно бурную реакцию, они разгорелись, вовлекая в свою орбиту массу людей, большинство из которых не имели даже ясного представления о природе эпического творчества, но были преисполнены жаждой во что бы то ни стало, порою вопреки фактам, отстоять свою заранее заданную точку зрения. Отголоски их не только не утихли в настоящее время, но под влиянием тотальной «суверенизации» горбачевско-ельцинского времени вспыхнули в некоторых местах с новой силой. В свете этого примечательно, что А.И. Алиева уже в своей первой монографической работе избрала позицию, наиболее достойную уровня поистине академического ученого: она не стала вступать в дебаты по поводу этнических атрибуций, а, следуя подлинно объективной позиции таких исследователей как В.Ф. Миллер, Б.И. Куашев и др., предпочла пойти по пути «…определения художественного значения, поэтического совершенства, <…> социально-исторического смысла, общественного значения и познавательной ценности эпоса» [Куашев 1968: 135]. Она начала с того, что тщательно собрала все, имевшее прямое отношение к теме, от аутентичных записей полевого материала и их публикаций до суждений ведущих ученых-эпосоведов. Затем Алла Ивановна старательно систематизировала все доступные материалы, составила их по возможности полное научное описание, констатировала форму естественного бытования сказаний, степень популярности каждого из мотивов и сюжетов, а далее – историю собирания и изучения сказаний, отметила ареал их функционирования с указанием частотности записей. Затем она подвергла историко-сравнительному анализу основные сюжеты, мотивы, образы персонажей адыгской версии эпоса, внимательно выявила поэтические особенности, включая характер сюжетосложения, композиции, ритмической организации текстов, изобразительно-выразительных языковых приемов. За кажущейся простотой работ подобного рода всегда стоит огромный труд по добросовестному изучению множества записей и публикаций, их многостороннему анализу с точки зрения типологии мотивов, сюжетов, характера бытования, особенностей художественной организации текста, поэтического языка, отражения языковой стилистической специфики мировосприятия носителей традиции.

В результате получилось так, что, никоим образом не настаивая на каких бы то ни было подлинных или же мнимых приоритетах, не вступая ни в какие бесполезные споры по несущественным поводам, А.И. Алиева продемонстрировала со всей убедительностью, что сказания о богатырях-нартах являются для адыгочеркесов такой же органической частью этноязыковой культуры, таким же неотъемлемым атрибутом словесного и синкретического искусства, каковым он может быть признан и для других народов Кавказа, у которых они бытуют. Кстати, на подобную позицию она ориентировала и А.З.Холаева, автора первой монографической работы по карачаево-балкарской версии нартского эпоса, которая вышла под редакцией А.И. Алиевой [Холаев 1974]. Эта особенность ее труда была замечена и отмечена не сразу, видимо, по той причине, что в нем не акцентировалось внимание на громких полемических вопросах, которые чаще всего привлекают интерес

со стороны и читателей, и некоторой части ученых. Однако в настоящее время, когда опубликовано огромное количество аутентичных текстов, а кавказское эпосоведение представлено десятками монографических трудов и сотнями статей, большинство которых написано авторами достаточно компетентными, ракурс, избранный А.И. Алиевой почти шесть десятилетий назад, представляется наиболее перспективным и в научном отношении гораздо более выдержанным в духе «академической» объективности: сказания о нартах являются достоянием традиционной культуры тех народов, у которых они бытуют, а сами эти народы, несмотря на пестроту современной языковой картины, связаны узами генетического родства, что и предопределило полиэтнический характер бытования эпических сказаний. Это никак не согласуется с концепцией о пресловутом механическом заимствовании, которое, по сути своей, нехарактерно для природы архаических эпосов.

Столь же значительны труды ученого в области *героико-исторических песен и сказаний* в адыгском фольклоре. Правда, разрозненные статьи на данную тему были опубликованы в свое время в разных периодических или серийных изданиях, они не составили единую по замыслу монографию, хотя при их объединении такое само напрашивается. Но от этого их научная значимость нисколько не ниже. Так, в работах Аллы Ивановны по младшему эпосу впервые поставлен вопрос об интерпретации образа Андемиркана, одного из самых популярных героев адыгского фольклора. Прежде всего, исследователь выдвигает концепцию о том, что многосюжетный эпический цикл из песни и преданий об Андемиркане представляет собой отдельное жанровое образование, отличающееся и от архаических нартских нарративов, и от песен и преданий младшего эпоса. На этом основании А.И. Алиева считает, что эпический образ Андемиркана следует воспринимать не как слепок с одного реального исторического лица, а как явление собирательное, возникшее на основе поэтизации конкретных личностей и событий, но прошедшее через горнило фольклорно-художественного отражения с его традиционными приемами идеализации, а также подчинения событий, мотивов и образов отдельных личностей фольклорным стереотипам. По данной причине весь цикл о данном герое надо рассматривать не как некий субститут исторической хроники, а как явление, сформированное по законам художественного творчества. И если даже допустить, что у эпического персонажа был прототип (что весьма вероятно), то и в этом случае образ не мог избежать «переформатирования» в соответствии с теми стандартами эпической идеализации, которые по характеру отражения действительности и особенностям типизации свойственны фольклорному художественному мировосприятию [Алиева 1975; Алиева 1980]. Это принципиально новый взгляд на природу младшего эпоса в целом: то обстоятельство, что большинство песен данной жанровой разновидности возникало по следам реальных событий, заслоняло в исследованиях многих авторов роль таких важнейших компонентов произведения искусства как художественный вымысел, а в фольклоре также и стереотипизация на уровне сюжета и образа.

Огромны заслуги А.И. Алиевой в исследовании поэтического своеобразия другой разновидности эпического народного творчества – *адыгских волшебных сказок*. Как известно, сказка как явление словесного искусства представляет собой в фольклоре многих народов бесчисленное количество мотивов, сюжетов и образов. Помимо того, она чуть ли не самый увлекательный и поливалентный из всех жанров народного словесного искусства: она легко мигрирует из одной этноязыковой среды в другую и способна относительно свободно аккумулировать сюжеты, зародившиеся в других жанрах – мифологических нарративах, героическом эпосе и даже в преданиях и легендах. С одной стороны, такое свойство делает сказку одним из самых популярных и разнообразных явлений фольклора по тематике и поэтике. Но особенность ее заключается еще в том, что сказка на один и тот же сюжет объективируется в каждой этноязыковой среде исключительно

по-своему. Это один из редких случаев, когда тезис – *материал остается материалом, искусством же является характер его обработки* – оказывается настолько очевидным, что оно даже не требует дополнительных доказательств. В данном плане интерес представляют и модификации сюжетов в каждой этноязыковой среде, и варианты одних и тех же произведений в записях от разных информантов на одном и том же языке. В чем заключается искусство и разнообразие в исполнении адыгских сказочников – эта проблема решается исследованием поэтики богатырских и волшебных сказок в фундаментальном исследовании А.И. Алиевой «Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов» [Алиева 1986]. Блестящее решение сложной проблемы обеспечило автору присвоение ученой степени доктора филологических наук. Этим исследованием в отечественной и мировой науке впервые нашел свою научную систематизацию арсенал сюжетов, мотивов, персонажей адыгского фольклора, были тщательно осмыслены и приведены в единую систему приемы поэтической выразительности, характеризующие адыгскую сказку как жанр. Помимо того, немаловажно и то, что в научный обиход отечественной филологической науки был введен богатый по содержанию и интересный по своей форме фактический материал, значительно пополнивший представление и о художественном своеобразии адыгского фольклора, и о параметрах функционирования волшебной сказки как феномена общечеловеческой традиционной культуры.

Текстологическая и эдиционная работа. В данном случае деятельность по работе с текстами и изданию фактических материалов сопоставима своим объемом и историко-культурной значимостью с академическими исследованиями. В наследии А.И. Алиевой она занимает соответствующее важное место. Первой большой работой в этой области явилась публикация тома адыгских нартских сказаний в только что основанной Институтом мировой литературы серии «Эпос народов СССР» [Нарты 1974]. Над этой книгой работал целый коллектив, в который входили ученые и самого ИМЛИ, и других научных учреждений. В выходных данных книги имя А.И. Алиевой фигурирует как одного из трех составителей и как переводчика текстов на адыгском языке на русский. Формально это соответствует действительности. Однако здесь же требуется пояснить некоторые подробности. Во первых, функции двух других составителей, З.П. Кардангушева и А.М. Гадагатля, личностей поистине заслуживающих всяческого почтения, были ограничены тем, что они представили тексты на языке оригинала с соответствующими комментариями, и это они сделали безупречно профессионально. Но составлять структуру тома с определением последовательности циклов, а в составе цикла – сюжетов, а далее с определением места каждого текста в основном корпусе или приложениях и пр., выпало на долю Аллы Ивановны. К этому прибавилось и то, что техническая работа по вычитке гранок – поскольку книга издавалась в Москве, а два других составителя проживали в своих городах – также легла на ее плечи. Помимо того совершенно новым видом работ оказался и перевод: для научного издания равным образом не годились ни лингвистический подстрочный тип перевода, ни чрезмерно вольный художественный. Первый был попросту непригоден для широкой аудитории читателей, а второй при легкости восприятия уходил вынужденно далеко от подлинника с его своеобразным этноязыковым колоритом. Потребовалось искать вариант, который стал бы относительно легким для рядового читателя, но в то же время был бы лишен той вольности в передаче этноязыкового колорита, каким обычно грешит поэтический перевод, выполняемый профессиональными литераторами. Обозревая опыт работы в данном направлении за последние несколько десятилетий, можно с благодарностью признать, что началом для разработки типа перевода, ныне практикуемого в нашем научном коллективе (такие издания как многотомники народных песен адыгов и карачаево-балкарцев, антологических сводов фольклора этих народов) послужила в значительной степени практика работы А.И. Алиевой над адыгским томом из серии «Эпос народов

СССР». Помимо того, это был фактически первый случай, когда столь внушительное количество аутентичных текстов, максимально близких к подлиннику, стало достоянием в равной мере и широкой читательской публики, и ученых. В данном плане отечественная фольклористика впервые получила достоверные материалы, позволяющие в корне пересмотреть отношение к адыгской версии нартского эпоса. Разумеется, впоследствии, при издании томов иных этноязыковых версий, этот опыт был учтен, а порою обогащен и усовершенствован. Но опыт работы над данным томом послужил началом создания той методики перевода, который получил свое развитие в последующих изданиях не только серии «Эпос народов…», но также и фольклорных материалов, публикуемых нашим Институтом по настоящее время. Помимо того, есть основания считать, что с появлением внушительного числа аутентичных текстов с научно-аналитическим переводом их на русский язык поставлена точка в вопросе о том, будто в какой-то одной этноязыковой среде эпос представлен во всем великолепии, а у других он не более, чем отдельные фрагменты поэтической культуры, «трансплантированные» из некоей инородной почвы. Стало невозможно игнорировать богатый фактический материал адыгских нартских сказаний, многократно записанных, по сути, во всех местах, где в настоящее время компактно проживают рассеянные по всему свету адыго-черкесы.

В середине 70-х годов А.И. Алиева вне всяких планов, а просто по своей инициативе, задалась целью собрать воедино разрозненные материалы чуть ли не всех жанров адыгского фольклора, которые были записаны в течение XIX – начала XX вв. Основной источник – это публикации в дореволюционных российских изданиях, каковых, как оказалось, набирается внушительное количество. К тому же, сами эти издания были совершенно разными по профилю – от сугубо научных журналов и академических серийных многотомников до рассчитанных на широкую публику газет, популярных книг и брошюр, нередко представляющих собой образчики легкого чтива. Приходилось не просто искать отдельные публикации, но также и отфильтровывать подлинно научные записи от вольных пересказов и, тем более, от явных мистификаций, каковых также было немало.

Помимо того, потребовалось решать и сугубо утилитарную техническую проблему: в 70-е годы, когда А.И. Алиева приступила к данной работе, копировальные множительные аппараты были редкостью даже в самых больших государственных библиотеках и научных учреждениях. Поэтому невольно понадобилось взять на себя организационные хлопоты и материальные затраты по изготовлению копий, что оказалось довольно накладно для рядового научного сотрудника. Несмотря на это рукопись была подготовлена, и в 1979 г. вышел первый, довольно увесистый, том с текстами дореволюционных записей адыгского фольклора [Фольклор адыгов 1979], через некоторое время увидела свет и вторая часть [Фольклор адыгов 1988]. Издание сопровождалось большой статьей составителя и инициатора издания под названием «Возникновение адыгской фольклористики в XIX веке» [Фольклор адыгов 1979: 13–47]. В ней фактически впервые нашел свою систематизацию и научное осмысление начальный этап истории возникновения и становления адыгской фольклористики как явления культуры. Во второй книге было дано в виде предисловия фактически продолжение первой статьи с некоторыми важными уточнениями [Фольклор адыгов 1988: 237–264]. Таким образом, было положено начало научной систематизации истории адыгской фольклористики – тексты и исследование. Оно базировалось на впервые собранном воедино фактическом материале записей и публикаций, которые были осуществлены российскими учеными и представителями адыгского просветительского движения за период с середины XIX до первых двух десятилетий XX вв. Обширный материал, собранный из разных источников буквально по крупицам, явился красноречивым иллюстративным материалом, подтверждающим верность наблюдений и выводов автора.

Работая над адыгскими текстами, исследователь фиксировала параллельно записи и публикации образцов фольклора других народов Кавказа. Результатом явилась последовавшая серия изданий текстов с сопроводительными научными статьями и комментариями. Так, в 1983 г. благодаря стараниям А.И. Алиевой и Т.М. Хаджиевой вышел том, в котором были собраны материалы по фольклору и этнографии карачаевцев и балкарцев [Фольклор карачаевцев и балкарцев 1983]. Позднее в сотрудничестве с учеными Грозного и Магаса были изданы не менее содержательные тома по фольклору и традиционной культуре чеченцев [Фольклор и этнография … 2020] и ингушей [Фольклор, этнография... 2024].

Заслуживает быть отмеченной также роль А.И. Алиевой в публикации материалов фольклора в популярной серии «Сказки и мифы народов Востока» [Сказки 1978; Абазинские…1985], а также адаптированных изданий сказок народов Кавказа в издательствах Москвы, Нальчика, Майкопа. Эта работа, представляющаяся как бы второстепенной для ученого, имела огромное значение, так как через такие публикации образцы словесного искусства одного народа становились достоянием общечеловеческой культуры. Разумеется, подобного рода деятельность велась параллельно с сугубо исследовательской, причем не только на адыгском материале, поэтому есть основания считать значительными заслуги А.И. Алиевой в деле публикации образцов фольклора и соседних народов. Все это, казалось бы, не должно входить в круг интересов академического ученого, но то, что занимало и привлекало внимание Аллы Ивановны не ограничивалось ни сугубо научными, ни этноязыковыми рамками. Главное – вовлечению разноязычного фольклорного материала в обиход широкого круга читателей приносило пользу всему обществу – и науке, и огромной массе рядовых читателей. Достойно быть отмеченным, что все, за что она бралась, и что бы ни выходило из-под ее пера, неизменно бывает отмечено знаком высокой культуры и компетентности.

Литературоведение. Тот факт, что А.И. Алиева по основному профилю деятельности являлась фольклористом, иногда заслоняет сделанное ею в области адыгского литературоведения. Между тем одно ее участие в подготовке первого русскоязычного систематизированного труда по истории кабардинской литературы уже достойно неподдельного внимания к ее личности как литературоведа [Очерки… 1968]. Достойно особого внимания то, что при наличии в авторском коллективе таких авторитетных специалистов как З.М. Налоев (руководитель рабочей группы), А.Т. Шортанов, И.В. Тресков и М.Г. Сокуров книга вышла под редакцией А.И. Алиевой: это не просто этикетный жест, а признание высокой компетентности тогда еще молодого исследователя. И, надо признать, в том, что этот труд до настоящего времени остается одним из основных источников по истории национальной литературы немалая заслуга принадлежит его научному редактору. Она же является автором статей-исследований, посвященных творчеству Бекмурзы Пачева, Алима Кешокова, актуальным проблемам истории и состояния современной кабардино-черкесской и адыгейской литератур. К этому надо обязательно прибавить и то, что она живо откликалась рецензиями в центральных печатных органах на выход работ, касающихся проблем развития литератур и других народов Северного Кавказа. Мало этого, она находила компетентных рецензентов из Нальчика, Майкопа, Сухума и др., организовывала публикации их отзывов в центральной прессе.

Исследования в области отечественной гуманитарной науки. Даже беглого обзора ее основных трудов достаточно, чтобы увидеть, как, исследуя адыгский материал, А.И. Алиева переходит естественным образом к охвату фактов словесного искусства соседних народов, а это рассматривается, в свою очередь, в широком контексте истории отечественной и европейской науки. Красноречивым свидетельством тому могут служить три основательных исследования с сопровождающими их обширными приложениями. Первое из них, изданное в солиднейшей

академической серии «Памятники отечественной науки. XX век», посвящено выдающемуся ученому, академику В.Ф. Миллеру [Миллер 2008]. Как можно было бы полагать, жизнь и творчество этого знаменитого исследователя изучены во всех аспектах, наиболее важных для истории науки. Однако в издании, которое было подготовлено по инициативе и ключевом участии Аллы Ивановны, получает более полное и во многом новое освещение та сторона деятельности выдающегося русского ученого, на которую ранее обращалось меньше внимания – его заслуги в деле изучения традиционной культуры разных народов Кавказа. Справедливость требует заметить, что к подготовке данного тома имели отношение несколько человек, но, как мы отметили, ключевой фигурой и инициатором издания (объемом почти в тысячу страниц!) явилась именно Алла Ивановна. При этом работа, выполненная ею, это основная часть цикла – обстоятельная вводная статья с подробными комментариями и приложениями, которые она же и расположила соответственно логике, которой должна подчиняться композиция научного издания. По объему и содержанию из статьи получилась небольшая монография (без малого 5 п.л.), в которой впервые в истории российской науки освещается со всей основательностью вклад академика В.Ф. Миллера в исследование языка, истории, фольклора, других аспектов традиционной культуры осетин, адыгов, татов (горских евреев), других народов, населяющих этот край.

Если относительно названной книги можно сказать, что она *восполняет* научный облик хорошо известного выдающегося отечественного ученого, то появление двух последующих можно приравнять к *открытиям*. Поэтому их автор с полным основанием обозначила степень новизны в самих названиях. Первая из них посвящена академику Императорской российской академии наук А.М. Шёгрену [Алиева 2010]. Создавалась она в результате напряженной изыскательской работы, длившейся в течение нескольких лет: А.И. Алиева многократно ездила в Финляндию, где в архивах хранятся материалы Шёгрена, финна по происхождению, осуществила настоящее архивное поисковое расследование, чтобы выявить и привести в систему обширное кавказоведческое наследие ученого, имя которого фактически забыто или же вспоминается как эпизодическое лицо в истории отечественной науки. На самом деле, как убедительно доказано в исследовании, это истинный подвижник, сделавший много на своем поприще, и по своему статусу не менее, чем один из основоположников российского академического кавказоведения. Это убедительно, с вводом в научный оборот ранее никем не привлекавшихся материалов доказывается в названной книге. Для специалистов по адыгской части особенно важно заметить, что в своих поисках по архивам Финляндии (куда ныне доступ нашим отечественным специалистам закрыт наглухо в связи со вступлением страны в НАТО) Алла Ивановна обнаружила ранее не известные материалы, касающиеся плодотворного сотрудничества А.М. Шёгрена с кабардинским просветителем Шорой Ногмовым. Кроме этого, в монографии чуть ли не по дням и часам прослежено путешествие академика по Кавказу, длившееся почти два с половиной года, за которые российский ученый побывал в разных уголках Кавказа, Крыма и Юга России. Результатом поездки стали и заметки, и отчеты в Академию, и основательные исследования в области языков, традиций, образа жизни многих народов обширного края. Нельзя сказать, будто об этом замечательном ученом отечественные исследователи совсем забыли. Но до появления монографического труда А.И. Алиевой никто не предпринял даже попытки воссоздать целостное представление об истиной роли А.М. Шёгрена в истории отечественной науки и в особенности – кавказоведения.

Не менее примечателен третий труд, который посвящен чете графской фамилии Уваровых [Алиева 2017], более печально известных провозглашенной старшим Уваровым, Сергеем Семеновичем, фразой: «православие, самодержавие, народность». Этот девиз, ассоциирующийся с не самыми прогрессивными тенденциями во

внутренней политике Российской империи, никак не воспрепятствовал его автору в бытность его министром народного образования, а затем и Президентом Императорской академии наук деятельно предпринимать на государственном уровне меры по систематическому изучению быта, нравов, культуры, языков народов, населяющих огромную и все более расширяющуюся Империю. Он даже составлял планы по созданию особой академии, задачей которой должно было стать изучение народов Востока (естественно, включая и Кавказ). А.И. Алиева подобрала очень точное определение в названии своей книги об Уваровых – «Отреченные» страницы истории…». Их имена редко упоминаются, поскольку их бесспорно большие заслуги не вспоминаются. На самом деле многое, что имеет прямое отношение к настоящему живому, серьезному изучению Кавказа, а по сути и многих других народов, связано с именами представителей этой семьи. Огромная заслуга Аллы Ивановны состоит без сомнения в том, что она сумела документально установить, доказать, подтвердить подлинную бесспорно конструктивную роль Уваровых, и Сергея Семеновича, и Алексея Сергеевича, и его супруги Прасковьи Сергеевны, в научном, подлинно корректном и бережном отношении к проблеме культурного освоения Кавказа с его природными особенностями, разноязыким населением, богатой историей и культурой.

А.И. Алиева прожила долгую жизнь и ушла из жизни в преклонном возрасте, на 91 году. Однако и этого не хватило для осуществления всех ее замыслов: нам доподлинно известно, что такими же солидными изданиями она собиралась воздать дань еще нескольким деятелям российской академической науки. Лишь небольшими очерками и набросками успела она отметить кавказскую проблематику в творчестве А.П. Берже, Л.Г. Лопатинского, А.М. Дирра, Н.С. Трубецкого, жизнь и заслуги которых были, как она уверена, достойны самого пристального изучения. Но того, что ей удалось сделать в этом благородном направлении, достаточно для признания деятельности ее самой образцом служения науке.

Последним прижизненным изданием стала монография «Из истории российского академического кавказоведения», в которой составитель и научный редактор попытались объединить несколько разрозненных трудов на данную тему [Алиева 2023]. Приходится только сожалеть, что ограниченность в объеме и средствах не позволила включить в книгу очерки о целом ряде выдающихся российских ученых, внесших вклад в изучение Кавказа, но и в таком виде она будет полезной как для широкой читательской публики, так и для профессиональных ученых.

Обращаясь к роли такой неординарной личности как Алла Ивановна Алиева, невозможно обойти вниманием ту естественность, с которой в ней сочетались высокие профессиональные и сугубо человеческие качества, ее безгранично теплое отношение к окружающим. Будучи кавказоведом по роду занятий, она, русская по происхождению, но выросшая на Кавказе, как бы пропиталась духом лучших традиций материнской культуры и культуры горного края – великодушием, открытостью, внимательным, уважительным отношением к личности, к каждому человеку, гостеприимством, готовностью оказать всю посильную помощь любому, кто в этом нуждается. Это проявлялось, прежде всего, в ее взаимоотношениях со своими коллегами, когда кому-то требовалось содействие в подготовке научного труда, в защите диссертации, в организации важных научных мероприятий. При этом неизменная благожелательность никак не входила в противоречие с истинной взыскательностью: помогая, она непременно добивалась от подопечного такой самоотдачи, чтобы желанный результат оказался заслуженным. Авторам настоящей статьи довелось сотрудничать с Аллой Ивановной на протяжении многих лет. Один выполнял совместно с нею проекты по подготовке к печати и публикации фольклорных материалов и даже удостоился быть ответственным редактором одной из ее монографий [Алиева 2019] и составителем другой [Алиева 2023], а при защите им докторской диссертации она выступила строгим и требовательным

официальным оппонентом. У другой она стала научным руководителем по написанию кандидатской диссертации и этим оказала неоценимую поддержку как в выборе темы, так и в выработке методологии научного исследования, что всегда важно для человека, делающего первые шаги на поприще науки. Надо признать, что у нее не так много было аспирантов и соискателей, но примечательно одно: уж если Алла Ивановна взялась курировать какое-то исследование, можно было не сомневаться – оно будет доведено до своего успешного завершения, причем в установленные сроки и на самом высоком научном уровне. Она бескорыстно, никогда не считаясь с временем и силами, помогала многим в выборе темы исследования, в процессе написания научного труда, в редактировании, она могла без обращения к источникам, подсказать, где искать опорные материалы и какая существует теоретико-методологическая литература по данной проблеме. Нечастое в наше сложное время сочетание высокого интеллекта, редкостного трудолюбия и неизменной доброжелательности к окружающим сделали образ Аллы Ивановны Алиевой легендарным при жизни. Уход ее из этого мира – огромная утрата для отечественной гуманитаристики в целом и особенно для кавказоведения.

Знаками признания ее бесспорных заслуг стали почетные звания и награды, которых она была удостоена. В их числе звание Заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской республики, избрание действительным членом Международной черкесской академии наук, иностранным членом Академии наук Абхазии, почетным членом Чеченской академии наук, а также многочисленные грамоты и отличительные знаки. Так же следует отметить ее участие в редакционных коллегиях целого ряда периодических научных изданий, отдельных книг, выходящих в Москве, Нальчике, Махачкале и других центрах. Ее особой заслугой является то, что, будучи одной из немногих ученых, которые первыми приступили к системному изучению адыгского эпоса, она определила в своих трудах наиболее оптимальный вектор исследований, выдвинув приоритет историко-культурного значения и художественных достоинств сказаний и песен архаического и историко-героического плана. К этому уместно будет прибавить непререкаемый авторитет Аллы Ивановны Алиевой среди отечественных и зарубежных ученых самого высокого ранга, безграничное уважение и любовь со стороны коллектива сотрудников и коллег во всех концах страны и зарубежья. Все это она завоевала своим поистине бескорыстным служением науке и обществу.

Подводя итог нашим изысканиям, у нас есть бесспорные основания признать А.И. Алиеву одним из выдающихся специалистов в области фольклористики, в особенности – эпосоведения. Своими научными трудами, текстологической работой, архивными разысканиями, участием в становлении и развитии кавказской фольклористики, литературоведения, этнологии она внесла значительный вклад в сферу отечественной гуманитарной науки.

Список источников и литературы

Абаев 1945 – *Абаев В.И*. Нартовский эпос осетин. Ученые записки Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 10, вып. I. Дзауджикау, 1945. С. 3–144.

Абазинские 1985 – *Абазинские народные сказки*. Ответственный редактор, автор типологического анализа сюжетов и сводного указателя сюжетов А.И. Алиева. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 411 с.

Алиева 1969 – *Алиева А.И.* Адыгский нартский эпос. Москва-Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.

Алиева 1975 – *Алиева А.И.* Историко-героический эпос адыгов и его стадиальная специфика // Фольклор. Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 139–161.

Алиева 1980 – *Алиева А.И.* Жанрово-исторические разновидности героического эпоса адыгских народов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. М.: Наука, 1980. С. 228–247.

Алиева 1986 – *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов / Отв. ред. М.А. Кумахов. М.: Наука, 1986. 276 с.

Алиева 2010 – *Алиева А.И.* Основоположник российского академического кавказоведения, академик А.М. Шёгрен. Исследование. Тексты. Составление, вступительная статья, аннотированный «Указатель имен», подготовка рукописных материалов А.М. Шёгрена из архивов С.-Петербурга и Хельсинки А.И. Алиевой / Ответственный редактор М.И. Исаев. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 952 с.

Алиева 2017 – *Алиева А.И.* «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX – начала XX вв.: кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. Составление, вступительное исследование, примечания А.И. Алиевой. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 816 с.

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Адыгский героический эпос. Сказка. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2019.736 с.

Алиева 2023 – *Алиева А.И.* Из истории российского академического кавказоведения. Состав. А.М. Гутов, научный ред. Ю.М. Тхагазитов. Нальчик: Принт-Центр, 2023. 424 с.

Куашев 1968 – *Куашев Б.И.* История собирания кабардино-черкесского фольклора. Б.И. Куашев. Собрание сочинений, т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 101–145; 133–135.

Миллер 2008 – *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. Составление, вступительная статья, комментарии, библиографический указатель трудов В.Ф. Миллера по истории, этнографии, религии, языкам и фольклору народов Северного Кавказа А.И. Алиевой / Отв. ред. М.И. Исаев / Серия «Памятники отечественной науки. XX век». М.: Наука, 2008. 998 с.

Нарты 1974 – *Нарты Адыгский героический эпос*. Составители А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. Перевод А.И. Алиевой М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»., 1974. 416 с.

Очерки 1968 – *Очерки истории кабардинской литературы*. Под редакцией А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1968. 303 с.

Сказки 1978 – *Сказки адыгских народов*. Составление, вступит. статья, примечания, типологический анализ и сводный указатель сюжетов А.И. Алиевой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1978. 406 с.

Фольклор адыгов 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.* Составление, вводная статья, приложения А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.

Фольклор адыгов 1988 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.* Часть 2. Составление, вводная статья, приложения А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1979. 272 с.

Фольклор карачаевцев… 1983 – *Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX вв.* (Балкарская историческая серия). Составление, вступительная статья и комментарии Алиевой А.И., Хаджиевой Т.М. Нальчик: Эльбрус, 1983. 433 с.

Фольклор и этнография 2020 – *Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв*. Составление, подготовка текстов, предисловие, примечания А.И. Алиевой. М.: Литера, 2020. 708 с.

Фольклор, этнография 2024 – *Фольклор, этнография, религиозные представления ингушей в российских научных изданиях XIX – начала XXвв.* Составитель, автор исследования и комментариев А.И. Алиева. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2024. 416 с.

Холаев 1974 – *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Под редакцией А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. 144 с.

References

ABAEV V.I. *Nartovskii epos osetin* [The Nart epic of the Ossetians]. IN: Scientific Notes of the North Ossetian Research Institute. Vol. 10, issue I. Dzaujikau, 1945. P. 3–144. (In Russian)

Abazinskie narodnye skazki [Abaza folk tales]. Responsible editor, author of the typological analysis of plots and the consolidated plot index A.I. Alieva. Moscow: Nauka. Main Editorial Office of Oriental Literature, 1985. 411 p.

ALIEVA A.I. *Adygskii nartskii epos* [Adyghe Nart Epic]. Moscow–Nalchik: Elbrus, 1969. 168 p. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Istoriko-geroicheskii epos adygov i ego stadial'naya spetsifika* [Historical-Heroic Epic of the Adyghe People and Its Stage-Specific Features] // Folklore. Typology of the Folk Epic. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 139–161. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Zhanrovo-istoricheskie raznovidnosti geroicheskogo eposa adygskikh narodov* [Genre-historical varieties of the heroic epic of the Adyghe peoples] // Typology and Interconnections of the Folklore of the Peoples of the USSR. Poetics and Stylistics. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 228–247. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygskikh narodov* [Poetics and Style of Fairy Tales of the Adyghe Peoples]. Edited by M.A. Kumakhov. Moscow: Nauka, 1986. 276 p. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Osnovopolozhnik rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya, akademik A.M. Shegren. Issledovanie. Teksty* [The founder of Russian academic Caucasus studies, Academician A.M. Shöegren. Research. Texts]. Compilation, introductory article, annotated "Index of Names," preparation of A.M. Sjögren's handwritten materials from the archives of St. Petersburg and Helsinki by A.I. Alieva / Editor-in-Chief M.I. Isaev. Moscow: IMLI RAS, 2010. 952 p. (In Russian)

ALIEVA A.I. *«Otrechennye» stranitsy istorii rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya kontsa XIX – nachala XX vv.* ["Renounced" Pages of the History of Russian Academic Caucasian Studies of the Late 19th – Early 20th Centuries]. The Caucasian Studies Legacy of A.S. and P.S. Uvarov. Compilation, introductory study, notes by A.I. Alieva. Moscow: IMLI RAS, 2017. 816 p. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Adygskii geroicheskii epos. Skazka. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika* [Adyghe Heroic Epic. Fairy tale. Textology. Typology. Semantics. Poetics]. Moscow: IMLI RAS, 2019. 736 p. (In Russian)

KUASHEV B.I. *Istoriya sobiraniya kabardino-cherkesskogo fol'klora* [The History of Collecting Kabardian-Circassian Folklore]. B.I. Kuashev. Collected Works, vol. 2. Nalchik: Elbrus, 1968. Pp. 101–145; 133–135. (In Russian)

MILLER V.F. *Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza* [Folklore of the Peoples of the North Caucasus]. Compilation, introductory article, comments, bibliographic index of V.F. Miller's works on the history, ethnography, religion, languages, and folklore of the peoples of the North Caucasus by A.I. Alieva / Edited by M.I. Isaev / Series "Monuments of Russian Science. The 20th Century." Moscow: Nauka, 2008. 998 p. (In Russian)

Narty Adygskii geroicheskii epos [Nartes. Adyghe Heroic Epic]. Compiled by A.I. Alieva, A.M. Gadagatl, Z.P. Kardangushev. Translated by A.I. Alieva. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature of the Nauka Publishing House, 1974. 416 p. (In Russian)

Ocherki istorii kabardinskoi literatury [Essays on the History of Kabardian Literature]. Edited by A.I. Alieva. Nalchik: Elbrus, 1968. 303 p. (In Russian)

Skazki adygskikh narodov [Fairy tales of the Adyghe peoples]. Drafting, joining. article, notes, typological analysis and summary index of plots by A.I. Aliyeva. Moscow: Nauka. The m*ain editorial office of Oriental literature. 1978. 406 p* .

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX- nachala XX vv. [Folklore of the Adygs in records and publications of the XIX – early XX centuries]. Compilation, introductory article, appendices by A.I. Aliyeva. Nalchik: Elbrus, 1979. 404 p. (In Russian)

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX- nachala XX vv. Chast' 2. [The folklore of the Adyghe people in records and publications from the 19th to the early 20th centuries. Part 2]. Compilation, introductory article, appendices by A.I. Aliyeva. Nalchik: Elbrus, 1979. 272 p. (In Russian)

Fol'klor karachaevtsev i balkartsev v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – serediny XX vv. [The folklore of the Karachays and Balkars in records and publications from the 19th to the mid-20th centuries]. (Balkar Historical Series). Compilation, introductory article and comments by Alieva A.I., Khadzhieva T.M. Nalchik: Elbrus, 1983. 433 p. (In Russian)

Fol'klor i etnografiya chechentsev v rossiiskikh nauchnykh izdaniyakh XIX – nachala XX vv. [Folklore and Ethnography of the Chechens in Russian Scientific Publications of the 19th – early 20th centuries]. Compilation, preparation of texts, preface, notes by A.I. Alieva. Moscow: Litera, 2020. 708 p. (In Russian)

Fol'klor, etnografiya, religioznye predstavleniya ingushei v rossiiskikh nauchnykh izdaniyakh XIX – nachala XX vv. [Folklore, Ethnography, and Religious Beliefs of the Ingush in Russian Scientific Publications of the 19th – Early 20th Centuries]. Compiled, author of the study and comments: A.I. Alieva. Rostov-on-Don: Southern Publishing House, 2024. 416 p. (In Russian)

KHOLAEV A.Z. *Karachaevo-balkarskii nartskii epos* [Karachay-Balkarian Nart Epic]. Edited by A.I. Alieva. Nalchik: Elbrus, 1974. 144 p. (In Russian)

Информация об авторах

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the authors

A.M. Gutov – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Circassian Folklore Sector;

L.A. Gutova – Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher Circassian Folklore Sector.

Вклад авторов: Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no confl icts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2026; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 27.06.2026; approved after reviewing 29.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

ЮБИЛЕИ

Научная статья
УДК 811.512. 142
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-114-120

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИСТОРИИ (К 90-ЛЕТИЮ О.Л. ОПРЫШКО)

Зарема Мухамедовна Кешева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kesheva10@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9296-9967

© З.М. Кешева, 2026

Аннотация. Статья приурочена к юбилею историка и архивиста, заслуженного работника культуры КБР, члена Союза писателей и журналистов РФ, члена-корреспондента АМАН, действительного члена Историко-родословного общества в Москве Олега Леонидовича Опрышко. В ней кратко освещается биография, исследовательская и творческая деятельность знаменитого краеведа, популяризатора истории Кабардино-Балкарии, внесшего весомый вклад в развитие истории родного края. Проводится анализ ряда опубликованных им документально-публицистических исследований. Основное внимание уделено анализу трудов Опрышко, изданных в период его работы в Институте гуманитарных исследований – филиале Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Значителен вклад Опрышко в исследование роли народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне: он писал о боевых действиях партизан на территории республики, вкладе тружеников тыла в победу над фашизмом. Благодаря обнаружению Олегом Леонидовичем уникальных документов, были сохранены имена героев Великой Отечественной войны – уроженцев Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: архивист, историк, Великая Отечественная война, Книга памяти, народы Кабардино-Балкарии, единство

Для цитирования: Кешева З.М. Жизнь, посвященная истории (к 90-летию О.Л. Опрышко) // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 114–120. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-114-120

Original article

A LIFE DEDICATED TO HISTORY (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF O.L. OPRISHKO)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, kesheva10@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9296-9967

© Z.M. Kesheva,2026

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of Oleg Leonidovich Opryshko, a historian and archivist, an Honored Worker of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic,

a member of the Union of Writers and Journalists of the Russian Federation, a corresponding member of AMAN, and a full member of the Historical and Genealogical Society in Moscow. It briefly covers the biography, research, and creative work of the renowned local historian and popularizer of the history of Kabardino-Balkaria, who made a significant contribution to the development of the history of his native region. The analysis focuses on the main documentary and journalistic studies published by him. The main focus is on the analysis of Opryshko's works published during his tenure at the Institute for Humanitarian Studies – a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'". Opryshko's contribution to the study of the role of the peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War is significant: he wrote about the combat actions of partisans on the territory of the republic and the contribution of home-front workers to the victory over fascism. Thanks to Oleg Leonidovich's discovery of unique documents, the names of the heroes of the Great Patriotic War – natives of Kabardino-Balkaria – were preserved.

***Keywords**:* archivist, historian, Great Patriotic War, Book of Memory, peoples of Kabardino-Balkaria, unity

***For citation**:* Kesheva Z.M. A life dedicated to history (on the 90th anniversary of O.L. Oprishko). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 114–120. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-114-120

26 июля 2026 г. исполнилось 90 лет со дня рождения краеведа, архивиста, историка Олега Леонидовича Опрышко. Он родился в селении Нартан. Его мама работала преподавателем истории, поэтому интерес к этой науке возник у мальчика с самого детства. Однако произошел эпизод, который мог значительно повлиять на дальнейшую судьбу Опрышко, когда в 1954 г. по окончании школы он поехал по направлению военкомата поступать в Кронштадт, в военно-морское училище. Но судьба распорядилась так, что в результате он вернулся домой, в Тырныауз, и год проработал на горно-обогатительном комбинате электросварщиком.

Весной 1955 г. Опрышко узнал о том, что в Москве есть учебное заведение, в котором он мечтал учиться – историко-архивный институт. Он с успехом его окончил и вернулся в Нальчик, устроившись на работу в КБНИИ (Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, в настоящее время – Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»), где проработал с 1960 по 1964 год научным сотрудником сектора археологии. Он ездил с экспедициями в Верхний Чегем, Эльтюбю, Джулат. В 1962 г. он, в соавторстве с Г.И. Ионе, издал свою первую книгу «Памятники рассказывают» [Ионе, Опрышко 1963]. Директор института Х.Д. Берекетов планировал отправить Опрышко в институт археологии, в аспирантуру, однако архивная деятельность привлекала его больше. Олег Леонидович будет ее совмещать с основной работой на протяжении всей жизни.

С 1964 по 1976 гг. он работал главным хранителем фондов Республиканского краеведческого музея, с 1976 по 2002 гг. – редактором Кабардино-Балкарского книжного издательства «Эльбрус», с 2003 г. по 2018 год – научным сотрудником КБИГИ (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований). Таким образом, значительный период исследовательской деятельности Опрышко был связан с институтом, который также отметил в 2026 г. юбилейную дату – 100-летие основания.

В условиях, диктуемых современным уровнем развития гуманитарной науки, поиску новых подходов к освоению прошлого, направленных на расширение и углубление уже имеющихся представлений о прошлом, а также в свете проводимой на сегодняшний день политики, весьма важным представляется охрана аутентичной исторической памяти от посягательств различных сил, ставящих своей целью дискредитацию содержания, итогов и уроков Великой Отечественной войны. Поэтому книги Олега Леонидовича по данной тематике имеют огромное

значение, как в воспитании подрастающего поколения, так и в создании объективной картины событий войны. В его работах 1970–1980-х гг.: «На Эльбрусском направлении» [Опрышко 1970]; «Заоблачный фронт Приэльбрусья» [Опрышко 1976]; «Золотые Звезды Кабардино-Балкарии» [Опрышко 2010]; «И вспомнят нас поименно» [Опрышко 1985]; «Выстоять и победить» [Опрышко 1988], отражаются события войны, проходившие на территории Кабардино-Балкарии, описаны мужество и героизм советского народа и, как отмечал сам Олег Леонидович в предисловии к книге «И вспомнят нас поименно»: «Их имена и подвиги – живых и павших – навечно вписаны в историю битвы за Кавказ и конечно в историю Кабардино-Балкарии. Ведь все то, что они совершили тогда на поле боя, делалось во имя сегодняшнего дня, во имя нас с вами» [Опрышко 1985: 3].

Публикация сборников документов по Великой Отечественной войне актуальна в настоящее время как никогда. Среди данных изданий хотелось бы отметить книги, подготовленные О.Л. Опрышко в КБИГИ. Одной из них является книга «Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Опрышко 2012] На основе документальных материалов в издании рассказывается об офицерах Красной армии и Военно-Морского Флота СССР, призванных на военную службу из Кабардино-Балкарии и удостоенных во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов орденов, названных именами выдающихся полководцев и флотоводцев России.

В рассказе об офицерах, кавалерах орденов, прослеживается весь их боевой путь, отображенный в наградных листах, согласно которым их награждали орденами и медалями. Среди знаков отличия Советского Союза периода Великой Отечественной войны ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Ушакова и Нахимова стоят на особом месте. Награждение орденами, учрежденными в честь полководцев и флотоводцев производилось достаточно редко. Число удостоенных этих наград насчитывалось от нескольких десятков и сотен до нескольких тысяч человек. В то же время, количество награжденных в годы Великой Отечественной войны другими знаками отличия составляло сотни тысяч человек, орденом Красного Знамени – 238 тысяч, Отечественной войны 1-й степени – 344 тысячи, Отечественной войны 2-й степени – более 1 миллиона, Красной Звезды – более 2 860 000 награждений [Опрышко 2012: 3].

Еще одним значимым исследованием, изданным под грифом КБИГИ является сборник «Войска 37-й и 46-й армий в боях на территории Кабардино-Балкарии в период битвы за Кавказ. Август 1942 – январь 1943 г.» [Войска 2016]. Документы и материалы представляемого сборника освещают историю боевых действий войск 37-й и 46-й армий Закавказского фронта во время Великой Отечественной войны на территории Кабардино-Балкарской Республики в период с августа 1942 по январь 1943 г. (оборонительные бои и изгнание немецко-фашистских захватчиков). В предисловии к изданию автор отмечает: «В тот период фронт боевых действий частично проходил по территории автономных республик Северного Кавказа – Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской. Единение народов этих республик вместе с другими народами страны, их активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, всеобъемлющая помощь Красной Армии явились одним из важных факторов в провале планов гитлеровцев по захвату Кавказа» [Войска 2016: 5].

И, конечно, самое активное участие Олег Леонидович принял в подготовке к изданию 4-х томной Книги памяти Кабардино-Балкарской республики**,** подготовленной в КБИГИ [Книга 2014–2016]. Документальные издания Книги Памяти позволили установить общее количество и имена не вернувшихся с войны уроженцев Кабардино-Балкарии. Списки погибших, к числу которых отнесены и пропавшие без вести, умершие от ран и болезней, составлялись на основе изучения документов и материалов военкоматов, архивов и электронных ресурсов.

В результате было установлено, что в Кабардино-Балкарию с войны не вернулось около 39 тыс. чел. уроженцев республики, погибших в годы в Великой Отечественной войны 1941–1945 г.

В Книге памяти исследован вклад народов Кабардино-Балкарии в победу в Великой Отечественной войне. Впервые выявлены в Центральном архиве Министерства обороны РФ и в электронных ресурсах списки потерь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, списки умерших и похороненных военнопленных (призванных из Кабардино-Балкарии) в г. Цайтхайн (ФРГ) и г. Белая Церковь (Украина). Была проведена тщательная и скрупулезная работа по уточнению, проверке и перепроверке выявленных новых сведений и сведений о военнослужащих – уроженцах Кабардино-Балкарии. Были введены в научный оборот документы и материалы о дивизиях, полках, Красной Армии, сражавшихся на территории Кабардино-Балкарии, о мужестве и героизме их бойцов и командиров. Освещены наиболее важные этапы боевых действий – на берегах Баксана и Терека, за Нальчик и в горах Приэльбрусья. Достигнутые результаты исследования по данному вопросу связаны со злободневностью проблемы поиска наиболее эффективных форм и методов патриотического воспитания молодежи на современном этапе, а также с фальсификациями, ставящими задачей поставить под сомнение вклад народов Советского Союза в победу над фашизмом.

Одной из основных своих задач Олег Леонидович видит в том, чтобы вернуть имена забытых героев. И в этом плане книга «Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.» [Кабардинцы 2014], изданная под грифом КБИГИ представляет особый интерес. Опрышко отмечает: «Я открыл при советской власти, когда Первая мировая война трактовалась как «империалистическая», а её участников представляли как пособников царизма, имена героев, которые были скрыты» [Кочесокова 2025]. Тема участия жителей Кабарды и Балкарии, как и других горцев Кавказа в Первой мировой войне приобретает в наши дни особое значение и актуальность. Ввиду новых внешних политических вызовов, направленных на дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе и попытки спровоцировать межнациональные конфликты, единство горцев с другими народами России в период Первой мировой войны, их мужество в боях по защите Российского Отечества, служат замечательным фактом их верности долгу, ярким примером межнационального и межрелигизного согласия [Опрышко 2014: 5].

В КБИГИ также вышел подготовленный Опрышко сборник «Терские казаки в войнах России в конце XIX – начале XX века» [Терские казаки 2017]. Документы и материалы сборника открывают новые страницы об участии казаков Терского казачьего войска в трех войнах последней трети XIX – начале XX в.: Русско-турецкой (1877–1878 гг.), Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.). Автор отмечает: «… данный сборник подготовлен о казаках, происходивших из станиц Прохладной, Екатериноградской, Приближной, Солдатской, Александровской, Котляревской и Пришибской (ныне в черте г. Майского), в прошлом входивших в Моздокский и Сунженский отделы Терского казачьего войска, с 20–30 гг. XX в. – населенные пункты Кабардино-Балкарской Республики. В наше время, в связи с возрождением терского казачества, указанные станицы входят в Терско-Малкинское окружное казачье общество (Кабардино-Балкария)» [Терские казаки 2017: 3].

Олег Леонидович плодотворно работает и до настоящего времени. Книгу «Жизни и судьбы: ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909–1920» [Опрышко 2020] Опрышко посвятил супруге. «Я работал над этой книгой, осознавая её уход. И очень ценно, что труд этот стал не данью памяти, а посвящением ещё живой – книга увидела свет буквально за три дня до её кончины» [Кочесокова 2025]. В 2022 г. была издана книга Опрышко «Опаленные войной перевалы… Август 1942 – январь 1943» [Опрышко 2022]. В ней повествуется о событиях,

происходивших в период битвы за Кавказ в 1942–1943 гг. на горе Эльбрус и перевалах: Актопракском (Баксанское-Чегемское ущелья), Бечо, Донгуз-Орун, Басса, Чипер-Азау, Чвибери (Чипер-Карачай), «Эхо войны», Хотю-Тау, расположенных в Южном Приэльбрусье, Бурун-Таш – в Северном Приэльбрусье, Шари-Вцек – в центральной части Главного Кавказского хребта.

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне вышло издание «Территория мужества» [Опрышко 2025]. Во вступительном слове Главы КБР Казбека Кокова отмечено, что вклад Опрышко «…в воссоздание подлинной истории Кабардино-Балкарии, основанной строго на архивных документах, велик и значим» [Опрышко 2025: 3].

Награды О.Л. Опрышко: Почетная грамота КБР (1997, 2007); Почетная грамота Парламента КБР (1999); Почетная грамота Правительства КБР (2006); орден «За заслуги перед КБР»; медали «За доблестный труд» и «Ветеран труда» и знак «Отличник печати СССР»; Почетный гражданин с. Нартан (2006); Заслуженный работник культуры КБР (1988); Член Союза писателей и журналистов РФ; Член-корреспондент АМАН; Действительный член Историко-родословного общества.

Глава республики Казбек Коков 30 июля 2026 г. встретился с Олегом Леонидовичем и подписал указ о присвоении Опрышко почетного звания «Народный писатель Кабардино-Балкарской Республики».

Работы Олега Леонидовича (их издано более 20) вызывают большой интерес у читателей, и сохраняют свою актуальность и значимость по сей день. В своих книгах автор рассказывает о судьбах замечательных людей своего времени, об исторических событиях в Кабардино-Балкарии, и делает это, сочетая и захватывающее повествование и концентрированную информационную наполненность. Книги Опрышко помогают читателю приблизиться к описываемым историческим событиям, разглядеть человеческое лицо истории, воскресить имена достойных людей нашего Отечества. Коллектив ИГИ КБНЦ РАН поздравляет Олега Леонидовича с юбилеем и желает долгих лет плодотворной творческой жизни.

Список источников и литературы

Войска ... 2016 – *Войска 37-й и 46-й армий в боях на территории Кабардино-Балкарии в период битвы за Кавказ.* Август 1942 – январь 1943 г. // Сборник документов и материалов / составитель О.Л. Опрышко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 180 с.

Ионе, Опрышко 1963 – *Ионе Г.И., Опрышко О.Л.* Памятники рассказывают. Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 135 с.

Кабардинцы и балкарцы... 2014 – *Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в Первой мировой войне 1914–1918 гг*. / сост., автор комментариев О.Л. Опрышко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.

Книга Памяти... 2014 – Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика / ред. кол.: К.Ф. Дзамихов (предс.) [и др.]; сост.: О.Л. Опрышко, А.И. Тетуев, Х.А. Атабиев. Нальчик: Эльбрус, 2014. Т. I. 448 с.; 2015. Т. II. 408 с.; Т. III. 424 с.; 2016. Т. IV. 424 с.

Кочесокова 2025 – *Кочесокова М.* «Сладкая каторга» Олега Опрышко [Электронный ресурс]. URL. https://xn----7sbablnnmsiu1dzd9c.xn--p1ai/2025/04/30/sladkaja-katorga-olega-opryshko/

Опрышко 1988 – *Опрышко О.Л.* Выстоять и победить. Документальное повествование (О боях во время войны в Кабардино-Балкарии). Нальчик: Эльбрус, 1988. 228 с.

Опрышко 2020 – *Опрышко О.Л.* Жизни и судьбы: ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909-1920. Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2020. 344 с.

Опрышко 1976 – *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М.: Воениздат, 1976. 152 с.

Опрышко 2010 – *Опрышко О.Л.* Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 2010. 168 с.

Опрышко 1985 – *Опрышко О.Л.* И вспомнят нас поименно: Документальное повествование (о боях на Баксанском рубеже в Кабардино-Балкарии в 1942 г.). Нальчик: Эльбрус, 1985. 254 с.

Опрышко 2012 – *Опрышко О.Л.* Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: призваны на военную службы из Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 196 с

Опрышко 1970 – *Опрышко О.Л.* На Эльбрусском направлении. Нальчик: Эльбрус, 1970. 168 с.

Опрышко 2022 – *Опрышко О. Л.* Опаленные войной перевалы… Август 1942 – январь 1943. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. 272 с.

Опрышко 2025 – *Опрышко О.Л.* Территория мужества. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2025. 500 с.

Терские казаки в войнах России в конце XIX – начале XX века. Сборник документов и материалов / сост. О.Л. Опрышко. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 186 с.

References

Vojska 37-j i 46-j armij v boyah na territorii Kabardino-Balkarii v period bitvy za Kavkaz. Avgust 1942 – yanvar 1943 g. [Troops of the 37th and 46th Armies in battles on the territory of Kabardino-Balkaria during the Battle of the Caucasus. August 1942 – January 1943]. Sbornik dokumentov i materialov / sostavitel O.L. Opryshko. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2016. 180 p. (In Russian)

IONE G.I., OPRYSHKO O.L. *Pamyatniki rasskazyvayut* [Monuments tell the story]. Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t. Nalchik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1963. 135 p. (In Russian)

Kabardincy i balkarcy v sostave Kabardinskogo konnogo polka v Pervoj mirovoj vojne 1914–1918 gg. [Kabardians and Balkarians as part of the Kabardian Cavalry Regiment in the First World War of 1914-1918] / sost., avtor kommentariev – O.L. Opryshko. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2014. 222 p. (In Russian)

Kniga Pamyati: Rossijskaya Federaciya. Kabardino-Balkarskaya Respublika [Book of Memory: Russian Federation. Kabardino-Balkarian Republic] / red. kol.: K.F. Dzamihov (preds.) [i dr.]; sost.: O.L. Opryshko, A.I. Tetuev, H.A. Atabiev. Nalchik : Ehlbrus, 2014. T. I. 448 s.; 2015. T. II. 408 p.; T. III. 424 p.; 2016. T. IV. 424 p. (In Russian)

KOCHESOKOVA M. *«Sladkaya katorga» Olega Opryshko ["Sweet Penal servitude" by Oleg Opryshko]* [Ehlektronnyj resurs]. URL. https://xn----7sbablnnmsiu1dzd9c.xn--p1ai/2025/04/30/sladkaja-katorga-olega-opryshko/ (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Vystoyat i pobedit. Dokumentalnoe povestvovanie (O boyah vo vremya vojny v Kabardino-Balkarii)* [To stand up and win : A documentary narrative: (About the battles during the war in Kabardino-Balkaria)]. Nalchik: Ehlbrus, 1988. 228 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Zhizni i sudby: ucheniki Kabardino-Gorskogo realnogo uchilishcha. 1909–1920* [Lives and destinies: students of the Kabardino-Gorsky real college. 1909–1920]. Nalchik Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovyh, 2020 g. 344 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Zaoblachnyj front Priehlbrusya* [The cloudless front of the Elbrus region]. M.: Voenizdat, 1976. 152 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Zolotye zvezdy Kabardino-Balkarii* [Golden Stars of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Ehlbrus, 2010. 168 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *I vspomnyat nas poimenno: Dokumentalnoe povestvovanie (o boyah na Baksanskom rubezhe v Kabardino-Balkarii v 1942 g.).* [And they will remember us by name: A documentary narration (about the battles on the Baksan line in Kabardino-Balkaria in 1942)]. Nalchik: Ehlbrus, 1985. 254 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Kavalery polkovodcheskih i flotovodcheskih ordenov perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov: prizvany na voennuyu sluzhby iz Kabardino-Balkarii* [Cavaliers of the military and naval orders of the Great Patriotic War of 1941_1945: conscripted from Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2012. 196 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Na Ehlbrusskom napravlenii* [The Elbrus direction]. Nalchik: Ehlbrus, 1970. 168 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Opalennye vojnoj perevaly… Avgust 1942 – yanvar 1943* [The passes scorched by the war... August 1942 – January 1943]. Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovyh, 2022. 272 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Territoriya muzhestva* [The Territory of courage]. Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovyh, 2025. 500 p. (In Russian)

Terskie kazaki v vojnah Rossii v konce XIX – nachale XX veka [The Terek Cossacks in the wars of Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries]. Sbornik dokumentov i materialov / sost. O.L. Opryshko. Nalchik: Izdatelskij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 186 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.М. Кешева – кандидат исторических наук. зав. сектором новейшей истории.

Information about the author

Z.M. Kesheva – Candidate of Science (History), Head. the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 30.06.2026

The article was submitted 17.06.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

• статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;

• объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);

• страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

– индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;

– тип статьи (научная статья, обзорная статьи, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;

– индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;

– DOI статьи в верхнем левом углу;

– заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;

– имя, отчество и фамилия автора(ов);

– контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);

– аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);

– ключевые слова (5–7 слов на русском языке);

– заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;

– имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);

– abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);

– keywords (5–7 слов на английском языке);

– контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);

– основной текст статьи;

– список источников;
– список источников на латинице (References);
– дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
– сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

– имя, отчество, фамилию автора (полностью);

– наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);

– адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

– электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;

– открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, ее адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4616-0758

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов[1, 2]

[1] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4616-0758

[2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта✉.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов[1]✉, Петр Петрович Петров[2]

[1] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0000-0000-0000

[2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, https://orcid.org/0000-1111-2222-3333

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов[1]✉, Петр Петрович Петров[2]

[1, 2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

[1] ivanov@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0000-0000-0000

[2] petrov@mail.ru, https://orcid.org/0000-1111-2222-3333

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов[1], П.П. Петров[2], В.В. Васильева[3], Ф.Ф. Федоров[4]

[1, 2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

[3, 4] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «**Аннотация**.» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «**Ключевые слова:**» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки, список источников и литературы

В список источников и литературы включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого

автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников и литературы приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников и литературы

Адыгэ псалъалъэ 1990 – *Адыгэ псалъалъэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013a – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013b – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

КІыщокъуэ 2005 – *КІыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Нальчик: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор… 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор*: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция… 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/ (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1116 (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте http://translit.ru (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal”al”e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. O *natsional’noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: Yazyk. Kul’tura. Rechevoe obshchenie. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: Filologiya i chelovek. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H”uepseg”ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost’. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhkul’turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K”arachaj-malk”ar fol’klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (*Osnovnoi zakon*) *Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki* (*prinyata V Vserossiiskim S”ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.*)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/ (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediaskop*. 2012. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1116 (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;
В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;
V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» ("Contribution of the authors:"). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров– участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Подписано в печать 07.10.2026 г. Формат 70x108 1/16 Гарнитура Times
Усл. печ. л. 11 Цена свободная Заказ 314

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушхова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*